

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 61 din 30.04.2009

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 6/2 (306) 2017

Redactor-șef L. Arsene
Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecător la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscow, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

- Юрий АЛЯБОВ. Формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании экологических преступлений.....3
- Татьяна АНТОНОВА. Понятие и элементы механизма административно-правового регулирования сферы обращения с отходами.....7
- Евгений БАМБИЗОВ. Информационная функция Государственной фискальной службы Украины: состояние и перспективы правового обеспечения.....11
- Yuriy BORYSENKO. Local development networks in Ukraine: the participants' competence formation.....16
- Виктор БОЯРОВ. Некоторые вопросы организации и тактики осмотра места происшествия при расследовании экстремистской деятельности20
- Валентина ВЕЛЬЦЕН. Развитие инфраструктуры аэропортов и авиационной деятельности в Украине.....24
- Александр ГЕРМАН. Транспарентный мониторинг особенностей временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины.....28
- Карим ЕМЕЛЬЯНЕНКО. Сравнительный анализ полномочий органов местного самоуправления нижнего уровня Украины и Республики Казахстан35
- Зоряна ЖУРАВСКАЯ. Обеспечение личной безопасности осужденных к лишению свободы: международно-правовые стандарты.....40
- Станислав КУЦЕНКО. Применение административно-процессуальных норм в сфере развития электронного правительства в современной Украине44
- Наталья МАЙКА. Субъекты правоотношений по возникновению вещных прав на чужое недвижимое имущество.....48
- Nadiya MILOVSKA. The concept of offenses in the sphere of contractual insurance relations.....53
- Алёна МУЛ. Правомерные действия как основание для возмещения вреда, причиненного в связи с чрезвычайными ситуациями.....58
- Наталья НЕСТЕРОВА. Некоторые аспекты понимания сущности понятия «рациональное природопользование».....62
- Станислав ПЕРЛИН. Перспективы совершенствования технико-криминалистических средств, используемых работниками Экспертной службы МВД Украины при осмотре места происшествия.....66

Святослав РЯБЧУК. Криминологическая характеристика личности преступника, который занимается игорным бизнесом.....71

Вероника СЕНЮТА. Становление права интеллектуальной собственности в Древней Греции, Древнем Риме и средневековой Европе: проблемно-историческое исследование.....75

Анна СОХИКЯН. Виды уголовных законов Украины.....79

Елена СТАНКЕВИЧ. Проблемные вопросы исследования субъекта фальсификации лекарственных средств или обращения фальсифицированных лекарственных средств.....83

Станислав ТЕПЛЮК. Порядок признания и исполнения иностранных арбитражных решений в Украине.....87

Ирэна ФАЙНГОЛЬД. Пределы контроля за адвокатской деятельностью в Украине.....90

Олег ЧУВАКОВ. Преступления против основ национальной безопасности Украины: понятие и признаки.....94

Oleksandra SHYNKARUK, Illia SPIVAKOV. Application of administrative coercion measures in electoral relations.....99

Павел ЯСИНОВСКИЙ. Войсковое формирование в составе преступления, предусмотренного статьей 114-1 Уголовного кодекса Украины: проблемы квалификации.....103



УДК 343.98

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Юрий АЛЯБОВ,

старший преподаватель кафедры отраслевого права
Херсонского государственного университета

Аннотация

В статье осуществляется анализ современного состояния взаимодействия органов досудебного расследования с оперативными подразделениями в процессе расследования преступлений против окружающей природной среды, который обусловлен существенным обновлением уголовного процессуального законодательства и реформированием правоохранительной системы Украины. Проводится теоретическое исследование позиций ученых-криминалистов по проблемным вопросам расследования экологических преступлений и по вопросам эффективности использования в ходе таких расследований современных форм взаимодействия следователей с оперативными подразделениями с целью качественной подготовки доказательственной базы для успешного решения задач и достижения целей уголовного производства. Обосновано, что надлежащим образом организованное взаимодействие позволит оптимально использовать возможности для полного, быстрого и непредвзятого расследования преступлений.

Ключевые слова: правоохранительная система, реформирование, уголовное производство, взаимодействие, следователь, оперативные подразделения, органы досудебного расследования.

FORMS OF THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND OPERATIONAL SUBDIVISIONS IN THE PROCESS OF INVESTIGATION OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Yu. Aliabov,

Kherson State University

Summary

The article analyses the current state of interaction between the bodies of pre-trial investigation and operational departments in the process of investigating crimes against the environment, which is caused by a significant update of criminal procedural legislation and the reform of the law enforcement system of Ukraine. A theoretical study is conducted of the positions of forensic scientists on problematic issues of the investigation of environmental crimes, the effectiveness of using modern forms of interaction of investigators with operational departments during such investigations. Such interaction is aimed at the qualitative preparation of the evidence base for the successful accomplishment of tasks and achievement of the objectives of criminal proceedings. It is substantiated that properly organized interaction will allow optimizing the use of opportunities for full, prompt and unbiased investigation of crimes.

Key words: law enforcement system, reform, criminal proceeding, interaction, investigator, operational departments, bodies of pre-trial investigation.

Постановка проблемы. Отдельным предметом внимания ученых-криминалистов являются вопросы улучшения взаимодействия следователей с оперативными подразделениями во время расследования экологических преступлений, что является одним из условий непредвзятого и полного досудебного расследования такого вида уголовных правонарушений. Тактически правильно организованное взаимодействие дает возможность объединить и эффективно использовать оперативно-розыскные и уголовные процессуальные возможности как следователей, так и оперативных подразделений, что и обусловило выбор темы.

Актуальность темы исследования. В современных условиях реформирования политической, правовой и социально-экономической сфер жизни общества важное значение для Украины обретает обеспечение законности, правопорядка, внутренней стабильности. Современные условия развития украинского общества и государства характеризуются как противоречивые по содержанию и по последствиям для судебной и правоохранительной систем, которые реформируются. На достижение стабильности и правопорядка направлена деятельность правоохранительных органов, в компетенцию которых, в частности, входит предотвращение,

выявление, прекращение и раскрытие экологических уголовных правонарушений. Одной из составляющих эффективного противодействия экологическим преступлениям является согласованное и четкое взаимодействие между структурными подразделениями правоохранительных органов: следственными и оперативными подразделениями разных ведомств, а также оптимальное использование их сил и средств, их возможностей.

Состояние исследования. Некоторые вопросы усовершенствования взаимодействия органов досудебного расследования с оперативными подразделениями выступали предметом исследований О. Баулина, М. Багрий,



В. Гевко, Ю. Groшевого, О. Захарченко, С. Ильченко, Н. Карпова, В. Колесника, М. Погорецкого, А. Поляха, В. Пчелкина, А. Саинчина, С. Слинько, В. Слипченко, В. Стратонова, В. Тертышника, М. Шумило, Л. Щербины и других ученых.

Однако немало исследований по этим вопросам в отношении указанной проблемы базируется на анализе норм Уголовно-процессуального кодекса 1960 года. Но современным следователям и оперативным работникам не хватает для повышения эффективности расследования преступлений комментариев к действующему УПК Украины 2012 года [1]. Проблемные вопросы действующего УПК Украины исследовались ограниченным кругом специалистов и не охватывают весь спектр этой проблемы. Поэтому особенности взаимодействия оперативных подразделений с органами досудебного расследования в современных условиях остаются недостаточно исследованными, а без этого сложно обеспечить эффективную организацию досудебного расследования экологических преступлений.

Целью и задачей статьи является расширение и усовершенствование спектра криминалистических научных взглядов на проблемы взаимодействия органов досудебного расследования с оперативными подразделениями во время раскрытия и расследования экологических уголовных правонарушений в условиях существенных изменений, которые произошли в уголовном процессуальном законодательстве Украины с 2012 года и реформирования системы правоохранительных органов Украины.

Изложение основного материала. Взаимодействие органов досудебного расследования с оперативными подразделениями является важной и неотъемлемой составляющей организации и планирования расследования преступлений против окружающей природной среды (экологических преступлений). Мы не находим понятия «взаимодействие» среди положений Уголовного процессуального кодекса Украины, но этот термин означает согласованность действий следователя (следственного органа) и оперативных подразделений во

время раскрытия и расследования преступлений. Как считает В.Ю. Шепитько, взаимодействие – это процесс непосредственного или опосредованного влияния объектов (субъектов) друг на друга, что порождает их взаимообусловленность и связь [2, с. 42]. По мнению Г.А. Хань, эффективное выявление, расследование и профилактика преступлений в значительной мере зависит от успешного взаимодействия следователя с оперативными органами, специалистами, общественностью [3, с. 132].

А.С. Саинчин в своей монографии целую главу посвятил вопросам организации взаимодействия процессуального руководителя и следователя с оперативными подразделениями [9, с. 126]. Анализируя взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, В.Н. Стратонов и О.В. Захарченко среди характерных форм взаимодействия называют: а) составление согласованного плана розыскных мероприятий; б) выполнение сотрудниками оперативного подразделения розыскных действий по поручению следователя; в) совместную согласованную деятельность в составе следственно-оперативной группы; г) обмен информацией и совместное обсуждение результатов розыскных мероприятий [10, с. 986].

Некоторые ученые-криминалисты, в частности, Д.Д. Заяц, под взаимодействием понимают согласованную совместную деятельность субъектов (органов и должностных лиц), которая заключается в применении средств, приемов и методов собирания, исследования, оценки и использования доказательств с целью раскрытия, расследования, судебного рассмотрения и предотвращения преступлений [4, с. 7]. Формы взаимодействия регламентируются Уголовным процессуальным кодексом Украины, Законами Украины «О прокуратуре», «О Национальной полиции», «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью», «Об оперативно-розыскной деятельности», Инструкцией о взаимодействии правоохранительных и других государственных органов Украины в борьбе с преступностью, Инструкцией об организации проведения негласных следственных (ро-

зыскных) действий и использовании их результатов в уголовном производстве.

Процессуальная форма такого взаимодействия осуществляется путем: а) направления поручений следователем, прокурором работникам оперативных подразделений по проведению следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий, что урегулировано ч. 3 ст. 39, ч. 4 ст. 40, ч. 3 ст. 41 УПК Украины [1]; б) привлечения к участию в следственном (розыскном) действии (осмотр места происшествия, эксперимент, обыск, получение образцов для проведения экспертизы) работников оперативных подразделений; в) создания следственных групп или следственно-оперативных групп в соответствии с ч. 2 ст. 38 УПК Украины [1].

К непроцессуальным (организационно-тактическим) формам взаимодействия следователя и оперативных подразделений, как считает ученый-криминалист А.В. Одерий, можно отнести следующие: а) организацию и проведение тактических операций; б) обеспечение следователем методического сопровождения осуществления оперативно-розыскной деятельности и оказание практической помощи оперативному подразделению; в) привлечение сотрудников соответствующих подразделений к охране, конвоированию, задержанию; г) согласованное планирование следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий; д) взаимный обмен информацией и совместное обсуждение результатов проведения согласованных мероприятий уголовного производства; е) своевременный обмен полученной в рамках уголовного производства информацией между взаимодействующими субъектами; ж) привлечение общественности к участию в проведении процессуальных действий и организационных мероприятий (подворный или поквартирный обход, собирание справок, свидетельств, установление потерпевших, свидетелей-очевидцев) [5, с. 312].

Важным заданием криминалистики является усовершенствование рекомендаций по применению разных форм взаимодействия в соот-



ветствии со спецификой конкретной сферы предотвращения преступлений, в частности преступлений против окружающей природной среды. К формам взаимодействия во время расследования экологических уголовных правонарушений относят следующие: а) ведомственное взаимодействие в предотвращении, выявлении, расследовании преступлений против окружающей природной среды, взаимодействие следователя с работниками оперативных подразделений; б) межведомственное взаимодействие следователя и оперативных подразделений с контролирующими (надзорными) правоохранительными органами в сфере охраны экологии и другими государственными органами; в) взаимодействие следователя и оперативных работников, которые выполняют поручения следователя, с экспертными подразделениями и сведущими лицами; г) взаимодействие правоохранительных органов с общественностью, средствами массовой информации; д) международное взаимодействие в сфере противодействия экологической преступности.

В связи с вступлением в силу нового Уголовного процессуального кодекса Украины в редакции 2012 года ведомственное взаимодействие следователя с оперативными подразделениями обрело новые черты, поскольку порядок и основания проведения оперативно-розыскных мероприятий существенно изменились. Теперь их проведение возможно только до начала открытия уголовного производства. В дальнейшем возможна только реализация негласных следственных (розыскных) мероприятий, которые относятся к компетенции следователя, а не оперативного сотрудника, как это было ранее. Хотя их проведение следователь или прокурор могут поручить сотруднику оперативного подразделения, и во время реализации негласного следственного (розыскного) действия такой сотрудник получает статус следователя.

Соответствующим приказом МВД Украины утверждена инструкция по взаимодействию органов досудебного расследования с другими органами и подразделениями внутренних дел, в которой регламентируется совместная деятельность следователя

и сотрудников оперативных подразделений на разных этапах расследования преступления. В частности, в инструкции определено, что в случае ведения оперативным подразделением оперативно-розыскного дела в отношении лиц, о которых есть данные об участии их в подготовке к совершению преступления, подследственным органам внутренних дел, начальник оперативного подразделения обращается к начальнику следственного подразделения о закреплении за этим делом следователя для обеспечения методического сопровождения его реализации и оказания практической помощи оперативному подразделению [6].

Взаимодействие между следователями и оперативными подразделениями происходит при условии соблюдения следующих принципов: процессуальная независимость и ведущий статус следователя; постоянный контакт между следователем и оперативниками, обмен необходимой информацией; согласованность и координация действий сторон; оптимальное соединение наличных сил и средств; осведомленность об условиях, приемах, методах и средствах деятельности и возможностях сторон для решения задач.

Среди форм взаимодействия следователя и оперативных подразделений во время расследования экологических преступлений можно выделить следующие: а) обмен информацией об экологических правонарушениях и лицах, причастных к их совершению; б) совместное обсуждение мыслей, предложений, выводов по материалам уголовного производства; в) совместное планирование следственных (розыскных) действий, выдвижение версий и определение действенных методов их проверки; г) проведение оперативниками по поручению следователя отдельных следственных (розыскных) действий или совместное участие в их проведении; д) создание специальных групп для решения задач; е) совместное выполнение процессуальных действий отдельных организационных мероприятий.

За законность и своевременность выполнения процессуальных действий отвечает следователь органа досудебного расследования. Для ре-

шения этой задачи следователь наделен необходимым объемом полномочий, которые определены в ч. 2 ст. 40 УПК Украины, к которым относятся и взаимодействие с оперативными подразделениями [1].

В ч. 1 ст. 41 УПК Украины названы оперативные подразделения, которые должны по письменному указанию следователя (прокурора) осуществлять следственные (розыскные) действия и негласные следственные (розыскные) действия [1].

Инициатором взаимодействия выступает следователь, когда возникает потребность в привлечении возможностей оперативных подразделений для решения задач досудебного расследования преступлений против окружающей природной среды. Содержание взаимодействия определяется его заданиями: успешное проведение отдельного следственного (розыскного) действия, получение необходимой информации, розыск преступника, вещественных доказательств, документов.

По мнению М. Багрия, взаимодействие следователя с оперативными подразделениями должно соответствовать условиям: а) соблюдение участниками взаимодействия законности распределение полномочий между органами досудебного расследования и оперативными подразделениями, что связано с требованиями закона и спецификой их деятельности; в) комплексное использование сил и средств; г) организующая роль следователя и его процессуальная самостоятельность в процессе расследования [7, с. 315].

Формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями в ходе расследования экологических уголовных правонарушений можно классифицировать на процессуальные, которые регулируются уголовным процессуальным законодательством, и непроцессуальные (организационные), которые регулируются ведомственными нормативно-правовыми актами (приказами, инструкциями, указаниями) и нормами служебной этики. В отличие от УПК Украины 1960 года, в УПК Украины 2012 года законодатель свёл перечень процессуальных форм взаимодействия следователей с опера-



тивными подразделениями (поручение, указание, содействие) к одному виду – поручению.

Среди разновидностей процессуальной формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями в ходе досудебного расследования экологических преступлений можно выделить такие как: а) передача следователю материалов при выявлении путем оперативно-розыскных мероприятий признаков экологического уголовного правонарушения; б) проведение оперативно-розыскных мероприятий в производстве, в котором не установлена личность уголовного правонарушителя; в) исполнение поручений следователя по проведению следственных (розыскных) действий; г) осуществление мер по установлению личности подозреваемого и его розыска; привод подозреваемого, обвиняемого, свидетеля.

Существуют некоторые разногласия по оформлению процессуального решения о взаимодействии следователя с оперативными подразделениями. Например, в ч. 2 ст. 6 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» определено, что основания осуществления такой деятельности могут содержаться в письменных поручениях и постановлениях следователя [8]. В то же время, в ч. 1 ст. 41 УПК Украины определено, что оперативные подразделения проводят следственные (розыскные) действия и негласные следственные (розыскные) действия по письменному поручению следователя [1].

В практической деятельности следователи, как правило, обращаются к оперативным подразделениям с письменными поручениями. Однако, в ч. 3 ст. 110 УПК Украины предусмотрено, что решения следователя во время производства досудебного следствия принимаются в форме постановления [1]. Исходя из этого, необходимо, чтобы следователи оформляли свои поручения в форме постановления.

Непроцессуальные (организационные) формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями связаны с процессуальными формами и содействуют, по своему назначению, более рациональному и эффективному использованию процессуальных форм. Непроцессуаль-

ные формы используются на всех этапах уголовного производства, особенно во время сложных, многоэпизодных производств.

В частности, целесообразно применять следующие непроцессуальные формы: совместное планирование работы по раскрытию и расследованию экологических преступлений; использование следователем результатов оперативно-розыскной деятельности для построения версий в уголовном производстве; инструктаж оперативных сотрудников перед началом следственных (розыскных) действий; обмен информацией между следователем и оперативниками; предоставление методических рекомендаций и консультации следователем по порядку документирования противоправных действий.

Предписания уголовного процессуального закона для следователя в части побуждения его к взаимодействию с оперативными подразделениями во всех случаях являются альтернативными, то есть следователь, в соответствии с требованиями УПК Украины, вступает во взаимодействие только тогда, когда считает это необходимым. УПК Украины определяет, что следователь имеет право давать оперативным подразделениям соответствующие поручения, а последние обязаны их исполнять.

Выводы. Оперативные подразделения и органы досудебного расследования должны сосредоточиться на исполнении своих функций, которые в последнее время, в связи с принятием нового массива нормативно-правовых актов, испытали существенные изменения. Однако эффективность противодействия экологическим уголовным правонарушениям и конечный результат деятельности каждого из этих органов в большой мере зависит от уровня взаимодействия этих субъектов в определенной сфере. Надлежащим образом организованное взаимодействие даст возможность органично соединить и оптимизировать использование возможностей оперативных подразделений и органов досудебного расследования во время уголовного производства, благодаря чему можно достичь полноты, быстроты и непредвзятости расследования экологических преступлений.

Досудебное расследование интегрировано с реализацией оперативными подразделениями и органами предоставленных им прав и обязанностей, а значит, и с определенными правоотношениями, которые предусмотрены уголовным процессуальным законом, законодательством об оперативно-розыскной деятельности и ведомственными приказами, инструкциями, положениями. Характер таких правоотношений определяется конкретными формами их взаимодействия, под которыми понимают такие способы и порядок взаимосвязи между субъектами, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное соотношение полномочий, методов и способов работы.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України. – Х. : Одісей, 2012. – 360 с.
2. Шепітько В.Ю. Криміналістика: енцикл. словник (українсько-російський і російсько-український) / В.Ю. Шепітько ; за ред. В.Я. Тація. – Х. : Право, 2001. – 560 с.
3. Хань Г.А. Проблеми планування та організації розслідування злочинів в ОВС / Г.А. Хань // Використання сучасних досягнень криміналістики у боротьбі зі злочинністю: матеріали 3-ї міжвуз. наук.-практ. конф. студентів, курсантів і слухачів (Донецьк, 28 березня 2003 р.). – Донецьк, 2003. – С. 132.
4. Заяць Д.Д. Поняття взаємодії у боротьбі зі злочинністю: криміналістичний підхід / Д.Д. Заяць, Р.Л. Степанюк // Вісник Харківського нац. ун-ту внутр. Справ. – 2006. – Вип. 32. – С. 7–11.
5. Одерій О.В. Теорія і практика розслідування злочинів проти довкілля: монографія / О.В. Одерій. – Харків : Діса плюс, 2015. – 528 с.
6. Про організацію взаємодії органів досудового розслідування з іншими органами та підрозділами внутрішніх справ у попередженні, виявленні та розслідуванні кримінальних правопорушень: наказ МВС України від 14 серпня 2012 року № 700 // Офіційний вісник України. – 2012. – № 84. – Ст. 3408.
7. Багрій М. Взаємодія слідчого з працівниками підрозділів, які



здійснюють оперативну-розшукову діяльність / М. Багрій // Вісник Львівського університету. Серія «Юридична». – 2013. – Вип. 57. – С. 315.

8. Про оперативну-розшукову діяльність: Закон України від 2 лютого 1992 року // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 22. – Ст. 303.

9. Саїнчин О.С. Протидія незаконній міграції в Україні (криміналістичні, кримінологічні та оперативно-розшукові аспекти) : монографія / О.С. Саїнчин. – Херсон: Видавничий дім «Гельветика», 2016. – 436 с.

10. Стратонов В.М. Загальні положення взаємодії слідчого з органом дізнання в процесі розшуку та встановлення місця знаходження обвинуваченого / В.М. Стратонов, О.В.Захарченко // Форум права. – 2011. – № 1. – С. 982.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонова Татьяна Леонтьевна – кандидат юридических наук, соискатель кафедры административного права и процесса Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Antonova Tatiana Leontevna – Candidate of Juridical Sciences, Degree Seeking Applicant at Department of Administrative Law and Procedure, National Academy of Internal Affairs of Ukraine

dimidenkov@ukr.net

УДК 657.22:504.03

ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ

Татьяна АНТОНОВА,
кандидат юридических наук,
соискатель кафедры административного права и процесса
Национальной академии внутренних дел

Аннотация

В данной научной статье автором доказано, что механизм административно-правового регулирования обращения с отходами – это система административно-правовых средств, которые используются для регулирования общественных отношений в сфере обращения с отходами компетентными субъектами публичной администрации с целью минимизации образования, уменьшения количества отходов и очистки мест удаления отходов, развития системы рециклинга отходов, охраны окружающей природной среды. Определено, что в состав механизма административно-правового регулирования обращения с отходами относятся основные (главные) элементы: административно-правовые нормы; административно-правовые отношения; субъекты административного права; акты реализации норм административного права и вспомогательные (дополнительные) элементы механизма административно-правового регулирования; правовое сознание, правовая культура и законность.

Ключевые слова: публичное администрирование, субъект, организация, отходы, операции по обращению с отходами, рециклинг отходов, административная ответственность в сфере обращения с отходами.

THE CONCEPT AND ELEMENTS OF THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF WASTE MANAGEMENT

T. Antonova,
National Academy of Internal Affairs of Ukraine

Summary

In this scientific article the author proves that the mechanism of administrative and legal regulation of waste management is a system of administrative and legal means that are used to regulate public relations in the field of waste management by competent subjects of public administration in order to minimize education, reduce waste and clean up places Waste disposal, development of a recycling system for waste, environmental protection. It is determined that the main (main) elements in the mechanism of administrative and legal regulation of waste management are: administrative and legal norms; Administrative and legal relations; Subjects of administrative law; Acts of the implementation of the norms of administrative law and auxiliary (additional) elements of the administrative and legal regulation mechanism include: legal consciousness, legal culture and legality.

Key words: public administration, subject, organization, waste, operations on waste management, waste recycling, administrative responsibility in the sphere of waste management.

Одним из видов механизмов правового регулирования является механизм административно-правового регулирования. Вместе с тем на сегодняшний день отсутствует единство мнений относительно определения данного понятия, набора элементов, составляющих его содержание, осо-

бенностей функционирования его в правовой системе.

И.И. Веремеенко определяет механизм административно-правового регулирования как совокупность административно-правовых средств, с помощью которых осуществляется воздействие на отношения, возникающие в процессе



исполнительно-распорядительной деятельности государства [1, с. 55].

По мнению А.П. Коренева, под механизмом административно-правового регулирования следует считать систему административно-правовых средств, которые влияют на общественные отношения, организуя их в соответствии с задачами государства и общества [2, с. 42].

С.Г. Стеценко считает, что механизм административно-правового регулирования – совокупность правовых средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений в сфере административного права [3, с. 63].

В.Г. Черная механизм административно-правового регулирования определяет как совокупность административно-правовых средств, с помощью которых урегулируются общественные отношения в соответствии с общепринятыми европейскими стандартами, которые направлены на удовлетворение публичных интересов и потребностей общества.

Авторы учебника «Курс лекций по административному праву» определяют механизм административно-правового регулирования как совокупность административно-правовых средств, с помощью которых осуществляется воздействие на отношения, возникающие в процессе реализации административных обязательств публичной администрации. В то же время в структуру этого механизма входят следующие элементы (средства): нормы административного права, объективно выраженные в законах и других нормативных актах; административно-правовые отношения; акты применения норм административного права; акты толкования норм административного права; правосознание; правовая культура; законность [9]. В целом аналогично подходим к исследованию содержания элементов механизма административно-правового регулирования, впрочем, считаем, что часть из них являются обязательными, а часть – вспомогательными (факультативными). Так, например, такие элементы механизма административно-правового регулирования, как: нормы административного права; административно-правовые отношения; акты применения норм административного права и акты толкования норм административного права являются обязательными. А правосознание, правовая культура,

законность являются вспомогательными (факультативными).

Итак, механизм административно-правового регулирования – это система элементов (обязательных и факультативных), которые регулируют общественные отношения, возникающие в сфере публичного управления в процессе выполнения властными субъектами своих прав и обязанностей в целях удовлетворения общественных интересов граждан.

Одним из подвидов механизма административно-правового регулирования является механизм административно-правового регулирования обращения с отходами в Украине.

Административно-правовое регулирование осуществляется в различных сферах деятельности государства, в том числе и в сфере обращения с отходами. К сожалению, следует отметить, что исследованию сущности и элементов механизма административно-правового регулирования обращения с отходами уделено недостаточно внимания, в монографических трудах данный вопрос вообще осталось без внимания. Именно поэтому, раскрыв дефиниции таких понятий, как «механизм», «регулирование», «механизм правового регулирования» и «механизм административно-правового регулирования», мы считаем необходимым дать собственное определение понятия «механизм административно-правового регулирования обращения с отходами» и раскрыть содержание его элементов.

По нашему мнению, механизм административно-правового регулирования обращения с отходами – это система административно-правовых средств, которые используются для регулирования общественных отношений в сфере обращения с отходами компетентными субъектами публичной администрации с целью минимизации образования, уменьшения количества отходов и очистки мест удаления отходов, развития системы рециклинга отходов, охраны окружающей природной среды.

При исследовании такого правового института, как механизм административно-правового регулирования обращения с отходами, необходимо уделить особое внимание элементам данного механизма, раскрытие которых даст в полной мере понимания того, каким образом осуществляется административно-правовое регулирование обращения с отходами.

В теории административного права существуют подобные мнения относительно набора элементов механизма административно-правового регулирования. Так, А.П. Коренев к элементам механизма административно-правового регулирования как системы средств, которые влияют на отношения, относит: нормы административного права и его принципы, выраженные в законах, указах и других нормативных актах; акты толкования норм административного права; акты применения норм административного права; административные правоотношения [2, с. 42].

С.Г. Стеценко элементы механизма административно-правового регулирования делаются на две группы: органические и функциональные. Органическими составными частями данного механизма могут считаться те, которые определяют суть самого явления, то есть без которых не может происходить сам механизм административно-правового регулирования. К ним, по мнению ученого, следует отнести: нормы права; акты реализации норм права; правоотношения. В свою очередь, функциональными составляющими частями механизма могут считаться те, которые в значительной степени влияют на механизм административно-правового регулирования, по его выраженности и эффективности, одновременно они не являются обязательными элементами. К таким составляющим относятся: юридический факт; правовое сознание; законность; акты толкования норм права; акты применения норм права [3, с. 64]. Такой же точки зрения придерживается Т.А. Коломеец [4].

Ю.Н. Стариков считает, что механизм административно-правового регулирования включает в себя следующие специфические средства: 1) на основании определенной законодателем компетенции одна сторона наделена юридически властными полномочиями, выдает волевые предписания, которые обязательно выполняются подвластной стороной; 2) одностороннее волеизъявление одного участника правоотношений, так как волеизъявление является юридически властным, и именно этому оно имеет решающее значение; 3) подчиненность субъектов права предписаниям, которые поступают от субъектов наделенных властными полномочиями, которые они принимают в соответствии со своей компетенцией; 4) использование



в соответствующих случаях установленных нормативно-правовыми актами разрешений. При этом между участниками правоотношений возникает равенство сторон. Использование разрешений осуществляется только в том случае, если это указано в административно-правовых нормах. Вместе с тем разрешения могут устанавливаться и другими нормативно-правовыми актами других отраслей права, в частности: экологического, таможенного, земельного и др. [5, с. 669].

Считаем, что административно-правовые нормы необходимо одним из основных элементов механизмов административно-правового регулирования обращения с отходами, регулируют вопросы понятия, видов, правового положения субъектов в исследуемой сфере, при этом следует отметить, что нормативно-правовое обеспечение в сфере обращения с отходами и с отходами в целом, к сожалению, крайне недостаточным. Ведь существующие нормативные акты имеют множество правовых пробелов и коллизий, а также не могут решить вопрос эффективного обращения с отходами. То есть имеем в виду несоответствие состояния нормативного обеспечения потребностям. В то же время административно-правовые нормы, четко определяющие поведение субъектов в исследуемой сфере, устанавливают права и обязанности сторон административных правоотношений в сфере обращения с отходами. Указывают пределы обязанности одного субъекта и границы поведения другого.

С.В. Кивалов и Л.Р. Била, исследуя теорию механизма административно-правового регулирования, отмечают, что обязательным элементом механизма административно-правового регулирования является административно-правовые нормы, то есть правила поведения, которые устанавливаются или санкционируются государством и являются обязательными для исполнения. Считаем, что административно-правовые нормы необходимо одним из основных элементов механизмов административно-правового регулирования обращения с отходами, регулируют вопросы понятия, видов, правового положения субъектов в исследуемой сфере, при этом следует отметить, что нормативно-правовое обеспечение в сфере обращения с отходами и с отходами в целом, к сожалению, крайне недостаточно. Ведь существующие

нормативные акты имеют множество правовых пробелов и коллизий, а также не могут решить вопрос эффективного обращения с отходами. Имеем в виду несоответствие состояния нормативного обеспечения потребностям. В то же время административно-правовые нормы, четко определяющие поведение субъектов в исследуемой сфере, устанавливают права и обязанности сторон административных правоотношений в сфере обращения с отходами. Указывают пределы обязанности одного субъекта и границы поведения другого.

Следующим обязательным элементом механизма административно-правового регулирования, по нашему мнению, является административно-правовые отношения, то есть отношения, складывающиеся между субъектами публичной администрации, субъектами публичной администрации и физическими и юридическими лицами, между публичной администрацией и общественными объединениями. В данных отношениях конкретизируются нормы той или иной нормы административного права, определяется характер данной группы отношений, а также получают индивидуализацию права и обязанности их участников, то есть тех субъектов, которые непосредственно вступают в административно-правовые отношения.

Предметом таких отношений является совершение соответствующих операций в сфере обращения с отходами с целью их минимизации, создание условий для их повторной переработки, а также содействие и борьба с экологическим благополучия населения.

Особенностями административно-правовых отношений, возникающих в сфере обращения с отходами, являются: 1) являются подвидом правовых отношений; возникают, изменяются и прекращаются в плоскости публичного администрирования, непосредственно совершения определенных действий, (операций) связанных с предотвращением образования различных видов отходов, определения порядка их сбора, перевозки, сортировки, хранения, рециклинга и захоронения, в том числе осуществление контроля за этими операциями и надзор за местами удаления отходов; 2) основа для их формирования (возникновения) – соответствующая административно-правовая норма (ы), которые включают в себя абстрактную конструкцию отноше-

ний, поведение определенных субъектов; 3) находят свое выражение (объективизируются в правовой плоскости) с момента возникновения юридических фактов, которые определены административно-правовыми нормами; 4) одной из сторон в данной группе отношений является обязательно носитель властных полномочий (публичная администрация); 5) иерархически данные отношения построены по принципу «власть подчинения», то есть одна сторона наделена властными полномочиями по другой, а вторая сторона обязана выполнять императивные предписания властного субъекта (например, отношения между районной государственной администрацией и органами местного самоуправления); 6) могут иметь реординационный характер, то есть возникают по инициативе любой из сторон. Например, обращение коммунального унитарного предприятия «ЕкоВин» в Исполнительный комитет Винницкого городского совета об утверждении норм предоставления услуг по вывозу бытовых отходов; 7) споры между сторонами таких отношений решаются: а) в административном порядке; б) в порядке административного судопроизводства, определенном нормами Кодекса административно-судопроизводства Украины [6].

А.Н. Гаврилюк отмечает, что административно-правовое регулирование отходов осуществляется по нескольким направлениям, которые можно выделить по признаку однородности регулирования общественных отношений. О необходимости упорядочения нормами административного права отношений в сфере обращения с отходами свидетельствует и мнение А.А. Осирко, которая отмечает, что органы исполнительной власти могут применять широкий круг разнообразных административно-правовых форм государственного влияния, в частности: разрешение, предоставление заключений, проведение экспертиз, осуществление государственного контроля, ограничение или прекращение деятельности хозяйствующих субъектов применения административной ответственности [7, с. 16]. При этом, по нашему мнению, у властных компетентных субъектов в сфере обращения с отходами круг полномочий шире, ведь, стоит говорить о Верховной Раде Украины, которая принимает законы, которыми урегулируются соот-



ветствующие вопросы, а также органы местного самоуправления, наиболее практически приближенные к проблеме обращения с отходами [8, с. 155].

По нашему мнению, приведенные позиции А.В. Гаврилюка и А.А. Осирко является бесспорно правильным. Что касается видов административно-правовых средств, считаем, что кроме празднично-регистрационных и контрольных групп средств, еще необходимо включить в административно-правовых средств в сфере обращения с отходами и административную ответственность в сфере обращения с отходами, и надзор, который осуществляют соответствующие субъекты на различных уровнях, лицензирование в сфере обращения с отходами и тому подобное.

Четвертым основным элементом механизма административно-правового регулирования в сфере обращения с отходами являются акты реализации норм административного права, то есть процесс практического выражения (перенос) в жизни субъектами административного права воли, выраженной в административно-правовых нормах.

Авторы «Курса лекций по административному праву» акцентируют внимание на существовании четырех форм реализации норм административного права, таких как: выполнение – это активное поведение субъекта административных правоотношений по выполнению юридических обязанностей. К данному варианту реализации административно-правовых норм относятся такие действия, как уплата налогов, предоставление отчетов, осуществление регистрации, получение паспорта и тому подобное; использование – это активное поведение субъекта административных правоотношений по осуществлению предоставленных ему юридических прав (возможностей). Действиями в отношении использования административно-правовых норм являются: представление жалобы, заявление об отпуске, использование предоставленных государством льгот и тому подобное; соблюдение – это пассивное поведение субъекта административных правоотношений, который не допускает нарушений административно-правовых запретов; применение – это деятельность публичной администрации по решению конкретных дел и издание индивидуальных юридических актов,

основанных на требованиях материальных или процессуальных норм [9]. В связи с тем, что сфера обращения с отходами относится к сфере публичного управления, то можно сказать, что, как правило, формами реализации актов административного права в исследуемой сфере является именно выполнение и применение, хотя реализация других форм также присутствует в сфере обращения с отходами.

А.В. Гарилук, исследуя вопросы административно-правовой охраны обращения с отходами, отмечает, что административно-правовое регулирование общественных отношений в сфере обращения с отходами невозможно без правового режима, на который влияют требования, установленные нормативно-правовыми актами по сбору, удалению, размещению, хранению, переработке, утилизации, захоронению, вывозу отходов [8, с. 155].

На основании вышеизложенного считаем, что элементами механизма административно-правового регулирования обращения с отходами являются:

1) норма административного права, то есть совокупность нормативно-правовых актов различной юридической силы, которые в той или иной степени регулируют вопросы обращения с отходами (предотвращение образования отходов, их сбора, перевозки, сортировки, хранения, обработки, переработки, утилизации, удаления, обезвреживания и захоронения, включая контроль за этими операциями и надзор за местами удаления отходов);

2) организационно-структурные формирования, то есть система государственных и негосударственных образований, на которые возложены урегулирования отношения, возникающие между субъектами административного права в сфере обращения с отходами;

3) правоотношения, связанные с образованием, сбором и заготовкой, сортировкой, перевозкой, хранением, обработкой (переработкой), утилизацией, удалением, обезвреживанием и захоронением отходов, образующихся в Украине, перевозятся через ее территорию, вывозятся из нее, а также с перевозкой, обработкой и утилизацией отходов, ввозимых в Украину как вторичное сырье;

4) акты реализации норм административного права по обращению с

отходами находят свое выражение путем предоставления соответствующих услуг в сфере обращения с отходами, например услуги по приему, размещению (хранению и захоронению) и утилизации твердых бытовых отходов и крупногабаритных бытовых отходов; проведение инвентаризации отходов. Расчет Пзув; организация эффективного использования отходов; контроль условий и состояния временного размещения отходов; оформление реестровых карт объектов образования отходов; услуга по осуществлению мониторинга деятельности подрядчиков, которые размещают или утилизируют отходы, по качеству выполнения их обязательств, является частью комплекса услуг по экологическому аутсорсинга и тому подобное. В то же время это может быть уплата экологического налога, предоставления отчетов, осуществление регистрации, мониторинга, ведения государственного реестра и т.д.;

5) правовое сознание, то есть необходимость осуществлять просветительскую и организационную работу с населением, арендаторами и собственниками нежилых помещений, направленную на поддержание в надлежащем состоянии придомовых территорий;

6) правовая культура – понимание каждым членом общества значения рационального обращения с отходами, осознание возможности нанесения безвозвратной вреда окружающей среде;

7) законность, то есть соответствующий правовой режим, с помощью которого участники административных правоотношений в сфере обращения с отходами придерживаются норм административного и других отраслей права, в противном случае наступает уголовная, административная, гражданская и дисциплинарная ответственность.

Таким образом, считаем, что в состав механизма административно-правового регулирования обращения с отходами относятся основные (главные) элементы: административно-правовые нормы; административно-правовые отношения; субъекты административного права; акты реализации норм административного права и вспомогательные (дополнительные) элементы механизма административно-правового регулирования; правовое сознание, правовая культура и законность.



Список использованной литературы:

1. Веремеенко И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка / И.И. Веремеенко. – М., 1981. – 350 с.
2. Корнев А.П. Административное право России: в 3 ч. Ч. I / А.П. Корнев. – М. : МЮИ МВД России. Изд-во «Щит-М», 1999. – 280 с.
3. Стеценко С.Г. Адміністративне право України / С.Г. Стеценко. – К. : Атіка, 2007. – 624 с.
4. Адміністративне право України : [навч. посіб.] / Г.Ю. Гулевська, Т.О. Коломоєць. – К. : Истина, 2008. – 216 с.
5. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права : в 3 т. / Ю.Н. Стариков – М. : НОРМА (Изд. группа НОРМА – ИНФРА М), 2002. – Т. 1 : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – 2002. – 728 с.
6. Кодекс адміністративного судочинства України від 6 лип. 2005 р. № 2747-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ligazakon.ua>.
7. Оскірко А.О. Адміністративна відповідальність за порушення у сфері поведінки з відходами : дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : 12.00.07 / А.О. Оскірко. – НУБіП України, Київ, 2015. – 217 с.
8. Гаврилук О.М. Побутові відходи як об'єкти адміністративно-правової охорони / О.М. Гаврилук. – С. 153–157.
9. Курс адміністративного права України : підруч. / [В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко, І.Д. Пастух, В.Д. Сущенко]. – [2-ге вид., перероб. і допов.]. – Київ : Юрінком Інтер, 2013. – 872 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонова Татьяна Леонтьевна – кандидат юридических наук, соискатель кафедры административного права и процесса Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonova Tatiana Leontevna – Candidate of Juridical Sciences, Degree Seeking Applicant at Department of Administrative Law and Procedure, National Academy of Internal Affairs of Ukraine

dimidenkov@ukr.net

УДК 342.9

ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИСКАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Евгений БАМБИЗОВ,

соискатель кафедры административного и хозяйственного права Запорожского национального университета

Аннотация

Проанализировано состояние правового обеспечения информационной функции Государственной фискальной службы Украины путем систематизации нормативно-правовых актов в этой сфере, определения концептуальных среди них, а также путем выявления недостатков правового обеспечения в этой сфере. Констатируется, что несмотря на наличие значительного количества нормативно-правовых актов, определяющих правовые основы реализации информационной функции Государственной фискальной службы Украины, национальное законодательство требует совершенствования.

Ключевые слова: информационная функция, информационная функция налоговых органов, информационная функция Государственной фискальной службы Украины, правовое обеспечение, правовое обеспечение информационной функции Государственной фискальной службы Украины.

INFORMATION FUNCTION OF THE STATE FISCAL SERVICE OF UKRAINE: THE STATE AND PROSPECTS OF LEGAL SUPPORT

Ye. Bambizov,

Zaporizhzhya National University

Summary

The state law of information functions of the State Fiscal Service of Ukraine by systematizing regulations in this area are conceptual studies and isolating flaws legal support in this area. Stated that despite of the presence of a large number of regulations that determine the legal basis of the implementation of information function State Fiscal Service of Ukraine, national legislation needs to be improved.

Key words: information function, information function of tax authorities, information function State Fiscal Service of Ukraine, legal support, legal support information functions State Fiscal Service of Ukraine.

Постановка проблемы. Система права и система законодательства Украины находятся на этапе реформирования и обновления, что детерминировано процессом становления Украины как независимого, демократического, социального и правового государства. Кроме того, мониторинг и ревизия правового обеспечения любых общественных отношений обусловлены трансформацией приоритета прав и свобод человека и гражданина.

Совершенствование информационной деятельности Государственной фискальной службы Украины (далее – ГФС Украины) невозможно без адек-

ватного правового обеспечения. Ведь от четкой и правильной правовой регламентации конкретных общественных отношений зависит их упорядочивание и развитие.

Однако в большинстве случаев этот аспект деятельности ГФС Украины не находит адекватного рассмотрения среди ученых, что и обусловило актуальность написания статьи.

Целью статьи является определение состояния и перспектив развития правового обеспечения информационной функции ГФС Украины.

Для этого автором поставлены следующие задачи:



– предоставить авторское определение понятия «правовое обеспечение»;

– систематизировать нормативно-правовые акты, определяющие правовые основы информационной функции ГФС Украины;

– исследовать концептуальные нормативно-правовые акты, закрепляющие правовые основы информационной функции ГФС Украины;

– определить основные недостатки правового обеспечения информационной функции ГФС Украины.

Состояние исследования. Среди отечественных и зарубежных ученых, которые рассматривали различные аспекты информационной проблематики в деятельности отечественных налоговых органов, можно назвать таких, как И. Бабин, С. Дуканов, Е. Збинский, И. Кучеров, М. Костенко, О. Мандзюк, В. Политыло, К. Проскура, А. Тимарцев, А. Шевчук, К. Юсупов и другие.

Учитывая межотраслевой характер затронутой проблематики, не менее важными при раскрытии темы являются труды специалистов информационного права, таких как В. Баскаков, В. Гавловский, М. Гуцалюк, М. Димчогло, В. Железняк, Б. Кормич, В. Липкан, А. Логинов, Ю. Максименко, А. Марущак, П. Матвиенко, Л. Рудник, А. Стоецкий, А. Туник, К. Татарникова, А. Тихомиров, В. Цымбалюк, Л. Харченко, К. Череповский, Н. Швец, Т. Шевцова, А. Шепета, А. Чуприна.

Особое место среди научных исследований в современной юридической доктрине занимают монографические исследования серии «ORDO ORDINANS», основанной представителями украинской научной школы информационного права В. Липкана [1–6].

Изложение основного материала. Под понятием «правовое обеспечение» следует понимать упорядочение, охрану, реализацию и развитие общественных отношений уполномоченными на то государством органами, их юридическое закрепление с помощью правовых норм.

Анализ правового обеспечения информационной функции ГФС Украины позволяет классифицировать нормативно-правовые акты в этой сфере на следующие группы:

1) нормативно-правовые акты, определяющие общие принципы информатизации, построения и становления информационного общества в Украине;

2) нормативно-правовые акты, закрепляющие концептуальные основы информатизации непосредственно ГФС Украины и ее структурных подразделений;

3) нормативно-правовые акты, регулирующие информационную функцию ГФС Украины по отдельным направлениям деятельности этой институции.

Весомую роль в системе правового обеспечения информационной функции ГФС Украины играет Налоговый кодекс Украины, который определяет не только «исчерпывающий перечень налогов и сборов, взимаемых в Украине, и порядок их администрирования, плательщиков налогов и сборов, их права и обязанности, компетенцию контролирующих органов, полномочия и обязанности их должностных лиц во время администрирования налогов, а также ответственность за нарушение налогового законодательства» [7], но и функции и правовые основы деятельности ГФС Украины как главного органа, который формирует и реализует государственную финансовую политику.

Анализ норм Налогового кодекса Украины позволяет констатировать, что отдельные положения информационной деятельности ГФС Украины нашли свое отражение в различных разделах данного правового документа, а именно: информационное взаимодействие контролирующего органа с налогоплательщиком; особенности составления, подача, внесение изменений в налоговую декларацию; специфика налоговых консультаций, налогового контроля, учета плательщиков налогов, проверок и информационно-аналитического обеспечения деятельности ГФС Украины.

Концептуальным нормативно-правовым актом, определяющим правовые основы функционирования ГФС Украины, является Постановление Кабинета Министров Украины «О Государственной фискальной службе Украины», согласно которому определены задачи, функции, полномочия, компетенция и правовой ста-

тус как ГФС Украины в целом, так и ее председателя и сотрудников.

Не менее значим для определения информационной функции ГФС Украины Стратегический план развития ГФС Украины на 2015–2018 годы [8], согласно которому закрепляются базовые принципы, стратегические направления, цели и задачи развития ГФС Украины как главной государственной институции, которая реализует налоговую политику в государстве.

Если в предыдущих нормативно-правовых актах определяются общие концептуальные основы информационной функции государственных органов в целом и ГФС Украины в частности, то наиболее весомое значение имеют те нормативно-правовые акты, в которых конкретизируются составляющие информационной функции ГФС Украины.

Одним из важных направлений информационной функции ГФС Украины является обеспечение получения информации о налогоплательщиках Государственной фискальной службой Украины.

Реализация данного направления конкретизирована прежде всего Постановлением Кабинета Министров Украины «О порядке периодического предоставления информации органам государственной налоговой службы и получения информации указанными органами по письменному запросу» от 27 декабря 2010 г. № 1245.

Так, согласно данному постановлению «налоговая информация предоставляется органам государственной налоговой службы периодически или на основании отдельного письменного запроса таких органов в безвозмездном порядке» [9].

Другим способом получения ГФС Украины информации от налогоплательщиков является подача письменного запроса, где указываются правовые основания получения информации и направления запроса, содержание запрашиваемой информации, а также соответствующее документальное ее подтверждение [9].

Письменный запрос о предоставлении информации направляется субъекту информационных отношений при наличии хотя бы одного из таких оснований:



а) выявление по результатам анализа налоговой информации, полученной в установленном законом порядке, фактов, свидетельствующих о нарушении налогоплательщиком налогового, валютного законодательства, законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и другого законодательства, контроль за соблюдением которого возложен на органы государственной налоговой службы;

б) возникновение потребности в определении уровня обычных цен на товары (работы, услуги) при проведении проверок;

в) выявление недостоверности данных, содержащихся в налоговых декларациях, предоставленных налогоплательщиком;

г) предоставление в отношении налогоплательщика жалобы о непредоставлении таким налогоплательщиком налоговой накладной покупателю или о нарушении правил заполнения налоговой накладной;

д) проведение встречной сверки и тому подобное.

Порядок предоставления других видов информации базируется также на нормах подзаконных нормативно-правовых актов, а именно Постановления Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка направления органам государственной налоговой службы представления об осуществлении мер по погашению налогового долга налогоплательщика и информации об отмене или изменении суммы начисленного денежного обязательства, а также формы указанного предоставления» [11], Постановления Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка предоставления документов для применения налоговой социальной льготы» [12] и так далее.

Вторым направлением реализации информационной функции ГФС Украины является обеспечение доступа субъектов информационных отношений к налоговой информации, в рамках которой можно выделить доступ к публичной налоговой информации ГФС Украины и налоговой информации с ограниченным доступом.

Так, правовым фундаментом обеспечения доступа субъектов инфор-

мационных отношений к открытой налоговой информации является Приказ Министерства финансов Украины «Об утверждении Порядка составления и предоставления запросов на получение публичной информации, находящейся во владении органов Государственной фискальной службы Украины, формы подачи запроса на получение публичной информации, находящейся во владении органов Государственной фискальной службы Украины» от 10 марта 2015 г. [13].

Согласно этому приказу публичной налоговой информацией является «задокументированная любыми средствами и на любых носителях информация, полученная или созданная в процессе выполнения органами ГФС Украины своих обязанностей, предусмотренных действующим законодательством, или которая находится в их владении» [14].

Право на доступ к публичной налоговой информации обеспечивается обязанностью ГФС Украины предоставлять ответы на информационные запросы и обращения, обнародованием информации на официальном сайте, отчетами в специальных брошюрах и сборниках официальной информации, размещением такой информации на информационных стендах, а также информированием общественности путем публичных выступлений и так далее.

Доступ к информации является важным и необходимым инструментом общественного контроля за деятельностью государственных институтов. Несмотря на закрепленность отдельных важных принципов доступа граждан к открытой налоговой информации, говорить об адекватности и эффективности механизма доступа к такой информации невозможно, поскольку Приказ Министерства финансов Украины «Об утверждении Порядка составления и предоставления запросов на получение публичной информации, находящейся во владении органов Государственной фискальной службы Украины, формы подачи запроса на получение публичной информации, находящейся во владении органов Государственной фискальной службы Украины» не закрепляет перечень открытой налоговой информации, виды юри-

дической ответственности в случае нарушения права на доступ, порядка защиты нарушенного права и тому подобное.

Наличие значительного количества отсылочных и бланкетных норм в этой сфере способствует тому, что запрашивающие информацию отождествляют различные формы обращений между собой, не различая обращения с запросами на получение публичной информации и налоговую консультацию или консультацию по вопросам практического использования отдельных норм налогового законодательства. Однако данные формы получения информации имеют существенные различия в порядке, правовых основаниях, сроках рассмотрения, содержании, требованиях к оформлению.

Несмотря на то, что обеспечение реализации права каждого на доступ к публичной информации в соответствии с Законом Украины «О доступе к публичной информации» и Законом Украины «Об обращениях граждан» является важным стратегическим направлением информационной функции ГФС Украины, статистические данные свидетельствуют об ухудшении ситуации в этой сфере.

В частности, согласно отчетам о поступлении в Государственную фискальную службу Украины запросов на получение публичной информации (запросы на получение публичной информации, обращения о предоставлении консультации по вопросам практического использования отдельных норм налогового законодательства, обращения граждан в соответствии с Законом Украины «Об обращениях граждан») сделано такое:

– по состоянию на 1 января 2017 г. из 3 472 таких документов удовлетворен 2 521 запрос на получение публичной информации (или 87% общего количества запросов), отказано в удовлетворении 102 запросов (или 4% общего количества запросов), направлено другим распорядителям информации, во владении которых она находится, 266 запросов (или 9% общего количества запросов);

– по состоянию на 1 февраля 2017 г. из 255 вышеупомянутых документов удовлетворено 154 запроса на получение публичной информации (или 82% обще-



го количества запросов), отказано в удовлетворении 15 запросов (или 8% общего количества запросов), направлено другим распорядителям информации, во владении которых она находится, 19 запросов (или 10% общего количества запросов);

– по состоянию на 1 марта 2017 г. из 514 вышеупомянутых документов удовлетворено 326 запросов на получение публичной информации (или 81% общего количества запросов), отказано в удовлетворении 30 запросов (или 8% общего количества запросов), направлено другим распорядителям информации, во владении которых она находится, 45 запросов (или 11% общего количества запросов);

– по состоянию на 1 апреля 2017 г. из 857 таких документов удовлетворено 603 запроса на получение публичной информации (или 84% общего количества запросов), отказано в удовлетворении 36 запросов (или 5% общего количества запросов), направлено другим распорядителям информации, во владении которых она находится, 76 запросов (или 11% общего количества запросов);

– по состоянию на 1 мая 2017 г. из 1 132 таких документов удовлетворено 777 запросов на получение публичной информации (или 83% общего количества запросов), отказано в удовлетворении 55 запросов (или 6% общего количества запросов), направлено другим распорядителям информации, во владении которых она находится, 99 запросов (или 11% общего количества запросов) [14–18].

Таким образом, несогласованность правовых норм различных законодательных актов, регулирующих механизм обеспечения права на доступ к налоговой информации, а именно Закона Украины «О доступе к публичной информации» и Закона Украины «Об обращениях граждан», а также разбросанность норм, определяющих особенности реализации различных форм доступа к налоговой информации в многочисленных нормативно-правовых актах, негативно влияют на реализацию информационной функции ГФС Украины.

Не менее важным направлением информационной функции ГФС Украины является обеспечение защиты налоговой информации с ограниченным доступом.

Право на неразглашение должностными лицами ГФС Украины сведений о налогоплательщике без его письменного согласия и сведений, составляющих конфиденциальную информацию, государственную, коммерческую или банковскую тайну, диалектически взаимосвязано с обязанностью должностных лиц ГФС Украины сделать все необходимое для предотвращения разглашения налоговой информации с ограниченным доступом.

В основном специалистами налогового права такая информация делится на служебную налоговую информацию и налоговую тайну.

Концептуальным нормативно-правовым актом, определяющим правовые основы защиты служебной налоговой информации, является Приказ ГФС Украины «Об утверждении Перечня сведений, содержащих служебную информацию в органах ГФС» от 28 августа 2014 г.

К сведениям, содержащим служебную информацию в ГФС Украины, относятся такие:

- 1) налоговая информация и проверочная работа;
- 2) сведения по вопросам охраны государственной тайны, технической и криптографической защиты информации;
- 3) сведения по вопросам информатизации;
- 4) работа с личным составом;
- 5) правоохранительная деятельность;
- 6) мобилизационная работа и гражданская защита;
- 7) несекретное делопроизводство;
- 8) таможенные вопросы [19].

Относительно налоговой тайны сейчас отсутствует ведомственное нормативно-правовое обеспечение в этой сфере. Защита данного вида тайны основывается на нормах Закона Украины «О государственной тайне».

Выводы. Таким образом, исследование состояния правового обеспечения информационной функции ГФС Украины позволяет сделать следующие выводы:

1) в настоящее время правовое обеспечение составляют нормативно-правовые акты различной юридической силы при доминировании информационных нормативно-право-

вых актов, в которых определяются общие принципы реализации информационной функции государственных институтов;

2) несмотря на наличие достаточно большого ряда нормативно-правовых актов, следует констатировать отсутствие адекватного правового обеспечения информационных отношений в налоговой сфере;

3) в настоящее время нормативно неопределенными являются классификация, понятие отдельных видов налоговой информации, критерии дифференциации информации к тому или иному виду налоговой информации, правовой режим тайной налоговой информации, особенности доступа к налоговой информации с ограниченным доступом в исключительных случаях и тому подобное;

4) наряду с указанными проблемами правовому обеспечению в этой сфере характерны коллизии, превалирование отсылочных и бланкетных норм, что делает невозможной эффективную правореализацию в этой сфере;

5) из-за наличия значительного ряда недостатков правового обеспечения актуальными являются ревизия и совершенствование «старых» нормативно-правовых актов, а также принятие новых нормативно-правовых актов в данной сфере.

Список использованной литературы:

1. Шепета О. Адміністративно-правові засади технічного захисту інформації : [монографія] / О. Шепета. – К. : ФОП О.С. Ліпкан, 2012. – 296 с.
2. Систематизація інформаційного законодавства України : [монографія] / [В. Ліпкан, В. Залізник] ; за заг. ред. В. Ліпкана. – К., 2012. – 304 с.
3. Консолідація інформаційного законодавства України : [монографія] / [В. Ліпкан, М. Дімчогло] ; за заг. ред. В. Ліпкана. – К. : ФОП О.С. Ліпкан, 2014. – 416 с.
4. Інкорпорація інформаційного законодавства України : [монографія] / [В. Ліпкан, К. Череповський] ; за заг. ред. В. Ліпкана. – К. : ФОП О.С. Ліпкан, 2014. – 408 с.
5. Адміністративно-правовий режим інформації з обмеженим



доступом в Україні : [монографія] / [В. Ліпкан, В. Баскаков] ; за заг. ред. В. Ліпкана. – К. : ФОП О.С. Ліпкан, 2013. – 344 с.

6. Правовий режим податкової інформації в Україні : [монографія] / [В. Ліпкан, О. Шепета, О. Мандзюк] ; за заг. ред. В. Ліпкана. – К. : ФОП О.С. Ліпкан, 2015. – 404 с.

7. Податковий кодекс : Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 13–16. – Ст. 112.

8. Про Державну фіскальну службу України : Постанова Кабінету Міністрів України // Офіційний вісник України. – 2014. – № 55. – Ст. 1507.

9. Про затвердження Стратегічного плану розвитку ДФС України на 2015–2018 роки : Наказ Державної фіскальної служби України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/v0080872-15>.

10. Про затвердження Порядку періодичного подання інформації органам державної податкової служби та отримання інформації зазначеними органами за письмовим запитом : Постанова Кабінету Міністрів України // Офіційний вісник України. – 2011. – № 1. – Ст. 30.

11. Про затвердження Порядку надіслання органам державної податкової служби подання про здійснення заходів з погашення податкового боргу платника податків та інформації про скасування або зміну суми нарахованого грошового зобов'язання, а також форми зазначеного подання : Постанова Кабінету Міністрів України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/v0080872-15>.

12. Про затвердження Порядку подання документів для застосування податкової соціальної пільги : Постанова Кабінету Міністрів України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/v0080872-15>.

13. Порядок складання та подання запитів на отримання публічної

інформації, що знаходиться у володінні органів доходів і зборів України : Наказ Міністерства доходів і зборів України // Офіційний вісник України. – 2015. – № 26. – Ст. 771.

14. Звіт про надходження до Державної фіскальної служби України запитів на отримання публічної інформації станом на 1 січня 2017 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sfs.gov.ua/priymalna-gromadyan/dostup-do-publichnoi-inform/zviti/>.

15. Звіт про надходження до Державної фіскальної служби України запитів на отримання публічної інформації станом на 1 лютого 2017 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sfs.gov.ua/priymalna-gromadyan/dostup-do-publichnoi-inform/zviti/285813.html>.

16. Звіт про надходження до Державної фіскальної служби України запитів на отримання публічної інформації станом на 1 березня 2017 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sfs.gov.ua/priymalna-gromadyan/dostup-do-publichnoi-inform/zviti/285813.html>.

17. Звіт про надходження до Державної фіскальної служби України запитів на отримання публічної інформації станом на 1 квітня 2017 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sfs.gov.ua/priymalna-gromadyan/dostup-do-publichnoi-inform/zviti/285813.htm>.

18. Звіт про надходження до Державної фіскальної служби України запитів на отримання публічної інформації станом на 1 травня 2017 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sfs.gov.ua/priymalna-gromadyan/dostup-do-publichnoi-inform/zviti/285813.html>.

19. Про затвердження Переліку відомостей, які містять службову інформацію в органах ДФС : Наказ Державної фіскальної служби України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sfs.gov.ua/data/normativ/000/001/63299/Perelik.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бамбизов Евгений Евгеньевич – соискатель кафедры административно-го и хозяйственного права Запорожского национального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bambizov Yevhenii Yevhenovych – Degree Seeking Applicant at Department of Administrative and Economic Law of Zaporizhzhya National University



UDC 352:378.046.4

LOCAL DEVELOPMENT NETWORKS IN UKRAINE: THE PARTICIPANTS' COMPETENCE FORMATION

Yuriy BORYSENKO,

postgraduate student at Department of Management and Project Management,
Dnipropetrovsk Regional Institute of Public Administration
National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

Summary

The article deals with one aspect of the community based local development networks' formation: formation of the local development networks participants' competence. The author assumes that the community based local development approach involves active participation of people in solving local problems and meeting the needs of communities. Methodical principles and best practices of three components forming the local development networks participants' competence in Ukraine are considered: civic competence; network communication competence; local development project management competence.

Key words: community of practices, competence, decentralization, community-based local development approach, e-learning, local development framework, local development projects.

РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В УКРАИНЕ: ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАСТНИКОВ

Ю. Борисенко,

Днепропетровский региональный институт государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Аннотация

В статье рассматривается один из аспектов формирования сетевых систем местного развития, ориентированного на общину: формирование компетентности участников сетей местного развития. Автор исходит из того, что подход к местному развитию, ориентированному на общину, предполагает активное участие людей в решении вопросов местного значения и удовлетворении потребностей общин. Рассмотрены методические основы и лучшие практики формирования трех составляющих компетентности участников сетей местного развития в Украине: гражданская компетентность; сетевая коммуникационная компетентность; компетентность в области управления проектами местного развития.

Ключевые слова: сообщество практик, компетентность, децентрализация, подход к местному развитию, ориентированный на общину, дистанционное обучение, сеть местного развития, проекты местного развития.

Formulation of the problem.

Ukraine has in recent years worked out many examples of cooperation between Ukrainian and European non-governmental institutions to ensure the development of Ukrainian community by engaging citizens to direct participation in local government and implementation of the principles of good governance. The experience shows that most people are willing to contribute to local development projects when they can participate in decision making and feel that it improves specific living conditions.

Development and implementation of joint projects attracts a larger number of people for collaboration, increasing public interest in the local government issues, sets the feedback with the community. If a person understands his or her individual

involvement to a territorial community and his or her opportunities in this regard, participation in solving local problems is an indicator of the formed civil society [17].

However, we note that the approaches to local development communities that have been applied and continue to apply in Ukraine as international and government programs more focused on the concept of community-driven development, than provide system resource using of local beneficiaries (territorial communities, local businesses, community organizations, etc.) for improving the local community life (the concept of community-based development) [15].

We consider that under decentralization in Ukraine the situation has to change and a key role in the approach to oriented community local

development will play complex network systems which are forming now. These systems include, in particular: a network of local development agencies; a network of local authorities associations; a network of community development resource centers; a network of local project offices; a network of communities of practice¹ [2; 4; 5; 14; 18–20].

Thus, there is a need for local government professional staff able to implement community based local development principles. This is what actualizes the study of approaches to the local development networks participants' competence formation in Ukraine.

Scientific background. Problems of professional competence development of the practitioners in the field of local development were the subject of considerable range of the scientists' research, including N. Bogataj, G. Del Gobbo, A. Ekambaram,

¹ Community of Practice (CoP) is a virtual voluntary association of professionals to address practical problems; the association of practitioners involved in joint activities aimed at finding new ideas. In recent years, communities of practice are becoming more common in the public sector in many countries.



L. Gajewska, V. Goshovska. B. Jałochaa, S. Kalashnikova, O. Kireeva, H. P. Kraneb, G. Kushnirova, I. Malytska; T. Mamatova, Y. Molchanova, G. Prawelska-Skrzypekd, N. Protasova, V. Rach, E. Sergienko, E. Slanisca, V. Filipovskyi, M. Yarmystyi [1; 3; 6; 8; 9; 10–13; 16; 17; 19; 21].

In previous works of Y. Borysenko the main methodological principles of the community-based approach to local development and the key tasks of the community based approach to local development, which applies United Nations Development Programme (UNDP) in Ukraine were considered [7]. It was concluded that it is through the implementation of the principles, methods and tools for community revitalization based on «community-based development» model should take place further approach's spread in Ukraine. The possibilities of using the potential of social networks and online communities in the local development network's formation also were examined.

Setting paper objectives (aim). But systematic research of the approaches to the local development network participants' competence formation in Ukraine has not conducted yet. That is why the purpose of this article is to examine one aspect of the community based local development networks' formation – formation of the local development networks participants' competence.

Presentation of the main results and their substantiation. Among many policies that ensure the development of territories most common is the community-based local development approach, which involves the active people participation in solving local problems and meeting the needs of the community, a common definition of ways of solving local problems and joint activities with the implementation of decisions [14; 15]. The approach is based on the understanding that any person, organization or authority is not able to solve all local problems only through their own efforts. This requires active community, private sector, local authorities' partnership at various levels. Identifying local priorities, their conforming to local authorities, planning and joint efforts for their implementation helps communities build trust between their members and all partners [15].

Such unsatisfactory situation with local development in Ukraine is based

on several reasons. The main obstacle [7], the author defines, is «ineffectiveness of the mechanisms of communities representation»: members of communities do not play an important role in local development processes; people attraction to participate in planning and decision-making process is unsystematic and formal. This is largely caused by low expansion of *civic competence*.

To study this issue recently joined many researchers, particularly in the works of E. Sergienko project activities were defined as «a tool» of the civic competencies' development [17]. N. Bogataj, G. Del Gobbo and E. Slanisca in [1] analysed the model of study circle, not as a learning action in adult education but in its being an action of design able to put together different local partners for the construction of responses related with learning needs identified. The device of Study Circle is analysed as a model that has the potentiality to promote and develop social networks for local education. So, it is outlined the possibility that Study Circles may represent a mechanism for the establishment of local institutional spaces for continuing education: in terms of needs' evaluation, planning and management of the education system, until evaluation. The authors focused on the role of tutors/mentors and thus reflect on their competencies.

In S. Kalashnikova studied the leadership is presented as the highest – compared to administration and management – evolutionary and qualitative level of governance, and its actualization in modern social transformations is verified [10]. Dependency between governance levels (administration, management, leadership) and competencies levels (knowledge, skills, behaviour competencies) was proved. The specificities and factors that provide for the effectiveness of leadership education programs were specified on basis of analysis of leading foreign and domestic experience in executive leaders' professional development for business, public and education administration.

I. Malytska in [12] identified the actuality of creation of virtual educational communities, which form innovative educational environments in the systems of education of foreign countries and in Ukraine and determined the criteria for their forming, and provided the

descriptions of virtual educational environments as well as the importance of their forming in general educational establishments and presented some examples of the most popular virtual educational communities.

In the publications involving T. Mamatova and O. Kireeva some specific aspects of the implementation of e-learning and the creation of communities of practice in the provision of public services was highlighted, the experience of the e-platform «Community of practice for local development» as an outsourcing resource of public administration staff was analyzed [13; 19].

B. Jałochaa, H. P. Kraneb, A. Ekambaramc and G. Prawelska-Skrzypekd in [3] have identified the most important competences of public sector project managers. The authors, based on a literature study, propose a typology of competences, necessary for project managers dealing with specific circumstances of public organizations.

Based on the research of basic theoretical works in the field of local development practitioners' competencies development and decentralization processes existing in Ukraine at the local level, the main groups of competences that local development networks' participants in Ukraine have to develop are: civic competence; network communication competence; local development project management competence.

Civic competence. The participation of local government officials, representatives of NGOs and civil society activists in the local development network systems will contribute to their civic competence. Civic competence as a key competence of the individual component provides: gaining of the basics of integrated knowledge about democracy, pluralism, civil society, the adoption of democratic ideals and values that are integrated in the context of national culture as personal values; understanding of belonging to a particular nation (the desire to preserve national identity, national identification); developing of constructive and critical thinking, communication skills, initiative, independence, responsibility, ability to avoid social conflicts; obtaining of civic experience, democratic behavior and effective communication [17].

Basic approaches to the civic competence development are defined by



the Charter of Education for Democratic Citizenship and Human Rights Education, adopted on the 11th of May 2010 the 120th meeting of the Committee of Ministers of the Council of Europe [9]. Among the criteria and principles stipulated in the Charter the possibility of education for democratic citizenship and human rights education for every citizen within the formal general education and vocational training, higher education, and participation in the processes of democratic governance is defined.

In the 2014-2018 in Ukraine the Swiss-Ukrainian project «Development of civic competencies in Ukraine» (DOCCU) is implemented. The innovative element of the project is an approach that aims to spread knowledge about Education for Democratic Citizenship and Human Rights Education in Ukraine through training and retraining of civil servants and local government officials, as well as through post-graduate education teaching staff and education management officials. The project aims to improve the process of cooperation between public authorities, education system and the public to create a democratic environment in the local communities and the country as a whole [9].

Networks communication competence. In terms of information society and e-democracy development social and professional networks are increasingly influencing the global information space and cause the need to review the attitude toward an information space and a communicative activity of local community and local authorities. Participation in virtual communities promotes the development of communicative competence.

In Ukraine the e-platform «Community of practice for local development» as one of the most successful practices in this area can be defined [18]. This e-platform was established by the State Fund for Local Self-Government in Ukraine together with the Swiss-Ukrainian project «Decentralization Support in Ukraine» (DESPRO) in 2012² to unite local government practitioners from all regions of Ukraine, enable community members to discuss the most pressing issues of territorial development, community involvement, provide members access to counseling experts at various levels, create conditions

for generating by the community the new ideas in the field of local development, develop approaches to acquiring new competences by the community through participation in e-learning. Experience of the e-platform allows characterizing it as a powerful outsourcing resource that can be used effectively, aimed at developing the competence of local government officials, civil servants and representatives of civil society [14].

The e-learning Concept components on this Platform include the following: target audience: local government officials, civil servants, local council deputies, representatives of NGOs (1); form of study: not a traditional e-course, but a combination of education, counselling and creating regional communities of practice(s) (2); formation of an active teaching and consulting environment and maximum involvement and acquisition of potential participants (3); providing maximum flexible content taking into account the participants' requests (4); development and implementation of e-courses provides not a team, but the «community of practice» of experts and tutors, whose members regularly communicate on a special platform's forum and generate new content through the exchange of ideas and experiences (5); the leading role of forums discussion's facilitation by the facilitators' community from among the previous e-courses active participants who made «virtual career» in the community is determined (6); a key feature of the e-courses is the expansion of practical skills through the implementation of «pervasive practical exercises» – a series of templates filling (7) [18].

The author is an active member of this community of practice. He successfully completed several e-learning courses. His personal involvement in e-courses can be concluded that this form of learning is very convenient and useful for those busy daily work for the main job, but at the same time, understands – to be a professional and efficient service can only be provided constant work on yourself, learning and practical skills, understanding the processes occurring in local government. Moreover, it is in the community of practice takes place constructively minded communication and exchange of best practices in community based local development.

E-platform «Community of practice for local development» also provides the e-course «Local development project management», that aims to develop the local government practitioners' project management competence [13; 18].

Local development project management competence. In «Key competences of public sector project managers» В. Јаlochaa, Н. Р. Кранеb, А. Екамбарамc and G. Prawelska-Skrzypekd, посилаючись на роботи Wateridge (1997) та Crawford (2005) зазначають, що project managers play a crucial role in all kinds of projects and influence projects' success. Акцентуючи на тому, що public sector projects є unique. Унікальність ця визначена тим фактом, що due to the fact that public projects always deal with multiple, different stakeholders whose opinions can strongly influence the project. Progress in «projectification» of public sector creates an increasing need for developing competences (knowledge, skills, attitudes) for public sector project managers. Можна погодитись із думкою експертів, що very little attention has so far been paid to the distinctive features of public sector project managers' competences [3].

The special features of public sector projects affecting the priority components of the local development networks participants' competence formation include: the need to focus on building collaboration with multiple stakeholders, work to overcome barriers to collaboration; significant permeability and sensitivity to environmental effects, increasing the development of civil society; instability surrounding the project environment, frequent changes in policy may impose «short time-horizons» for the project activities. To this list, experts add another feature. This feature of recent years has become one of the key – that is the need to develop «conflict sensitivity» in organizations that operate in the public sphere (especially those that implement local development projects) [18].

In 2016, the developers of the e-course «Local development project management – 6», using the experience of the previous five implementations (2012-2015) identified the following components of the project management competence to be developed:

– the ability to identify and systematically describe the local development problems, formulate the main components of the project concept, in particular, to define the purpose, product, expected results and project risks, generate

² The first title of the Platform was «Innovations and best practices of local government» (<http://mx.despro.org.ua:8081/>)



stakeholders engagement strategy to implement projects, build project team that will be able: to identify the stages of project, structure and sequence of works on phases, responsibility and necessary resources; to form a project budget and to identify possible sources of funding for the project; to monitor the implementation progress and to evaluate the project;

– the ability to communicate effectively in a virtual environment with fellow practitioners and experts;

– the capacity to evaluate the content elements of a local development projects' concepts and to provide recommendations for their improvement.

As a result, the e-course «Local development project management – 6» broke all current Community of practices' records: the largest number of participants registered for the e-course (1188); the largest number of participants who successfully completed the course (276); the highest one course participants' activity that recorded by the platform's statistics for all years of the Community [18].

Conclusions and perspectives for further research. The results of the research can help to further develop training programs and academic curricula tailored to the needs of public sector employers. Based on the basic theoretical works in the field of local development practitioners' competencies development and the practice of the decentralization process in Ukraine at the local level, the main groups of competences that local development networks' participants in Ukraine have to develop were identified: civic competence; network communication competence; local development project management competence. Thus, mechanisms of the local development networks' members competences' development in Ukraine need further scientific study, including the conditions of the development of the network of Regional and local development, community development resource centers as well as innovative communities of practice.

References:

1. Bogataj N. Study Circle for local development: lifelong oriented models and operators' competences in the cross border area Italy- Slovenia / Nevenka Bogataj, Giovanna Del Gobbo, Elena Slanisca // *Formazione & Insegnamento*. – 2012. – X-2. – P. 255–267. – Access mode : <http://ojs.pensamultimedia.it/index.php/siref/article/viewFile/807/782> (accessed 05.05.2017).
2. Creating Local Development Frameworks: a Companion guide to PPS12/ Office of the Deputy Prime Minister ; Crown Copyright. – United Kingdom : Stationery Office, 2004. – 143 p. – Access mode : http://www.knowsley.gov.uk/pdf/PG09a_PlanningPolicyStatement12-ACompanionGuide.pdf (accessed 05.05.2017).
3. Jałochaa B. Key competences of public sector project managers / Beata Jałochaa, Hans Petter Kraneb, Anandasivakumar Ekambaramc, Grazyna Prawelska-Skrzypekd // *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 119. – 2014. – p. 247–256. – Access mode : https://www.academia.edu/6746782/Key_competences_of_public_sector_project_managers (accessed 05.05.2017).
4. Local systems: a framework for supporting sustained development / USAID. – Washington, DC. – April, 2014. – V, 16 p.
5. Supporting Capacities for Integrated Local Development PRACTICE NOTE / ed. Kanni Wignaraja; UNDP. – Nov. 2007. – 38 p. – Access mode : <http://www.undp.org/content/dam/aplaws/publication/en/publications/poverty-reduction/poverty-website/supporting-capacities-for-integrated-local-development/Supporting-Capacities-Integrated-Local-Dev-PracticeNote.pdf> (accessed 05.05.2017).
6. Yarmystyi M. Improving professional competence of executives of public administration // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica)*. – Chishinaiu : USM, USPEE, AMS, 2013. – № 4 (LXIII). – P. 35–44.
7. Борисенко Ю. В. Сучасний стан та перспективи поширення в Україні підходу до місцевого розвитку, орієнтованого на громаду / Ю. В. Борисенко // *Держ. упр. та місцеве самоврядування* : зб. наук. пр. – Д. : ДРІДУ НАДУ, 2016. – № 4(31). – С. 121–128.
8. Гаєвська Л.А. Сучасні освітні технології у процесі підготовки та підвищення кваліфікації державних службовців / Л.А. Гаєвська // *Післядипломна освіта в Україні*. – 2013. – № 2. – С. 23–25.
9. Громадянські компетентності у професійній освіті державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування: Збірник методичних матеріалів для системи підготовки, перепідготовки та підвищення кваліфікації державних службовців і посадових осіб місцевого самоврядування / за заг. ред. Н.Г. Протасової, Ю.О. Молчанової. – К. : НАДУ, 2016. – 308 с.
10. Спільнота практик місцевого розвитку [Електрон. ресурс]. – Режим доступу : <http://udl.despro.org.ua/> (accessed 05.05.2017).
11. Калашнікова С.А. Теоретико-методологічні засади професійної підготовки управлінців-лідерів в умовах сучасних суспільних трансформацій : автореф. дис... д-ра пед. Наук : 13.00.06 / С.А. Калашнікова ; Київський ун-т ім. Б. Грінченка. – К., 2011. – 36 с.
12. Кушнірова Г.П. Формування професійної компетентності посадових осіб місцевого самоврядування : автореф. дис... канд. наук з держ. упр. : 25.00.03 / Г.П. Кушнірова ; Національна акад. держ. упр. при Президентові України. – К., 2010. – 23 с.
13. Малицька І.Д. Віртуальні спільноти як інноваційні освітні середовища в системах освіти зарубіжних країн / І.Д. Малицька // *Інформаційні технології в освіті* : зб. наук. пр. – Вип. 15. – Херсон : ХДУ, 2013. – С. 276–284.
14. Маматова Т.В. Нові можливості для підготовки публічних управлінців у спільноті практик місцевого самоврядування / Т.В. Маматова, О.Б. Кірсєва // *Європейські принципи і стандарти підготовки публічних управлінців: орієнтири для України* : матеріали щоріч. наук.-практ. конф. за міжнар. участю, 5–6 лист. 2015 р., м. Київ / за заг. ред. за заг. ред. Ю.В. Ковбасюка, М.М. Білінської, В.М. Сороко, Л.А. Гаєвської. – К. : НАДУ, 2015. – С. 277–279.
15. Місцеве самоврядування в Україні: сучасний стан та основні напрями модернізації : наук. доп. / редкол. : Ю.В. Ковбасюк, К.О. Ващенко, В.В. Толкованов [та ін.] ; за заг. ред. д-ра наук з держ. упр., проф. Ю.В. Ковбасюка. – К. : НАДУ, 2014. – 128 с.
16. Місцевий розвиток за участі громади : монографія : у 2 т. – Суми : Університетська книга, 2014. – Т. 2: Інституційні та прикладні аспекти управління місцевим розвитком, орієнтованим на громаду / за заг. ред. Ю.М. Петрушенка, 2014. – 368 с.
17. Рач В. Система підготовки, перепідготовки та підвищення



кваліфікації державних службовців на шляху інтеграції України до Європейського союзу / В. Рач // Вісн. держ. служби України. – 2003. – № 1. – С. 76–80.

18. Сергієнко Е.О. Проектна діяльність як засіб формування громадянської компетентності/Е.О.Сергієнко/Управління інноваційним розвитком території : матер. наук.-практ. конф. за міжнар. участю, м. Дніпропетровськ, 30 жовт. – 30 листоп. 2015 р. / за заг. ред. Ю. П. Шарова. – Д. : ДРІДУ НАДУ, 2015. – С. 235–238. – Режим доступу : http://www.dridu.dp.ua/konf/konf_dridu/mup_konf_2015/pdf/84.pdf (accessed 05.05.2017).

19. Удод Є.Г. Методологічні засади створення пілотного е-курсу «Реформування місцевого самоврядування та децентралізація влади» / Євген Удод, Тетяна Мамагова // Держ. упр. та місцеве самоврядування : зб. наук. пр. – Д. : ДРІДУ НАДУ, 2015. – № 4 (27). – С. 289–298.

20. Управління стратегічним розвитком об'єднаних територіальних громад: інноваційні підходи та інструменти : монографія / С.М. Серьогін, Ю.П. Шаров, С.І. Бородін, Н.Т. Гончарук [та ін.] ; за заг. та наук. ред. С.М. Серьогіна, Ю.П. Шарова. – Д. : ДРІДУ НАДУ, 2016. – 278 с.

21. Філіповський В. Проблеми наближення професійного навчання державних службовців до стандартів Європейського Союзу / В. Філіповський // Вісн. держ. служби України. – 2004. – № 2. – С. 56–60.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Borysenko Yuriy Vasilyevich – Postgraduate Student at Department of Management and Project Management, Dnipropetrovsk Regional Institute of Public Administration, National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисенко Юрий Васильевич – аспирант кафедры менеджмента и управления проектами Днепропетровского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

uvbor@ukr.net

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виктор БОЯРОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Академии адвокатуры Украины

Аннотация

В статье автор рассматривает некоторые вопросы организации и тактики осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности: особенности формирования следственной группы для осмотра места происшествия, ее состав. Рассмотрены некоторые особенности участия в осмотре места происшествия специалистов и экспертов в зависимости от объекта осмотра: место пожара, взрыва, места формирования группы и ее рассеивания, помещений, которые подверглись погромам, труп. Рассматриваются также некоторые особенности проведения осмотра места происшествия в условиях парализации следствия в результате действий бесчинствующей толпы, особенности установления мотива насильственных действий.

Ключевые слова: групповой экстремизм, место происшествия, тактика осмотра.

SOME ISSUES OF ORGANIZATION AND TACTICS OF VIEW OF THE PLACE OF OCCURRENCE AT THE INVESTIGATION OF EXTREMIST ACTIVITY

V. Boiarov,

Academy of Advocacy of Ukraine

Summary

In the article an author examines some questions of organization and tactics of examination of site of occurrence at investigation of criminal cases about the crimes of extremist orientation : features of forming of inquisitional group for examination of site of occurrence, it's composition. There are considered some features of participating in examination of place of incident of specialists and experts depending on the object of examination: place of fire, explosion, places of forming of group and her dispersion, apartments that was exposed to the massacres, dead body.

There are considered some features of realization of examination of site of occurrence are examined also in the conditions of paralyzing of investigation as a result of actions of committing excesses crowd, feature of establishment of reason of violent actions.

Key words: group extremism, site of occurrence, tactician of examination.

Постановка проблемы. Процессы глобализации, в которые вовлечены в том числе и страны бывшего СССР, привели к негативным изменениям и тенденциям в межгрупповых социальных отношениях. В частности, глобальный экономический кризис угрожает мировому сообществу распространением расизма, ксенофобии, эскалацией нетолерантности (в т.ч. антисемитизма, исламофобии, возбуждению ненависти) и в целом – к всплеске экстремистских настроений в обществе [1].

Все это приводит к резкому увеличению в мире числа преступлений, которые являются проявлением экстремизма. Не стоит в стороне от этих негативных процессов и Украина, где существует большое количество различных социальных групп, которые отличаются между собой по национальному признаку, расовой и региональной принадлежности, а также по религиозным, политическим и некоторым другим (в том числе идеологическим) признакам.



Успешная и эффективная борьба с указанным явлением зависит, в том числе, и от своевременной разработки методики расследования уголовно-наказуемых проявлений экстремизма – как эффективной модели противодействия деятельности преступных формирований (группировок), в деятельности которых есть идеологическая составляющая (экстремистской направленности).

Состояние исследования. Вопросам борьбы с экстремизмом постоянно уделялось большое внимание в статьях, монографических изданиях, научно-практических комментариях и диссертациях украинских ученых, а также ученых других стран. Так, отдельным вопросам расследования правонарушений, которые являются уголовно-наказуемыми проявлениями экстремизма, посвящены работы ученых-криминалистов: Алпеевой М.А., Ахмедова У.Н., Багмета А.М., Билоус И.Н., Капицы В.С., Коршуновой О.Н., Ларкина М.А., Погодина И.В., Сергеевой А.В., Скорикина Д.Г., Шалдырвана П.В., Шаталова А.С., Шлегель О.В. и др., которые, среди других следственных (розыскных) действий, рассматривали вопросы организации и тактики осмотра места происшествия. Общие вопросы осмотра места происшествия были предметом исследований таких известных ученых-криминалистов, как Быховский И.Е., Васильев А.Н., Клименко Н.И., Колдин В.Я., Колесник В.А., Колмаков В.П., Попов В.И., Якимов И.Н. и др.

Целью статьи является рассмотрение некоторых вопросов, связанных с организацией и тактикой осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования преступлений экстремистской направленности, которые представляют интерес для практики (об этом, в частности, свидетельствуют масштабные массовые беспорядки, которые имели место в ноябре 2013 г. – марте 2014 г. в Киеве и других населенных пунктах Украины).

Изложение основного материала. В условиях отсутствия в действующем уголовном законодательстве Украины составов преступлений, в диспозициях которых было бы прямое упоминание экстремизма, исследователи этого социально-правового феномена рассматривают достаточно большую группу преступлений, которые можно отнести к проявлениям экстремизма (уголовно-наказуемые деяния, которые совершаются

на почве ненависти и нетерпимости относительно лиц, которые принадлежат к какой-то этнической, расовой, религиозной, политической или иной социальной группы; преступления террористической направленности, которые посягают на основы и безопасность политического устройства страны, и некоторые другие). И в таком значительном массиве различных составов преступлений очень сложно определить с особенностями организации и тактики осмотра таких преступлений. По нашему мнению, если речь идет о групповых проявлениях преступлений экстремистской направленности, то наиболее типичными и характерными для этой категории преступлений будут массовые беспорядки (ст. 294 УК Украины).

Массовые беспорядки можно определить, как действия толпы, представляющие реальную угрозу для общественного порядка и личной безопасности граждан, которые выражаются в совершении погромов, поджогов, уничтожении имущества, захвате помещений и строений; в насилии над гражданами либо их насильственном выселении, а также в оказании сопротивления представителям власти с применением оружия или иных предметов, которые используются как оружие, что приводит к существенному нарушению нормального функционирования (вплоть до временной либо полной их парализации) государственных, общественных организаций, учреждений и предприятий, транспорта, восстановление которого невозможно без использования неотложных, специальных мероприятий и привлечения дополнительных сил и средств [2, с. 49].

Целью осмотра в уголовных производствах о массовых беспорядках является установление обстоятельств совершения правонарушения, иных обстоятельств, которые имеют значение для дела (данные об очевидцах, потерпевших, участниках и организаторах событий, которые являются предметом расследования); выявление следов и вещественных доказательств, получение иной информации, которая дает основание для вывода о преступной мотивации, а также для выдвигания версий о криминальном событии.

Негативным обстоятельством, характерным для такого осмотра, является то, что при расследовании упомянутых преступлений достаточно часто отсутствует

возможность своевременно провести осмотр места происшествия, который является неотложным следственным (розыскным) действием. Это может быть следствием продолжающихся беспорядков, когда участникам осмотра не гарантируют безопасность; существует много объектов осмотра и нет достаточного количества следователей, оперативных работников и специалистов (экспертов) для их проведения [3, с. 29].

Так, в период 1982–2002 гг. (СССР–Украина) в день совершения массовых беспорядков осмотр места происшествия проводился лишь по каждому восьмому делу; по 60% дел осмотр проводился через день-два, а в 30% не проводился вообще [2, с. 104; 4, с. 42]. Все это в результате приводило к изменениям в обстановке места происшествия, утрате вещественных доказательств, затягиванию расследования и непривлечению к уголовной ответственности виновных лиц.

При этом следствие (из-за неотложности) не может ожидать, когда обстановка расследования изменится в лучшую сторону, как это может быть на первоначальном этапе расследования некоторых категорий уголовных дел – например, о масштабных техногенных катастрофах. Там невозможность проведения первоначальных следственных действий связана с невозможностью на первоначальном этапе расследования обеспечения безопасности проведения следственных (розыскных) действий, либо (для техногенных катастроф) с необходимостью (на основании требований ведомственных нормативных актов) восстановления движения транспорта, нормального функционирования предприятий, которые являются приоритетными для жизнедеятельности государства и т.п.

Преодоление таких «тупиковых» для расследования ситуаций возможно, например, в результате широкого использования возможностей проведения негласных следственных (розыскных) действий, предусмотренных в Главе 21 УПК Украины (этот вопрос требует отдельного исследования).

При определении очередности осмотра, в ситуациях, когда перед следователем возникает дилемма: что осматривать в первую очередь (где происходили массовые беспорядки – несколько, а возможности следователя для одновременного осмотра всех



мест существенно ограничены), по нашему мнению, необходимо избирать объекты осмотра по пути движения бесчинствующей толпы: начиная с места ее формирования, участков местности по пути движения толпы, мест совершения погромов, нападений, поджогов и т.п., а также места, где произошло рассеивание толпы и где произошло столкновение участников беспорядков с работниками правоохранительных органов (полиции) и где чаще всего проводится задержание активных участников беспорядков.

Принятию решения про осмотр конкретного места происшествия может предшествовать получение видеозаписи (с помощью вертолета либо беспилотного летательного аппарата) с информацией о маршруте движения толпы и количестве объектов нападений, которые подлежат осмотру. Следователь на основании результатов материалов и данных, полученных при облете, изготавливает общую (например, для населенного пункта, нескольких населенных пунктов, региона) схему мест происшествий (в том числе мест обнаружения автомашин, трупов, мест пожаров, взрывов, разрушений и т.п.) [5, с. 41].

Тогда же решается вопрос о составе следственно-оперативной группы, которая будет проводить осмотр каждого места происшествия (количество следователей, оперативных сотрудников полиции, в том числе для обеспечения охраны членов группы; количестве транспортных средств, видео операторов, понятых, специалистов и судебных экспертов (судебно-медицинские эксперты, криминалисты, взрывотехники, пожаротехники, товароведы и т.п.), необходимой криминалистической техники; об участии потерпевших (последнее – в ситуациях, когда, например, погромам подвергнуты квартиры граждан). Рекомендуются демонстрация видеозаписи всех потенциальных мест осмотра для всех членов следственно-оперативных групп перед их выездом для осмотра.

В подготовительной стадии осмотра как важный элемент для такого следственного (розыскного) действия выделяют общий осмотр, который предусматривает следующие организационно-подготовительные мероприятия: установление границ осмотра, в процессе которого устанавливается характер совершенных преступных действий; определяется порядок передвижения

участников осмотра по конкретной территории, которая подлежит осмотру; распределяются обязанности между участниками осмотра; принимаются меры для сбережения следов на месте происшествия; решается вопрос о применении технических средств, которые целесообразно использовать на месте происшествия [6, с. 90].

В число обязательных рекомендаций по осмотру таких мест происшествия относятся: обязательный поиск и изъятие вещей, предметов, которые использовались во время погромов для разрушений или повреждения объектов нападения, для нанесения травм потерпевшим (в том числе специально подготовленные именно для этих целей); емкости с зажигательной смесью и их фрагменты; для установления мотива совершения таких действий проводится фиксация наличия соответствующих надписей (националистического, расистского, религиозного содержания), призывов, символов, рисунков, плакатов; орудий преступления с соответствующей символикой (например, изображение свастики), националистических символов; следы глумления над символами расовой, национальной или религиозной принадлежности потерпевших и т.п. [7, с. 48; 8, с. 36].

Фиксируются следы крови (это могут быть последствия получения травм самими нападающими: в результате сопротивления потерпевших, неосторожного травмирования в процессе разрушений, поджога строений, при оказании сопротивления представителям власти и т.п.). В дальнейшем, на основании полученной информации, можно установить лиц из числа активных участников беспорядков, которые обратились за медицинской помощью.

Наиболее распространенными объектами осмотра места происшествия при расследовании массовых беспорядков являются места погромов, пожаров и взрывов, места применения огнестрельного оружия (при рассеивании толпы, например), участки местности, по которым двигалась толпа, трупы пострадавших.

При осмотре помещений, которые были подвергнуты погромам, обязательно участие в осмотре потерпевшего, поскольку необходимо зафиксировать наличие ущерба, причиненного уничтожением, повреждением имущества, кражами (рекомендуется также привлекать

к осмотру специалиста-товароведа). В результате, как показывает практика, в последующем опадает необходимость в проведении повторного осмотра с участием потерпевших либо проверки его показаний на месте.

При осмотре места пожара изымаются образцы копоти, на которых могут остаться следы зажигательной смеси (например, нефтепродуктов); емкости изпод таких жидкостей или их фрагменты; ткань, которую использовали для инициации возгорания зажигательной смеси и т.п. Участие специалиста-пожаротехника уже при осмотре может дать следствию предварительную информацию об очаге и причинах возгорания, создаст условия для квалифицированного изъятия предметов для проведения пожаротехнической экспертизы.

Применение взрывных устройств во время массовых беспорядков усложняет осмотр, поскольку взрыв разрушает строения, вызывает возгорание объекта, уничтожает либо повреждает большую часть следов, которые оставляют виновные. Специфика осмотра такого объекта (надо также учитывать риск повторного взрыва, обвала, пожара) состоит в наличии следующих негативных факторов: во-первых, сложности для восприятия и исследования обстановки в связи с разрушениями, повреждениями, полным уничтожением объектов в результате взрыва; внесением существенных изменений в обстановку места происшествия действиями групп по разминированию, пожарных расчетов и других служб, а во-вторых, характером следов взрыва и средств его совершения, которые подлежат выявлению и изучению, а также особенностями методов работы на месте взрыва, изъятия объектов и образцов для установления природы взрыва, его обстоятельств, особенностей взрывного устройства. Такой осмотр проводится при активном участии специалистов (взрывотехника, пиротехника, эксперта-криминалиста, химика). Их участие дает возможность для получения следователем уже в процессе осмотра предварительных данных об обстоятельствах взрыва, характеристиках взрывного устройства, а также определить границы и площадь осмотра.

При этом, несмотря на разрушения, на месте взрыва остаются все традиционные следы пребывания человека: рук, обуви, биологические объекты и т.п. Не-



обходимо учитывать, что все эти следы сокрыты слоем копоти, грунта, фрагментами строения и т.п.

Для фиксации обстановки на таком месте происшествия взрыва принимаются меры для установления эпицентра взрыва, фиксируется топография участков, которые покрыты слоем копоти, образцы которой изымаются для проведения экспертных исследований. Изъятие микрообъектов продуктов взрыва является неотложным процессуальным действием, поскольку многие взрывчатые вещества быстро уничтожаются (особенно при неблагоприятной погоде: дождь, ветер и проч.). Осмотр трупа на месте взрыва начинают с фиксации его не только относительно неподвижных ориентиров, но и относительно эпицентра взрыва.

При осмотре оружия, после фиксации объекта на месте, первоначально принимаются меры для выявления отпечатков пальцев рук на внешних частях оружия, а потом изымаются микроследы и разного рода загрязнения (полный осмотр оружия, с его разборкой, проводится в условиях криминалистической лаборатории). Такой осмотр проводится криминалистом.

При осмотре местности, по которой двигалась толпа (проезжая часть дороги, тротуары, площади и проч.), изъятию подлежат: транспаранты, листовки, флаги; предметы, которые принадлежали участникам беспорядков: окурки, пакеты, в том числе предметы, выкраденные с мест погромов. Фиксируются надписи, в том числе экстремистского содержания, на стенах домов, автомобилях, витринах, которые могли быть исполнены участниками беспорядков, и которые свидетельствуют о соответствующей мотивации действий виновных.

Фиксируется отсутствие на тротуарах плитки, урн, оград и проч. предметов, которые участники беспорядков разбирают для использования в качестве метательных предметов и используют в процессе беспорядков. Обращается внимание на другие предметы, которые оставляют на пути движения бесчинствующей толпы случайные прохожие – сумки, зонтики, предметы одежды, обувь (в дальнейшем по ним можно установить таких лиц, которые могли быть очевидцами событий, которые являются предметом расследования).

Наибольшее количество вещественных доказательств обычно находят на месте, где произошло столкновение бесчинствующей толпы с работниками правоохранительных органов и где произошло ее

рассеивание. Это стреляные гильзы, пули, фрагменты одежды как участников беспорядков, так и работников полиции, аэрозольные баллончики со слезоточивым газом, балаклавы, транспаранты, защитные каски, холодное и огнестрельное оружие, обувь, предметы, которые были выкрадены во время погромов и проч.

Точная фиксация обнаруженных предметов играет существенную роль при реконструкции событий, связанных с оказанием сопротивления работникам полиции (в частности, при проверке законности применения оружия и специальных средств работниками правоохранительных органов).

Трупы, которые подлежат осмотру при расследовании, могут быть следствием: умышленных убийств, совершенных активными участниками погромов, результатом иных насильственных действий, по различным мотивам (в том числе на почве ненависти и вражды, из хулиганских побуждений, с целью сокрытия иного преступления); убийств, совершенных по неосторожности (например, задавленных толпой во время паники, поскольку толпа склонна до такого состояния); гибель в результате пожаров, взрывов, несчастных случаев, дорожно-транспортных происшествий, неосторожного обращения с огнестрельным оружием и взрывными устройствами.

Осмотр трупа начинают с фиксации его месторасположения и позы. При этом поза трупа почти всегда на момент осмотра изменена, поскольку пострадавшему оказывали медицинскую помощь (беспорядки проходят, как правило, в городах, людных местах). Осмотр трупа может проходить в каретах скорой помощи или в больницах, куда пострадавшие доставлены с места происшествия [9, с. 37].

После фиксации позы и места обнаружения трупа указываются традиционные данные: пол, возраст, рост, полнота, волосы, глаза, рот, зубы и т.п., отмечая их особенности. Фиксируется температура тела, наличие-отсутствие ранних и поздних трупных явлений. Осматривается одежда, с фиксацией ее особенностей: наличие повреждений, загрязнений, крови, волокон-наложений и т.п. Далее проводится непосредственный осмотр тела, телесные повреждения, с определением их характера и локализации. Проводится фиксация негативных обстоятельств (например, место обнаружения тела не является местом, где потерпевшему нанесены телесные повреждения, в результате которых наступила смерть).

Труп направляется для производства судебно-медицинского исследования. Это важный момент, поскольку участники массовых беспорядков могут использовать трупы на месте происшествия для эскалации насилия и возобновления массовых волнений.

Выводы. Успешное расследование массовых беспорядков как уголовно-наказуемого проявления экстремистской деятельности возможно лишь при наличии криминалистической методики расследования указанной категории преступлений, эффективность которой во многом зависит от правильности избранной тактики проведения следственных (розыскных) действий на первоначальном этапе расследования. Одним из таких процессуальных действий является осмотр места происшествия.

Выполнение приведенных выше рекомендаций по осмотру (их перечень не является исчерпывающим) помогает правильно организовать осмотр места происшествия на первоначальном этапе расследования массовых беспорядков, совершенных из экстремистских побуждений, и квалифицированно его провести. Это позволит следствию получить достаточно полную информацию о событии (массовых беспорядках), ее участниках, мотивации действий организаторов беспорядков, а также получению доказательств, с помощью которых конкретные лица изобличают в совершении преступлений.

Список использованной литературы:

1. Выступление Генерального секретаря ООН Пак Ги Муна на конференции по проблемам расизма // Российская газета. – 2009. – 3 июля.
2. Шалдирван П.В. Методика розслідування масових заворушень: дис. ... канд. юрид. наук : спеціальність 12.00.09. / П.В. Шалдирван. – К. : Академія адвокатури України, 2005. – 201 с.
3. Особенности расследования массовых беспорядков. Методическое пособие / Григорьев В.Н., Капица Л.В., Махов В.Н., Пичкалева Г.И. – М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1995. – 100 с.
4. Шаталов А.С. Технично-криміналістическе обеспечення розкриття і розслідування преступлений, совершених в условиях массовых беспорядков : дисс. ... канд. юрид. наук : специаль-



ность 12.00.09 / А.С. Шаталов. – М. : ВЮЗШ МВД РФ, 1993. – 176 с.

5. Багмет А.М. Массовые беспорядки: криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое противодействие. Монография / А.М. Багмет. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 288.

6. Степанов В.В. Современные проблемы осмотра места происшествия / В.В. Степанов // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Влияние идей И.Н. Якимова на развитие современной криминалистики», посвященной 130-летию со дня рождения И.Н. Якимова. – М., 2014. – С. 86–91.

7. Лозовский Д.Н. Отдельные аспекты производства следственных действий по уголовным делам экстремистской направленности / Д.Н. Лозовский // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Выпуск: 3(1630)/2015. – С. 47–54.

8. Головин А.Ю. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании экстремистских преступлений против прав и законных интересов и человека и гражданина. / А.Ю. Головин, Т.А. Аристархова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Выпуск:1-2 / 2016. – С. 32–38.

9. Махов В.Н. Использование знаний сведующих лиц при расследовании преступлений. Монография / В.Н. Махов. – М. : изд-во РУДН, 2000. – 296 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бояров Виктор Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии адвокатуры Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boiarov Viktor Ivanovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of Advocacy of Ukraine

boyarvi@mail.ru

УДК 346:352.07-047.22

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ АЭРОПОРТОВ И АВИАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНЕ

Валентина ВЕЛЬЦЕН,

соискатель кафедры хозяйственного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Аннотация

Мировой опыт показывает, что одним из важнейших признаков успешного экономического развития является высокая мобильность населения. Статья посвящена наработке эффективных правовых форм стимулирования развития инфраструктуры аэропортов и авиационной деятельности в Украине. В настоящее время создаются необходимые правовые условия для обеспечения участия субъектов Украины в развитии системы гражданских аэропортов, деятельность которых связана с социально-экономическими потребностями регионов. В этой связи создание условий для развития воздушного транспорта в регионе следует считать одной из важнейших стратегических задач органов государственной власти и местного самоуправления всех областей Украины. В статье рассмотрен опыт применения правового механизма государственно-частного партнерства при инвестировании, строительстве и эксплуатации инфраструктурных объектов гражданской авиации.

Ключевые слова: авиационные перевозки, отраслевая экономическая политика государства, правовые основы стимулирования хозяйственной деятельности инфраструктуры гражданской авиации, правовое обеспечение фидерных пассажиро- и грузоперевозок, организационно-правовое обеспечение строительства и эксплуатации воздушного транспорта, инфраструктура воздушных перевозок.

DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE OF AIRPORTS AND AVIATION ACTIVITY IN UKRAINE

V. Veltsen,

Yaroslav Mudryi National Law University

Summary

The article is devoted to the key role of the use of capital construction in the aviation industry, particularly in reconstruction and construction of new airports in Ukraine funds to improve their functionality and competitiveness. The article shows the mechanisms providing air transport building, where capital construction will involve investments and development of economic and legal means in this area, achieving economic integration and legal capital construction with international trends in this area. Economic and legal optimization of capital construction – a complex of measures stimulating economic and legal impact on the field of capital construction, which is implemented in the framework of the economic building policy on the principles of the efficiency and consistency to ensure the functioning of transport, including the aviation industry to improve the competitiveness of the transport industry, including air transport based on the requirements of sustainable development and integration into the world economic processes. The author discussed the need to implement key aspects of capital construction in the aviation industry.

Key words: air transportation, economic sector policy of the state, legal basis for stimulating economic activity of the civil aviation infrastructure, legal support for feeder passengers and freight, organizational and legal support for the construction and operation of air transport, and air transport infrastructure.

JEL Classification: 0 40.

Постановка проблемы. Целью статьи является рассмотрение стратегий авиационного транспорта и дальнейшей реализации их в жизнь.

В настоящее время возникла острая необходимость формирования правовых условий для обеспечения участия субъектов хозяйствования в развитии системы гражданских аэропортов, деятельность



которых связана с социально-экономическими потребностями регионов. При этом органами публичной власти Украины и перевозчиками должны быть разработаны целевые программы развития региональных и местных авиаперевозок, предложения и технико-экономические обоснования (бизнес-планы) развития имущественного комплекса указанных аэродромов в средне- и долгосрочной перспективе, планы мероприятий по привлечению инвестиций в их развитие.

Методы и анализ последних исследований и публикаций. При написании работы использовались различные методы, среди которых можно выделить эмпирические методы (метод наблюдения, метод сравнения, изучение документации исследователей по теме, изучение законодательной базы), теоретические (метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод идеализации, метод формализации). Проблема развития инфраструктуры аэропортов и авиационной деятельности была в центре многих исследований. Некоторые аспекты ее решения нашли свое отображение в работах Коссака В.Н., Гриняк А.Б., Сенник С.В., Гриценко Г.Н., Прейгер Д.К., Новикова А.М., Пащенко Ю.Е. Но неисчерпаемость темы оставляет огромное пространство для дальнейшего научного поиска.

Цель статьи. На данном этапе в Украине должна быть создана сеть региональных и местных аэропортов, обеспечивающих межрегиональные и местные перевозки, подключение региональных и местных авиалиний к магистральным авиалиниям, обслуживаемым узловыми аэропортами. Построение сети аэропортов Украины по узловому принципу на основе создания крупных пересадочных узлов – аэропортов-хабов и региональных аэропортов – позволит не только оптимизировать систему магистральных авиалиний, но и значительно повысит рентабельность региональных и местных авиаперевозок. Идея сконцентрировать в хабе пассажиров и грузы целого региона для дальних перевозок зародилась в США еще в 1970-е годы. В результате ее реализации местные перевозки стали неотъемлемой частью узловой системы. Создание в Украине сети узловых аэропортов станет серьезным стимулом к росту вокруг них местных авиаперевозок. Изменится экономика таких перевозок. Магистральные авиакомпания

и заинтересованные в подвозе грузов и пассажиров в узловые аэропорты, будут сами выступать заказчиками фидерных рейсов, скрыто или явно дотировать местных перевозчиков, искать способы влияния на них вплоть до их приобретения или учреждения дочерних компаний. Тем не менее, для Украины особо актуальной проблемой остается инвестиционное обеспечение реализации проектов в сфере реконструкции действующих и строительство новых аэропортов, развитие региональных сетей воздушного транспорта. На сегодняшний день существует огромный потенциал и отложенный спрос на авиационно-пассажирские перевозки. Развитие интернет-торговли и иных вновь созданных и масштабно развивающихся отраслей экономики и торговли являются стимуляторами грузоперевозок.

Изложение основного материала. В соответствии с действующими законодательством Украины, Стратегией развития отечественной авиационной промышленности на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Кабинета Министров Украины от 27 декабря 2008 года № 1656-р, в сфере транспорта предусматривается поэтапное развитие аэродромной сети в Украине. Стратегия рассматривается как основа для разработки и реализации региональных и муниципальных целевых программ в сфере развития и функционирования воздушного транспорта на территории Украины, а также документов территориального планирования регионального, муниципального уровня [4, ст. 1-2].

Дальнейшая разработка и внедрения программ областного значения по возобновлению и повышению конкурентоспособности авиационной деятельности в каждом регионе положительно скажется на развитии отрасли в целом. Проанализировав существующую Стратегию, опыт иностранных государств, в статье приводим наиболее перспективный план реализации данной стратегии.

На первом этапе необходимо осуществлять формирование национальной опорной сети аэропортов (аэродромов), развитие хабовых технологий перевозок и приоритетное развитие крупных международных и внутриукраинских узловых аэропортов, а также развитие средне- и дальнемагистрального парка воздушных судов, обеспечивающего основные авиаперевозки в Украине.

В этой связи необходима разработка региональных целевых программ и соответствующего технико-экономического обоснования (бизнес-проекта), обосновывающих включение аэропорта региональных в состав национальной опорной сети. На втором этапе следует обеспечить приоритетное развитие региональных и местных аэропортов, развитие фидерных пассажиро- и грузоперевозок, интегрируемых с магистральной авиасетью, а также массовое пополнение парка региональных воздушных судов современными судами преимущественно украинского производства, которые соответствуют международным требованиям и способны обеспечить безопасность и комфорт. Магистральные авиакомпании, заинтересованные в подвозе грузов и пассажиров в узловые аэропорты, будут сами выступать заказчиками фидерных рейсов, скрыто или явно дотировать местных перевозчиков, искать способы влияния на них вплоть до их приобретения или учреждения дочерних компаний. И, как следствие, изменится экономика таких перевозок, повысится конкурентоспособность авиационного отечественного транспорта. Еще одним из важных направлений развития аэродромной инфраструктуры являются строительство, развитие и эксплуатация аэродромов авиации общего назначения за счет средств частных инвесторов, а также расширение сферы рационального использования авиации общего назначения (АОН). В зарубежной практике АОН считается «базисом» гражданской авиации. К АОН принято относить все некоммерческие полеты, при этом воздушное судно может эксплуатироваться как в интересах частного лица, так и компании. Главное требование – чтобы его провозные мощности не предлагались на рынке перевозок. В результате к АОН можно отнести деловую (корпоративную) авиацию, спортивную и любительскую. В Украине следует развивать законотворческую деятельность, направленную на регулирование и функционирование, развитие АОН. АОН развивается в Украине по следующим направлениям: деловая (корпоративная) авиация, любительская авиация (частное владение и эксплуатация летательных аппаратов физическими лицами), авиаспорт, авиатризм, обучение пилотированию и т. д.

Важным направлением развития аэродромной инфраструктуры является



создание инфраструктуры для авиации, обеспечивающей выполнение авиационных работ в интересах отраслей экономики и решения государственных задач, таких как лесоохрана, медицинская помощь, аэрофотосъемка, экологический мониторинг, нефте- и газопроводов, других опасных промышленных объектов, автомагистралей, железнодорожных и водных путей, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, обеспечение задач административного управления и др. Данное направление является решающе важным в условиях непростой политической ситуации, в которой оказалась Украина в период гибридной необъявленной войны. В целях развития технического обеспечения государственного контроля и надзора в сфере транспорта, предотвращения несанкционированных полетов воздушных судов и летательных аппаратов авиации общего назначения, выявления и прекращения деятельности незарегистрированных аэродромов и посадочных площадок необходимо наращивать воздушный парк оперативными вертолетами для инспекторских служб и обеспечение их базирования в регионах Украины [7, с. 24].

Наличие спроса на авиаперевозки регионального и местного значения обусловлено недостаточным уровнем мобильности населения и транспортной доступности отдельных периферийных территорий Украины, их значительной удаленностью от административных центров и неадекватным развитием наземных коммуникаций, а также ростом трудовой миграции населения в условиях экономического кризиса. При этом развитие местных авиалиний является наиболее быстрым и наименее капиталоемким (по сравнению со строительством наземных дорог) способом обеспечения транспортной доступности. Фактор времени особенно важен при доставке срочных грузов, больных и пострадавших в лечебные учреждения, тушении пожаров, выполнении аварийно-спасательных и поисковых работ и т. д.

Целями развития аэродромной инфраструктуры и авиационной деятельности в Украине являются: 1) удовлетворение потребностей населения и экономики Украины в авиационных перевозках и обеспечение на этой основе: – повышения транспортной мобильности населения Украины, – повышения уровня

транспортной доступности периферийных территорий областей Украины со слаборазвитой сетью наземных коммуникаций; повышения динамики и качества общественной и экономической жизни населения; повышения капитализации, конкурентоспособности и привлекательности Украины для жизни, бизнеса и туризма; 2) удовлетворение потребностей населения и экономики Украины в социально-значимых авиационных услугах и авиационных работах и обеспечение на этой основе: – повышения уровня пожарной безопасности лесов, экологической безопасности, правопорядка и общественной безопасности, безопасности дорожного движения, оперативности и эффективности оказания медицинской помощи больным и пострадавшим, ликвидации чрезвычайных ситуаций, поисково-спасательных работ; 3) создание условий для развития авиации общего назначения и обеспечение на этой основе: развития системы подготовки пилотов; развития авиаспорта, развития авиационного туризма; удовлетворения потребностей граждан и организаций во владении и использовании малой авиации для частных и корпоративных целей; вывода деятельности субъектов АОН из тени и повышения ее финансовой отдачи в региональный и местный бюджет; 4) обеспечение ценовой доступности авиационных услуг для населения и экономики Украины; 5) обеспечение безопасности функционирования авиационных комплексов в Украине.

Развитие объектов наземной авиационной инфраструктуры для эффективного обслуживания спроса населения, хозяйствующих субъектов, государственных структур на авиаперевозки, авиационные услуги и авиационные работы достигается выполнением следующих задач: 1) разработка долгосрочной целевой программы развития аэродромной инфраструктуры и авиационной деятельности в Украине, определяющей: систему инвестиционных и организационно-управленческих мероприятий по развитию аэродромной инфраструктуры (аэродромов, ВПП, площадок, аэропортов, топливно-заправочных комплексов, центров технического обслуживания летательных аппаратов) и авиационной деятельности в Украине, взаимосвязанных по ресурсам, срокам и исполнителям; целесообразность нахождения объектов авиатранспорт-

ной инфраструктуры в собственности Украины или в собственности юридических и физических лиц либо заключение договоров долгосрочной аренды либо же договоров концессии; систему управления имуществом комплексом аэропортов при нахождении их в собственности Украины; приоритеты и механизмы государственной поддержки развития, эффективного функционирования и обеспечения безопасности объектов авиатранспортной инфраструктуры и авиационной деятельности в Украине и областях; объемы и порядок финансирования мероприятий из государственного бюджета; механизмы привлечения средств государственного, местного и внебюджетных средств для решения региональных задач по развитию аэродромной инфраструктуры и авиационной деятельности; создать перечень программных объектов (перечень существующих и вновь создаваемых объектов наземной инфраструктуры, необходимых для эффективного обслуживания спроса населения, хозяйствующих субъектов и государственных структур на авиаперевозки, авиационные услуги и авиационные работы, обеспечения эффективного и безопасного функционирования авиационного комплекса); 2) резервирование земельных участков, необходимых для создания (развития) объектов наземной авиационной инфраструктуры, включенных в перечень программных объектов, включение их в документы территориального планирования; 3) подготовка, согласование и принятие проектов распоряжений государственного уровня о переводе земельных участков, занимаемых объектами наземной авиационной инфраструктуры, в категорию земель транспорта; 4) в основу размещения объектов авиационной системы в областях должны быть положены одобренные государством и органами местного самоуправления основные положения и принципы градостроительного развития и территориального планирования; 5) оптимизация функционального назначения каждого из объектов наземной авиационной инфраструктуры областей по видам воздушных перевозок и авиационных работ, по классам и типам принимаемых воздушных судов и т. д.; 6) комплексный подход к развитию каждого объекта наземной авиационной инфраструктуры как элемента



единой авиационной системы Украины; 7) обеспечение эффективности и безопасности функционирования объектов наземной авиационной инфраструктуры страны, включая эффективное использование территорий, занимаемых данными объектами; 8) обеспечение доступности вертолетного сообщения к объектам государственного управления и социально-значимым объектам областей Украины; 9) сбалансированное сочетание механизмов государственно-частного партнерства и государственной поддержки при реализации проектов развития аэродромной инфраструктуры и авиационной деятельности в Украине; 10) повышение инвестиционной привлекательности Украины за счет максимального использования потенциала наземной авиационной инфраструктуры как элемента единой региональной транспортной системы; 11) использование потенциальных возможностей объектов наземной авиационной инфраструктуры областей области как инструмента повышения эффективности деятельности областной и местных администраций; 12) развитие аэродромной инфраструктуры и авиационной деятельности в областях в координации с развитием авиационного узла Борисполь и Жуляны в Киеве в рамках единой системы организации и управления воздушным движением, аэронавигационного, метеорологического и др. видов обеспечения полетов воздушных судов.

Для граждан Украины авиация станет доступным транспортным средством. При ее развитии будут созданы условия для экономического подъема и рентабельности территорий со слабо развитыми железнодорожными, автомобильными и водными транспортными коммуникациями. При развитии авиации в Украине создадутся условия для увеличения налогового сбора за экологию, аэронавигационные и иные услуги. Пользователи воздушного пространства (юридические и физические лица), осуществляющие авиационную деятельность в границах территории Украины, на основе нормативно-правовых отношений и договорных обязательств будут оплачивать в установленном порядке налоги и сборы в бюджеты региона и органам местного самоуправления. По результатам исследований предлагается организационно-правовые модели формирования территориально-произ-

водственных комплексов гражданской авиации строить в виде консолидированных и интегрированных авиационных субъектов на базе авиакомпаний, на базе аэропортов и на базе субъектов неавиационной сферы в масштабных регионах. Таким образом, можно сделать вывод, что в современных условиях перспективными направлениями повышения эффективности территориальной организации субъектов гражданской авиации является их консолидация и интеграция путем создания в масштабе регионов территориально-производственных комплексов, хабов, центр фидерных пассажиро- и грузоперевозок т.д.

Только при наличии трёх составляющих государственно-коммунально-частного партнерства возможно успешное строительство, реконструкция, эксплуатация объектов инфраструктуры гражданской авиации. Примером является опыт реконструкции и строительства Харьковского аэропорта, который начался с 1 апреля 2008 года после того, как компания «Нью Системс АМ» (группа DCH, президент – известный украинский бизнесмен, генеральный инвестор и координатор подготовки Харькова к Евро -2012 Александр Ярославский) выиграла конкурс на аренду Харьковского аэропорта. С точки зрения правовых режимов был действительно создан достаточно сложный целостный имущественный комплекс – Харьковский аэропорт. Реконструкция включала в себя строительство нового терминала, реконструкцию существующего, строительство новой взлётно-посадочной полосы и капитальный ремонт перрона, благоустройство привокзальной площади.

Выводы. Развитие авиации в Украине улучшит благосостояние граждан, повысит социальную стабильность и создает объективную реальность использования гражданами воздушного транспорта для внутрорегиональных и межрегиональных перемещений. Вышеупомянутые этапы развития могут быть осуществленными лишь при эффективном хозяйственном механизме. Государство внедряет государственные инвестиции в объекты, которые находятся в государственной форме собственности. С учетом политической ситуации в Украине и необъявленной гибридной войны лишь за счет государственных средств нельзя осуществить эффективную реализацию данного хозяйственного механизма.

В силу децентрализации у территориальных громад появляются источники финансирования и финансовая возможность развивать свои регионы. Налоги остаются в местном бюджете. Одной из целей функционирования хозяйственного механизма является внедрения данных финансовых средств местного уровня. Но анализируя экономическую ситуацию в регионах и областях Украины, следует отметить, что и средств местных бюджетов не будет достаточно для развития крупных объектов промышленности, в частности авиационной промышленности.

Поэтому следует привлекать и инвестиции частных лиц, таким образом развивать трёхстороннее партнерство, а именно государственно-коммунально-частное партнерство, с целью обеспечения эффективного функционирования хозяйственного механизма, в частности авиационного комплекса. Для развития и правового регулирования такого партнерства Кабинету Министров Украины необходимо разработать и утвердить типового договора, который бы регулировал принципы и положения государственно-коммунально-частного партнерства с целью обеспечения развития авиационной промышленности, повышения конкурентоспособности данной отрасли и обеспечения требований безопасности перевозок воздушного транспорта.

Стратегия развития отечественной авиационной промышленности может быть реализованная лишь при эффективном действии хозяйственного механизма – комплекса правовых средств, где ключевым является правовые базовые формы государственно-коммунально-частного партнерства.

Список использованной литературы:

1. Интервью Главы Государственной Авиационной службы Анатолия Колесника информационному агентству, 22 августа 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www/kmu.gov.ua/control/uk/publish/printable_article?art_id=246628018/.

2. Переговоры между Украиной та ЕС по рассмотрению Соглашения между Украиной и ЕС про создание общего авиационного пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://Ukraine.eu/mfa/gov/ua/press-centre/news/>.



3. Про утверждение Правил воздушных перевозок пассажиров и багажа: Приказ Министерства инфраструктуры Украины от 30.11.2012 № 735// Официальный вестник Украины. – 2013. – № 4. – Ст. 136

4. Стратегией развития отечественной авиационной промышленности на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Кабинета Министров Украины от 27 декабря 2008 года № 1656-р.

5. Череповский Е.В. Организационно-хозяйственный механизм государственного влияния на сферу хозяйствования / Э.В. Череповский // Вестник Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого». Серия: Экономическая теория и право. – Харьков : Право, 2014, № 1 (16). – С. 224–232.

6. Задыхайло Д.В. Правовые принципы формирования и реализации экономической политики государства / Д.В. Задыхайло // Автореферат, Харьков, 2013. – С. 37.

7. Диковская И.А. Принципы правового регулирования международных частных договорных обязательств: теоретические и практические аспекты / И.А. Диковская // Автореферат, Киев, 2014.

8. Опришко В.Ф. Международное экономическое право / В.Ф. Опришко. – 2-е изд, перевод и допол. – К. : КНЕУ, 2003. – 311 с.

9. Новые правила воздушных перевозок пассажиров и багажа в Украине Режим доступа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://economics.unian.net/ukr/news/>.

10. Безлюдько И.А. Договор перевозки груза воздушным транспортом по гражданскому праву / И.А. Безлюдько // Автореферат, Киев, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вельцен Валентина Сергеевна – соискатель кафедры хозяйственного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veltzen Valentina Sergeevna – Degree Seeking Applicant at Department of Economic Law of Yaroslav Mudryi National Law University

velcen-valentina@rambler.ru

УДК 342.951:351.713(477)

ТРАНСПАРЕНТНЫЙ МОНИТОРИНГ ОСОБЕННОСТЕЙ ВРЕМЕННОГО ВВОЗА ГРАЖДАНАМИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ НА ТАМОЖЕННУЮ ТЕРРИТОРИЮ УКРАИНЫ

Александр ГЕРМАН,

аспирант кафедры морского и таможенного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»,
прокурор Одесской местной прокуратуры № 2

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины. Сделан акцент, что в зависимости от резидентского статуса лица, положениями Таможенного кодекса Украины предусмотрены различные условия временного ввоза автомобильных транспортных средств на таможенную территорию Украины. Актуальность темы объясняется большим количеством нарушений таможенных правил, связанных с нарушением гражданами порядка и условий временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, а также несовершенством отдельных норм законодательства Украины по вопросам государственного таможенного дела, касающихся ответственности за такие нарушения.

Ключевые слова: автомобильное транспортное средство, административное взыскание, временный ввоз, декларирование, личное пользование, нарушение таможенных правил, свободный оборот, таможенные сборы, таможенный режим.

TRANSPARENT MONITORING OF PECULIARITIES OF THE TEMPORARY ADMISSION OF PERSONAL MOTOR VEHICLES BY CITIZENS TO THE CUSTOMS TERRITORY OF UKRAINE

Oleksandr GERMAN,

Postgraduate student of the Chair for Law of the Sea and Customs Law,
National University «Odessa Law Academy»,
Prosecutor of Odessa City prosecutor's Office No 2

Summary

The article is dedicated to the consideration of peculiarities of the admission of personal motor vehicles by citizens to the customs territory of Ukraine. The focus is paid to the fact that depending on a residential status of a person, the provisions of the Customs Code of Ukraine stipulate various terms of the temporary admission of motor vehicles to the territory of Ukraine. The importance of the topic can be explained with a large number of violations of the customs rules related to the violation of the procedure and terms of the temporary admission of personal motor vehicles by citizens to the territory of Ukraine and the inadequacy of certain Ukrainian statutory norms of the state customs matters regarding the responsibility for such violations.

Key words: motor vehicle, administrative penalty, temporary admission, declaring, personal use, violation of the customs rules, free trade, customs fees, customs regime.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием комплексного анализа современного состояния осуществления таможенного режима временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования.

Ведь комплексные исследования данного вопроса остаются важными и актуальными в условиях реформирования сферы государственного таможенного дела как одного из условий полномасштабной интеграции Украины в евро-



пейское политическое, экономическое и правовое пространство. Кроме того, наличие проблемных аспектов практического воплощения положений нормативно-правовых актов, регулирующих условия и порядок временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины и низкий уровень профессиональной квалификации отдельных должностных лиц в вопросах использования на таможенной территории Украины автомобильных транспортных средств личного пользования, временно ввезенных на таможенную территорию Украины, являются существенными препятствиями на пути комплексного обновления сферы государственного таможенного дела, построенного на системных законодательных преобразованиях.

Новизна исследования обусловлена тем, что на пути активного реформирования сферы государственного таможенного дела, третирование отдельных проблемных вопросов, возникающих при осуществлении таможенного режима временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, привело к тотальному росту числа злоупотреблений и нарушений таможенных правил, что вносит существенный диссонанс в вопросы соблюдения баланса между таможенной безопасностью Украины и упрощением таможенных процедур.

Задачами исследования являются анализ правовых особенностей временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, анализ проблемных аспектов временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, а также предоставление предложений по совершенствованию законодательства и его направленности на построение эффективной административно-правовой технологии перемещения гражданами через таможенную границу Украины автомобильных транспортных средств личного пользования.

При написании работы были использованы научные разработки Галочки Г., Гевака О., Ивановой Н., Щипанской Г. и других, а также материалы судобной практики.

Изложение основного материала исследования. Рассматривая особенности временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, прежде всего необходимо отметить, что в зависимости от резидентского статуса лица, положениями Таможенного кодекса Украины (далее – ТК Украины) предусмотрены различные условия временного ввоза автомобильных транспортных средств на таможенную территорию Украины. Так, гражданам-нерезидентам – физическим лицам: иностранцам и лицам без гражданства, гражданам Украины, которые имеют постоянное место жительства за пределами Украины, в том числе тем, которые временно находятся на территории Украины [1, пп. в п. 33 ст. 4], разрешается временный ввоз на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств для личного пользования на срок до одного года и с неуклонным обязательством об их обратном вывозе. При этом такие автомобильные транспортные средства не подлежат письменному декларированию, освобождаются от предоставления документов, выдаваемых государственными органами, уполномоченными осуществлять санитарно-эпидемиологический, ветеринарно-санитарный, фитосанитарный, экологический и радиологический виды контроля, а их пропуск осуществляется без применения мер обеспечения, предусмотренных разделом X ТК Украины. Стоит помнить, что оформление временного ввоза на таможенную территорию Украины возможно лишь при условии, что такие автомобильные транспортные средства зарегистрированы в уполномоченных органах иностранных государств, что подтверждается соответствующим документом [1, ч. 1–2 ст. 380]. Снятие с регистрации автомобильные транспортные средства могут быть оформлены только для свободного обращения.

Таможенная пошлина, акцизный сбор и налог на добавленную стоимость при таможенном оформлении временно ввозимых гражданами-нерезидентами автомобильных транспортных средств не начисляются (поскольку они обязуются вывезти такое автомобильное транспортное средство за пределы Украины не позднее, чем за год). Если

же гражданин с разрешения органа таможенного направления Государственной фискальной службы Украины (далее – ГФС Украины) будет отчуждать автомобильное транспортное средство, которое было временно ввезено – придется уплатить таможенные пошлины, акцизный сбор и налог на добавленную стоимость по ставкам и с учетом курса иностранной валюты, установленного Национальным банком Украины, действующим на день подачи таможенной декларации, оформленной для свободного использования этих автомобильных транспортных средств, независимо от даты фактического ввоза их на таможенную территорию Украины.

В отличие от граждан-нерезидентов, условия допуска к временному ввозу на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств гражданами-резидентами – физическими лицами: гражданами Украины, иностранцами и лицами без гражданства, имеющими постоянное место жительства в Украине, в том числе теми, которые временно находятся за рубежом, являются более суровыми, что объясняется повышенными рисками неисполнения обязательства об обратном вывозе таких автомобильных транспортных средств за пределы таможенной территории Украины. Так, граждане-резиденты могут временно ввезти на таможенную территорию Украины автомобильные транспортные средства личного пользования сроком до одного года. Однако обязательными условиями такого ввоза является наличие письменного обязательства об обратном вывозе таких автомобильных транспортных средств, письменное декларирование в порядке, предусмотренном законодательством Украины для граждан, уплата всех таможенных платежей, которые согласно закону подлежат уплате при импорте таких автомобильных транспортных средств [1, ч. 3 ст. 380].

Срок временного ввоза на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств личного пользования гражданами-резидентами и гражданами-нерезидентами, с учетом действия обстоятельств непреодолимой силы и личных обстоятельств граждан, которые ввезли такие автомобильные транспортные средства (с учетом гуманитарной, научной, хо-



зяйственной и других видов деятельности граждан), может быть продлен таможенной ГФС Украины при условии документального подтверждения этих обстоятельств не более, чем на 60 дней [1, ч. 1, ч. 3 ст. 380].

Также ч. 3 ст. 380 ТК Украины предусмотрена возможность временного ввоза на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств личного пользования гражданами-резидентами, находящимися на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за рубежом. Следует заметить, что такую возможность гражданам Украины, которые на законных основаниях временно проживают за рубежом (учатся, легально работают, находятся в браке с иностранными гражданами) и находятся на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за рубежом, было предоставлено относительно недавно. Так, до принятия 20.05.2010 г. Верховной Радой Украины Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины» [2], граждане Украины, которые временно проживали за границей, были лишены возможности свободно посещать Украину на личных автомобильных транспортных средствах на период проведения ежегодных отпусков, посещения родных в чрезвычайных ситуациях, что ограничивало их права [3, с. 83].

Однако обобщение основных проблем граждан Украины, работающих за рубежом, и поиски путей их решения на государственном уровне имели результатом внесение изменений и дополнений в ст. 11 Закона Украины «О порядке ввоза (пересылки) в Украину, таможенного оформления и налогообложения личных вещей, товаров и транспортных средств, которые ввозятся (пересылаются) гражданами на таможенную территорию Украины». В связи с чем гражданам Украины, которые на законных основаниях временно проживают за рубежом и находятся на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за рубежом предоставлена возможность временно ввозить на таможенную территорию Украины автомобильные транспортные средства, которые находятся на учете в соответствующих регистрационных органах иностранных

государств на срок до 60 дней без уплаты ввозной пошлины и других налогов (сборов) [4].

С принятием ТК Украины 2012 г. подобную норму было закреплено в ч. 3 ст. 380 ТК Украины [1]. Однако следует заметить, что ввоз на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств личного пользования гражданами-резидентами, находящимися на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за рубежом возможно только в отношении автомобильных транспортных средств личного пользования, которые классифицируются по товарной позиции 8703 (кроме товарной субпозиции 8703 10) согласно УКТ ВЭД, и прицепов к ним, классифицирующихся по товарной подпозиции 8716 10 согласно УКТ ВЭД (при условии ввоза вместе с автомобильным транспортным средством). Кроме того, обязательными условиями временного ввоза гражданами-резидентами, находящимися на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за рубежом, автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины является предоставление документов о праве собственности гражданина на такие автомобильные транспортные средства и их регистрации на территории соответствующей страны, письменного обязательства об обратном вывозе таких автомобильных транспортных средств, а также письменное декларирование в порядке, предусмотренном законодательством Украины для граждан [1, ч. 3 ст. 380].

Срок временного ввоза на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств личного пользования гражданами-резидентами, находящимися на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за границей, не может превышать 60 дней в течение одного календарного года (который может быть как непрерывным, так и с перерывами). И в этом аспекте необходимо отметить, что нормами законодательства Украины по вопросам государственного таможенного дела не предусмотрена возможность продления таможенной ГФС Украины срока временного ввоза на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств личного пользо-

вания гражданами-резидентами, находящимися на временном консульском учете в консульском учреждении Украины за рубежом [5, с. 36].

Принимая во внимание вышеприведенные тезисы, следует отметить, что временный ввоз легковых автомобильных транспортных средств, находящихся во временном пользовании гражданина-резидента, а также грузовых и грузопассажирских автомобилей на указанных условиях не предусмотрено.

Особое внимание необходимо обратить на тот факт, что в случае, если граждане-нерезиденты ввозят автомобильные транспортные средства в режиме временного ввоза на таможенную территорию Украины для собственного пользования на срок, превышающий два месяца, такие транспортные средства подлежат государственной регистрации в сервисных центрах Министерства внутренних дел Украины на срок, определенный ГФС Украины [1; 6, абз. 3 п. 7]. Нельзя не отметить, что управление водителем автомобильным транспортным средством, не зарегистрированным либо не перерегистрированным в установленном порядке является административным правонарушением и влечет наложение штрафных санкций [7, ст. 121].

Должностные лица таможен ГФС Украины осуществляют таможенный контроль автомобильных транспортных средств личного пользования, которые временно ввозятся гражданами на таможенную территорию Украины, путем визуального осмотра такого автомобильного транспортного средства, проверки документов, подтверждающих право собственности или пользования автомобильным транспортным средством, постоянное место жительства гражданина, которым временно ввозится такое транспортное средство на таможенную территорию Украины, а также технических (регистрационных) документов на автомобильное транспортное средство [8, с. 65].

Анализируя содержательную составляющую временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, важно отметить, что до окончания срока временного ввоза на таможенную территорию Украины автомобильных



транспортных средств личного пользования граждане должны вывезти их за пределы таможенной территории Украины или поместить такие автомобильные транспортные средства в один из таможенных режимов: режим отказа в пользу государства, уничтожения или разрушения, импорта [1, ч. 5 ст. 380].

Законодательство Украины по вопросам государственного таможенного дела предусматривает применение к нарушителям срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины административной ответственности, степень которой зависит от срока такого превышения. Так, за превышение гражданами срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины до трех суток применяется санкция в виде предупреждения или наложения штрафа (пятьдесят тысяч гривен). Наложение штрафа в размере трехсот необлагаемых минимумов доходов граждан применяется в том случае, если лицо в течение года уже было привлечено к ответственности за совершение такого правонарушения, а также превышение гражданами срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины на 3–10 суток. Также ТК Украины предусмотрено наложение штрафа в размере одной тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан за превышение срока временного ввоза на таможенную территорию Украины автомобильных транспортных средств личного пользования более, чем на десять суток [1, ст. 481].

При этом, ст. 539 ТК Украины предусмотрено, что штраф за превышение гражданами срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины нарушитель должен уплатить не позднее 15 дней со дня вручения или направления копии постановления о наложении штрафа, а в случае обжалования постановления – не позднее 15 дней со дня оставления жалобы (административного иска) без удовлетворения [1].

Также необходимо отметить, что положениями законодательства Украины по вопросам государственного

таможенного дела предусмотрено, что административная ответственность за превышение гражданами срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины не наступает в случае, если причиной превышения этого срока являются:

авария – повреждение, выход из строя и разрушения, как последствия причин техногенного (конструктивного, производственного, технологического, эксплуатационного) или природного характера;

действия обстоятельств, имеющих характер непреодолимой силы – стихийного бедствия (пожары, наводнения, другого стихийного бедствия или сезонного природного явления), военных действий или чрезвычайного положения в регионе;

в установленном законом порядке зафиксированного факта совершения преступных действий третьими лицами – совершение деяний другими лицами, нарушающих законные права и интересы лица при исполнении им таможенных формальностей, в том числе совершение правонарушения в отношении такого лица.

Говоря о порядке осуществления производства по делам о нарушении таможенных правил, а также процессуальных действий, предусмотренных законодательством о нарушении гражданами срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, необходимо прежде всего отметить, что начальной стадией такого производства является возбуждения дела, а именно производство считается начатым с момента составления уполномоченным должностным лицом таможи ГФС Украины, которое выявило нарушение гражданином срока временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины, протокола по установленной форме [1, ст. 494; 9]. Однако по результатам выявления должностным лицом таможи ГФС Украины нарушения гражданином срока временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины, которое может быть следствием аварии или действия непреодолимой силы, а так-

же противоправных действий третьих лиц, на основании закона должностное лицо таможи ГФС Украины должно оценить по своему внутреннему убеждению, обоснованному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности, доказательства события, послужившего причиной нарушений таможенных правил и в случае подтверждения достоверности таких обстоятельств дело о нарушении гражданином срока временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины не нарушать, а возбужденное дело – закрыть.

При этом, лицо, нарушившее срок временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины должно подтвердить факт аварии или действия непреодолимой силы путем предоставления документов, выданных местными органами исполнительной власти или органами местного самоуправления, органами Министерства внутренних дел Украины, другими специально уполномоченными на это государственными органами, а также министерствами, другими центральными органами исполнительной власти, предприятиями, осуществляющими деятельность по устранению последствий аварий и т.п. Для подтверждения факта противоправных действий третьих лиц, которые имели следствием превышение гражданином срока временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины предоставляются документы, выданные судами, правоохранительными органами, другими специально уполномоченными на это государственными органами [10, с. 22].

По результатам таможенного расследования по делу о превышении гражданином срока временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины, целью которого является сбор доказательной базы по делу, качественная подготовка дела для рассмотрения по существу, составляется протокол о нарушении таможенных правил, а также протоколы процессуальных действий, предусмотренных ст. 508 ТК Украины [1].



Следует отметить, что составление протокола о нарушении таможенных правил является основанием для временного изъятия автомобильного транспортного средства личного пользования – непосредственного предмета нарушения таможенных правил и соответствующих документов, необходимых в качестве доказательств по делу о превышении гражданином срока временного ввоза автомобильного транспортного средства личного пользования на таможенную территорию Украины [1, ч. 1 ст. 511]. Кроме того, допускается изъятие автомобильного транспортного средства в отношении лица, не имеющего в Украине постоянного места жительства или адреса и совершившего нарушение таможенных правил, с целью обеспечения взыскания штрафа [1, ст. 541].

Временное изъятие автомобильных транспортных средств личного пользования, срок временного ввоза которых на таможенную территорию Украины был превышен, фиксируется в протоколе, который составляется в предусмотренных ТК Украины случаях, или в прилагаемом к нему описании, с точным указанием особых признаков таких автомобильных транспортных средств, а также их стоимости [1, ч. 4 ст. 511], а изъятые автомобильные транспортные средства личного пользования, срок временного ввоза которых на таможенную территорию Украины был превышен, хранятся на складах таможни.

При этом следует отметить, что согласно ст. 512 ТК Украины, временное изъятие автомобильных транспортных средств личного пользования – непосредственных предметов нарушения срока временного ввоза на таможенную территорию Украины, может быть обжаловано в установленном законодательством порядке [1]. Однако подача жалобы на решение о применении временного изъятия не останавливает действие такого решения.

Выдаются изъятые автомобильные транспортные средства личного пользования – непосредственные предметы нарушения срока временного ввоза на таможенную территорию Украины их владельцам, уполномоченным ими лицам, а также лицам, которым в течении срока хранения перешло право собственности или право владения, толь-

ко после их таможенного оформления, возмещения расходов на хранение и уплаты соответствующих таможенных платежей [1, ст. 242].

Необходимо отметить, что законодательство Украины по вопросам государственного таможенного дела также оперирует понятием «приостановление течения срока временного ввоза». Так, при условии предоставления владельцами автомобильных транспортных средств личного пользования, временно ввозимых на таможенную территорию Украины, достаточных доказательств потери или полного повреждения таких автомобильных транспортных средств вследствие аварии или действия обстоятельств непреодолимой силы – течение срока временного ввоза останавливается, что освобождает владельца такого автомобильного транспортного средства от административной ответственности за нарушение условий временного ввоза на таможенную территорию Украины. В таком случае автомобильные транспортные средства могут быть размещены в таможенный режим отказа в пользу государства или уничтожения или разрушения, что освобождает от обложения таможенными платежами владельцев таких автомобильных транспортных средств [1, ч. 6 ст. 380, ч. 4 ст. 184, ст. 175].

Важным и необходимым для выполнения аспектом временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины является ограничение круга субъектов их использования на таможенной территории Украины. Так, вполне логично, что ТК Украины установлено требование об использовании временно ввезенных автомобильных транспортных средств личного пользования исключительно гражданами, которые ввезли указанные автомобильные транспортные средства в Украину для собственных нужд. К тому же, указанные автомобильные транспортные средства запрещено использовать в целях предпринимательской деятельности в Украине, разукруплять, передавать во владение, пользование или распоряжение другим лицам [1, ч. 4 ст. 380]. А значит, такие автомобильные транспортные средства могут быть оформлены для постоянного пользования

только после уплаты соответствующих налогов и сборов, предусмотренных законодательством Украины при ввозе автомобильных транспортных средств для свободного использования.

Однако следует отметить, что конвергенция сферы государственного таможенного дела с общепринятыми международными нормами и практикой, а также факт присоединения Украины к Конвенции о временном ввозе дали толчок к использованию автомобильных транспортных средств частного пользования третьими лицами. Тем не менее, они должны иметь соответствующее разрешение пользователя права временного ввоза, а передача права временного ввоза разрешается на запрос договорной стороны только при условии регистрации автомобильных транспортных средств частного использования на территории, которая не является территорией временного ввоза, на имя лица, зарегистрированного или постоянно проживающего за пределами территории временного ввоза [11; 12, ст. 8 Конвенции, ст. 5, п. В ст. 7 приложения С к Конвенции].

Учитывая то, что отдельное упоминание о разрешении пользователя права временного ввоза закреплено на национальном уровне в ч. 4 ст. 380 ТК Украины, необходимо акцентировать внимание на том, что в соответствии с положениями законодательства Украины по вопросам государственного таможенного дела от имени и в соответствии с инструкциями пользователя права временного ввоза третьи лица (граждане-резиденты и граждане-нерезиденты), которые имеют надлежащее разрешение пользователя права временного ввоза, могут использовать только легковые автомобили, и прочие моторные транспортные средства, предназначенные главным образом для перевозки людей (кроме моторных транспортных средств товарной позиции 8702), включая грузопассажирские автомобили-фургоны и гоночные автомобили (в соответствии с товарной позицией 8903 согласно УКТ ВЭД) [1].

Необходимо отметить, что нарушение таможенных правил, связанных с использованием автомобильных транспортных средств частного пользования, временно ввозимых на таможенную территорию Украины – немало. Кроме того, такие нарушения являются



разноаспектными – от нарушения срока временного ввоза автомобильных транспортных средств частного пользования [1, ст. 481] до использования автомобильных транспортных средств частного пользования, в отношении которых предоставлены льготы по уплате таможенных платежей, в других целях, чем те, в связи с которыми были предоставлены такие льготы [1, ст. 485].

Обращаясь к судебной практике рассмотрения дел о нарушении таможенных правил, касающихся нарушения порядка временного ввоза гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, представляется целесообразным акцентировать внимание на судебном разбирательстве дела № 521/7892/17 Малиновским районным судом г. Одессы. Согласно материалам дела: «Лицо-2 обратилось в Малиновский районный суд с иском к Одесской таможне ГФС об отмене постановления о нарушении таможенных правил, в котором просит суд отменить постановление заместителя начальника Одесской таможни ГФС о наложении административного взыскания на него (Лицо-2) в виде штрафа в сумме 1458735,69 гривен за совершение нарушения таможенных правил, предусмотренного ст. 485 ТК Украины, а также производство по делу об административном правонарушении по ст. 485 ТК Украины относительно него (Лицо-2) закрыть». Лицо-2 обосновывало свои требования, а именно: «... сотрудниками Одесской таможни ГФС в отношении Лицо-2 был составлен протокол о нарушении таможенных правил по признакам правонарушения, предусмотренного ст. 485 ТК Украины, в связи с тем, что Лицо-2 якобы использовало автомобиль НОМЕР_1, по которому предоставлены льготы по уплате таможенных платежей, в других целях, чем те, в связи с которыми были предоставлены такие льготы, совершило действия, направленные на уклонение от уплаты таможенных платежей. Однако данный автомобиль принадлежит ЕТОВ «MPower» на основании договора TM аренды транспортного средства, а Лицо-2 является должностным лицом ЕТОВ «MPower» (водителем-экспедитором). Истец (Лицо-2) отмечает, что он как водитель-экспе-

дитор ЕТОВ «MPower» получил для управления автомобиль НОМЕР-2 от директора ЕТОВ «MPower» Лицо-3, что подтверждается путевым листом и приказом о командировке, выданными на имя Лицо-2 с указанием предоставленного ему служебного автомобиля. Истцу не было известно и не должно было быть известно, кем был осуществлен ввоз на таможенную территорию Украины автомобиль, в каком таможенном режиме, и были ли на него получены либо-какие таможенные льготы. Данный автомобиль был предоставлен ему как транспортное средство коммерческого назначения».

Постановлением по делу о нарушении таможенных правил установлено, что автомобиль было ввезено на территорию Украины в таможенном режиме «временный ввоз до одного года» гражданином Лицо-4. Следовательно, именно Лицо-4 является лицом, ответственным за выполнение правил таможенного режима «временный ввоз до одного года».

Представитель Одесской таможни ГФС Украины искивые требования не признал, поддержал возражения Одесской таможни ГФС и просил суд рассмотреть дело в порядке письменного производства.

Корпоративный анализ законодательства Украины по вопросам государственного таможенного дела позволяет констатировать, что субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 485 ТК Украины, может быть только декларант (ведь именно декларант является налогоплательщиком и лицом, ответственным за соблюдение таможенного режима временного ввоза) [1, п. 39 ч. 1 ст. 4, ч. 2 ст. 105, ст. 293]. Ведь состав указанного нарушения обуславливает наличие особой цели – уклонение от уплаты налогов и сборов или уменьшение их размера. Наличие такой цели возможно лишь в действиях лица, ответственного за соблюдение таможенного режима временного ввоза, которое является декларантом и плательщиком таможенных платежей и имеет льготные льготы (при наличии оснований, определенных п. 30.2 ст. 30 Налогового кодекса Украины [13]).

Суд, в процессе рассмотрения дела, пришел к выводу об отсутствии в действиях истца нарушений таможенных

правил, и, руководствуясь ст. 485 ТК Украины, постановил административный иск Лицо-2 к Одесской таможне ГФС об отмене постановления по делу о нарушении таможенных правил удовлетворить, а производство по делу об административном правонарушении о привлечении к административной ответственности Лицо-2 по ст. 485 ТК Украины закрыть за отсутствием состава административного правонарушения. Ведь истец руководил указанным автомобильным транспортным средством на основании трудового договора, приказа о направлении работника в командировку и договора аренды автомобильного транспортного средства, не был декларантом соответствующего автомобильного транспортного средства и лицом, ответственным за соблюдение режима временного ввоза, а также не был плательщиком таможенных платежей при ввозе этого автомобильного транспортного средства на территорию Украины на указанных условиях [14]. Кроме того, судом указано, что положения ч. 4 ст. 380 ТК Украины не соответствуют положениям ст. 7 Приложения С Конвенции о временном ввозе [11; 12], согласно которым автомобильные транспортные средства частного использования могут использоваться третьими лицами, имеющими надлежащее разрешение пользователя права временного ввоза. Каждая договаривающаяся сторона (страна участница Конвенции, каковой является и Украина [11]) может позволить такое использование лицом, постоянно проживающим на ее территории, в частности, если такое лицо использует автомобильное транспортное средство от имени и в соответствии с инструкциями пользователя права временного ввоза.

Как видно из материалов вышеприведенного дела, вопрос привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении условий временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, сейчас стоит очень остро, а практика привлечения к ответственности за нарушение порядка и условий временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины после принятия третьего ТК Украины почти отсутствует. Более



того, нечеткость положений законодательства Украины по вопросам государственного таможенного дела и их несовершенство делает невозможным применение к виновным лицам надлежащих мер ответственности.

Тем не менее, например, в период с 01.01.2016 г. по 16.08.2017 г. должностными лицами таможенного поста «Аккерман» Одесской таможни ГФС по фактам нарушений срока временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования составлено 88 протоколов о нарушении таможенных правил (ст. 481 ТК Украины – превышение срока временного ввоза или временного вывоза товаров) [15].

Выводы. Вышеприведенные примеры свидетельствуют о необходимости основательной имплементации международных таможенных стандартов и разработки четкого алгоритма действий должностных лиц таможни ГФС при выявлении фактов нарушения условий временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины. Ведь отсутствие формализованной стратегии в вопросах обеспечения надлежащего уровня контроля соблюдения условий временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины и осуществления мониторинга соблюдения сроков временного ввоза автомобильных транспортных средств личного пользования приводит не только к потерям бюджета в результате уклонения от уплаты таможенных платежей при ввозе гражданами автомобильных транспортных средств личного пользования на таможенную территорию Украины, но и к печальным последствиям в вопросах динамики роста количества дорожно-транспортных происшествий на территории Украины и избежания виновных лиц от предусмотренной законодательством Украины ответственности [16; 17].

Список использованной литературы:

1. Митний кодекс України: Закон України від 13.03.2012 р. № 4495-VI // рядовий кур'єр. – 2012. – № 86. – С. 9–26.

2. Про внесення змін до статті 11 Закону України «Про порядок ввезення (пересилання) в Україну, митного оформлення й оподаткування особистих речей, товарів та транспортних засобів, що ввозяться (пересилаються) громадянами на митну територію України»: Закон України від 20.05.2010 р. № 2275 // Офіційний вісник України. – 2010. – № 45. – Ст. 1444.

3. Гражданам Украины разрешен временный ввоз транспортных средств // Таможенный брокер. – 2010. – № 3. – с. 83–84.

4. Про порядок ввезення (пересилання) в Україну, митного оформлення й оподаткування особистих речей, товарів та транспортних засобів, що ввозяться (пересилаються) громадянами на митну територію України: Закон України від 13.09.2001 р. № 2681-III // Офіційний вісник України. – 2001. – № 40. – Ст. 1791 (втратив чинність).

5. Щіпанська Г. Ввезення громадянами наземних транспортних засобів в Україну / Г. Щіпанська, Н. Іваніна // Вісник Міністерства доходів і зборів України. – 2014. – № 44. – с. 35–38.

6. Про затвердження Порядку державної реєстрації (перереєстрації), зняття з обліку автомобілів, автобусів, а також самохідних машин, сконструйованих на шасі автомобілів, мотоциклів усіх типів, марок і моделей, причепів, напівпричепів, мотоколясок, інших прирівняних до них транспортних засобів та мопедів: постанова Кабінету Міністрів України від 07.09.1998 р. № 1388 // Офіційний вісник України. – 1998. – № 36. – Ст. 1327.

7. Кодекс України про адміністративні правопорушення: Закон України від 07.12.1984 р. № 8073-X // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1984. – № 51. – Ст. 1122.

8. Гевак О. Особливості переміщення громадянами товарів через митний кордон України / О. Гевак // Вісник Податкової служби України. – 2013. – № 32. – с. 58–67.

9. Про затвердження форм процесуальних документів у справах про порушення митних правил: наказ Міністерства фінансів України від 31.05.2012 р. № 652 // Офіційний вісник України. – 2012. – № 50. – Ст. 2009.

10. Галочка Г. Перевищення строку тимчасового ввезення транспортного засобу особистого користуван-

ня / Вісник Міністерства доходів і зборів України. – 2014. – № 17–18. – С. 21–23.

11. Про приєднання України до Конвенції про тимчасове ввезення: закон України від 24.03.2004 р. № 1661-IV // Офіційний вісник України. – 2004. – № 14. – Ст. 962.

12. Конвенція про тимчасове ввезення: Конвенція, Міжнародний документ від 26.06.1990 р. // Офіційний вісник України. – 2004. – № 36. – Ст. 2445.

13. Податковий кодекс України: закон України від 02.12.2010 р. № 2756-VI // Офіційний вісник України. – 2010. – № 92. – Ст. 3248.

14. Постанова Малиновського районного суду м. Одеси у справі № 521/7892/17 від 27.07.2017 р.

15. На виконання вимог листа ДФС України від 16.08.17 р. № 21945/7/99-99-18-01-03-17 : службова записка заступника начальника митного поста – начальника ВМО № 4 м/п «Аккерман» М.М. Овсяника від 16.08.2017 р. № 2212/15–70–65.

16. Резонансное ДТП в Киеве может «вылезти боком» всем владельцам авто на иностранных номерах [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://ru.tsn.ua/kyiv/rezonansnoe-dtp-v-kieve-mozhet-vylezti-bokom-vsem-vladelcam-avto-na-inostrannyh-nomerah-882423.html>

17. Авто на «литовских» номерах: абсолютное зло или способ почувствовать себя человеком [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.t.ks.ua/avto-na-litovskih-nomerah-absolyutnoe-zlo-ili-sposob-pochuvstvovat-sebya-chelovekom>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олександр Олександрович ГЕРМАН – аспірант кафедри морського та митного права Національного університету «Одеська юридична академія», прокурор Одеської місцевої прокуратури № 2

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleksandr Oleksandrovych GERMAN – Postgraduate student of the Chair for Law of the Sea and Customs Law, National University «Odessa Law Academy», Prosecutor of Odessa City Prosecutor's Office No 2

Sashagermanod@gmail.com



УДК 342.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НИЖНЕГО УРОВНЯ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Карим ЕМЕЛЬЯНЕНКО,

аспирант кафедры международного права и сравнительного правоведения
Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы формирования, развития и осуществления полномочий местными общинами и местными органами власти в современном Казахстане, а также проводится общий сравнительный анализ полномочий органов местного самоуправления нижнего уровня Казахстана и Украины. Осуществляется аналитическое сравнение проблем по реализации полномочий органами местного самоуправления, а также законодательного определения и восприятия местного самоуправления в двух странах посредством обработки украинских и казахстанских литературных и информационных источников. Обосновано, что законодательство Украины комплексно и определено регламентирует деятельность и полномочия местного самоуправления в Украине, тогда как в Республике Казахстан местное самоуправление и его полномочия определены и конституционно, и законодательно, однако фактически вмонтировано в местное государственное управление Казахстана и требует дальнейшего законодательного утверждения посредством принятия специального закона.

Ключевые слова: местное самоуправление, местное государственное управление, полномочия, маслихаты, акиматы.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POWERS OF LOCAL GOVERNMENTS OF THE LOWEST LEVEL OF UKRAINE AND REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

K. Emelianenko,

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

Summary

The article deals with the issues of formation, development and implementation of powers by local communities and local authorities in modern Kazakhstan, and a general comparative analysis of the powers of local governments of the lower level of Kazakhstan and Ukraine is conducted. Analytic comparison of problems on exercising powers by local self-government bodies, as well as legislative definition and perception of local self-government in the two countries, is carried out by means of processing of Ukrainian and Kazakh literary and information sources. It is substantiated that the legislation of Ukraine comprehensively and definitely regulates the activities and powers of local self-government in Ukraine, whereas in the Republic of Kazakhstan local self-government and its powers are determined both constitutionally and legally, but in fact it is built into the local state administration of Kazakhstan and requires further legislative approval through the adoption of a special law.

Key words: local government, local state administration, powers, maslikhats, akimats.

Постановка проблемы. Полномочия органов местного самоуправления нижнего уровня являются основой осуществления народовластия на местах, так как именно местная власть наиболее близка к жителю определенной территории во многих сферах жизнедеятельности. Однако в разных странах понимание местного самоуправления и местного государственного управления, а следовательно, и надлежащего законодательного определения, воспринимается по-разному. Очень отчетливо такие различия видны на примере полномочий местного самоуправления нижнего уровня Украины и Республики Казахстан, начиная с конституций и специальных законов двух стран.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что в настоящее время нет ни одной фундаментальной работы по сравнительному анализу осуществления полномочий органами местного самоуправления нижнего уровня Украины и Республики Казахстан.

Состояние исследования. Научный анализ проблем по осуществлению полномочий органами местного самоуправления осуществляется многими отечественными украинскими и казахстанскими учеными. Среди них следует отметить Бекмаханову Н.Е., Кузембайулы А.К., Кадырбаева А.Ш., Аверьянова В.Б., Алексеева В.Н., Рабиновича П.М., Ладыченко В.В. и др., которые стали фундаментальной

базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов. Целью и задачей статьи является исследование методом сравнительного анализа осуществления полномочий органами местного самоуправления нижнего уровня в Украине и Республике Казахстан, рассмотрение научных взглядов и разработок по данной проблеме.

Новизна работы заключается в том, что в данной работе сделана попытка исследовать и сравнить как положительные, так и отрицательные стороны осуществляемых полномочий органами местного самоуправления нижнего уровня в Украине и Республике Казахстан.



Изложение основного материала. Местное самоуправление занимает одно из определяющих мест в государственном устройстве как Украины, так и многих европейских и развивающихся центральноазиатских государств. Общие основы местного самоуправления Украины определены в Разделе XI действующей Конституции Украины. Однако вопросы функционирования, полномочий, компетенций и развития местного самоуправления регулируются специальным Законом «О местном самоуправлении в Украине» [1] и Законом «О службе в органах местного самоуправления» [2]. Статья 143 Конституции Украины предусматривает, что территориальные общины села, поселка, города непосредственно либо через учрежденные ими органы местного самоуправления осуществляют управление имуществом, которое находится в коммунальной собственности; утверждают программы развития своих территорий; утверждают местные бюджеты и устанавливают местные налоги и сборы; решают другие вопросы местного значения, которые законом относятся к их компетенции. Общины, как первичные субъекты местного самоуправления, правомочны непосредственно рассматривать и решать вопросы, отнесенные к самоуправляющимся (собственным) полномочиям. Некоторые вопросы могут решаться непосредственно населением соответствующей общины, которой принадлежит право избирать представительские органы самоуправления, выражать свою волю на местном референдуме, общих собраниях граждан, реализовать свое право на местные инициативы, общественные слушания, осуществлять контроль за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления. Однако большинство полномочий реализуется органами и должностными лицами местного самоуправления именно через Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине», которым отдельно определена компетенция представительных органов местного самоуправления – сельских, поселковых, городских советов и их исполнительных органов сельского, поселкового, городского головы.

Местное самоуправление провозглашается в качестве самостоятельной формы осуществления народом

принадлежащей ему власти на конституционном уровне многих современных цивилизованных стран. Например, Конституцией Республики Казахстан (ст. 3) закреплён принцип народовластия, из которого следует, что народ посредством реализации своего избирательного права, т.е. через свободные выборы в органы местного самоуправления, осуществляет принадлежащую ему власть. Аналогичные положения закреплены в Конституциях Армении (ст. 2), Кыргызстана (ст. 1), Украины (ст. 5). Вместе с тем Конституция Казахстана не определяет достаточно четко и однозначно роли и места местного самоуправления в системе государственного устройства. Отсюда проистекают и противоречия законодательства, регулирующего отдельные аспекты местного самоуправления. Так Конституция Казахстана в Разделе VIII «местное государственное управление и самоуправление» четко разграничивает понятия «местное государственное управление», осуществляемое представительными (маслихатами) и исполнительными (акиматами) органами (ст. 85), и «местное самоуправление», обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения (п. 1, ст. 89). Свое развитие и соответствующее регулирование местное государственное управление и самоуправление получило в Законе РК «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [3]. Согласно п. 1 ст. 2-1 Закона местное самоуправление осуществляется отдельно в пределах области, района, города, района в городе, аульного (сельского) округа, поселка и аула (села), не входящего в состав аульного (сельского) округа. Субъектами местного самоуправления обозначены: члены местного сообщества, осуществляющие свою деятельность непосредственно; маслихаты, как органы, через «посредничество» которых местное самоуправление осуществляет свою деятельность; другие органы местного самоуправления (п. 1, ст. 2-1); аким области, района, города, района в городе, аульного (сельского) округа, поселка и аула (села), не входящего в состав аульного (сельского) округа (п. 2, ст. 2-1). Законом также дается понятие местного исполнительного органа – акимата, его статуса и

компетенции. В состав акимата могут входить: заместитель акима, руководитель аппарата акима, первые руководители исполнительных органов, финансируемых из местного бюджета. Аким вправе ввести в состав акимата первых руководителей территориальных подразделений центральных исполнительных органов по согласованию с руководителями соответствующих центральных исполнительных органов. Можно сказать, что акимат представляет собой своеобразное «местное правительство». Таким образом, использованный подход позволил разграничить статус и компетенцию исполнительных органов, финансируемых из местного бюджета, как государственных учреждений, уполномоченных на осуществление отдельных функций местного государственного управления (областные департаменты здравоохранения, образования, финансов и т.д.): аппарат акимов области, города республиканского значения, столицы, района как учреждений, обеспечивающих деятельность акимов и акиматов, территориальных подразделений центральных исполнительных органов, осуществляющих в пределах соответствующей административно-территориальной единицы функции центрального исполнительного органа и финансируемых из средств республиканского бюджета. В законе подробно расписаны полномочия, сферы компетенции акимов и акиматов каждого уровня в соответствии с принципами разноразовного бюджетного финансирования. Сразу стоит отметить, что Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» в целом представляет маслихатам довольно широкий круг полномочий: от утверждения планов, экономических и социальных программ развития соответствующей территории, местного бюджета до генеральных планов застройки городов, поселков и аулов. Сегодня практически все принимаемые постановления акиматов утверждаются и согласуются с местными представительными органами. Полномочия местных представительных органов установлены не только Конституцией РК и Законом «О местном государственном управлении в Республике Казахстан», но, главным образом, отраслевыми законами. Осо-



бенность их норм заключается в регулировании самых разнообразных сфер деятельности местных органов власти и разбросанности по всему законодательству в виде отдельных глав, статей и пунктов.

Однако п. 8 ст. 5 Закона закреплено, что маслихат не обладает правами юридического лица, в отличие от представительских органов власти в Украине – местных рад, которые все имеют такой статус.

Эффективность деятельности маслихатов во многом зависит от непосредственного руководства этими органами. Функции председателя сессии являются, на наш взгляд, формальными, так как секретарь маслихата фактически руководит и аппаратом маслихата, несмотря на предусмотренную должность руководителя маслихата. Для совершенствования возможностей маслихата в реализации им своих полномочий считаем необходимым перераспределить полномочия между секретарем маслихата, председателем сессии маслихата и руководителем аппарата маслихата. Полномочия между ними должны быть взаимно уравновешены. Место и роль депутата маслихата в представительной системе Республики Казахстан находит правовое опосредование в конституционно-правовом статусе депутата и обеспечении его реализации со стороны государства. Элементами такого статуса являются: место в обществе и государстве; условия возникновения депутатских полномочий; права и обязанности депутатов и формы их деятельности; гарантии депутатской деятельности и конституционно-правовая ответственность. Но Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» в недостаточной мере регулирует правовой статус депутатов маслихата. Необходимо разработать и принять специальный закон «О статусе депутата местного представительного органа (маслихата) в Республике Казахстан», возможно, по примеру Закона Украины «О статусе депутатов местных рад» [4]. Правовая регламентация компетенции маслихатов тесным образом связана с задачей повышения эффективности государственного руководства на местах, поскольку для осуществления местными органами своих функций

особое значение имеет четкость закрепления их прав и обязанностей. Однако часто компетенция местных представительных и исполнительных органов по решению различных вопросов не разграничивается, что создает определенные неудобства и разнобой при реализации полномочий на местах. Необходимо провести законодательное разграничение полномочий местных представительных и исполнительных органов. Такая же проблема существует и в Украине, где, например, депутаты районной рады (представительского органа) делегируют часть своих полномочий местной районной администрации (местному органу исполнительной власти). Таким образом, происходит некоторое уравнивание функций ветвей власти на местах.

Закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» от 2001 года в целом предоставляет местным представительным органам довольно широкий круг полномочий. Тем не менее, на практике они не всегда являются действенным инструментом местного управления. Причина такого положения в том, что у маслихатов нет четких механизмов воздействия на деятельность акимов и акиматов для того, чтобы повысить роль маслихатов – местных представительных органов в общественно-политической жизни Республики. Считаем необходимым также наделить маслихаты собственными финансовыми средствами и собственностью, расширить контрольные полномочия маслихатов по отношению к акимам и акиматам. Отчасти множество из перечисленных недостающих казахстанским маслихатам полномочий местного самоуправления успешно функционирует в Украине в принципе, хотя данный пример мы не считаем образцовым в практической плоскости. Собственные и делегированные государственные полномочия в императивном порядке включены в компетенцию органов местного самоуправления Украины.

По мнению украинских ученых [5], это является большим законодательным недостатком. Соглашаемся с мнением Сторожук И.П. в том, что уместнее было бы в статьях, которые закрепляют компетенцию органов местного самоуправления, включить только собственные полномочия, а те которые

могут быть делегированы, – выписать отдельной статьей. Тем самым предусмотреть право органов местного самоуправления отказаться от выполнения последними условий, когда они не в состоянии выполнять их должным образом (отсутствие достаточных финансовых ресурсов, опытных работников и др.). Такое недофинансирование органов местного самоуправления сказывается и на качестве административных услуг, которые предоставляет местное самоуправление первичного уровня, а в Украине – это села, поселки и города. Предоставление же органам местного самоуправления отдельных полномочий органов исполнительной власти должно осуществляться лишь при условии соответствующего финансового и материального обеспечения. С одной стороны, это гарантирование полной реализации предоставленных полномочий, с другой – непрепятствование их осуществлению. То есть государство, делегируя полномочия органам местного самоуправления при формировании бюджета, не передает им необходимые для этого средства. Важнейшие делегированные государством полномочия должны предоставляться всем общинам соответствующего уровня и закрепляться за ними на неограниченный срок. И хотя законодательство не выделяет «обязательных делегированных полномочий», такие полномочия непременно присутствуют в компетенции органов местного самоуправления. Целесообразность и необходимость очевидна при осуществлении особо важных общенациональных задач. Главой II Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» предусмотрено 68 собственных полномочий исполнительных комитетов местных советов и 78 делегированных.

Местное самоуправление нижнего уровня в Украине традиционно сформировалось как устоявшийся исторически институт местного управления, тогда как в Республике Казахстан этот институт развивается медленнее. В Республике Казахстан, на наш взгляд, местное самоуправление находится на переходной ступени развития, сохраняя в своем функциональном значении и полномочиях схожие черты проблем с Украиной, которые определяют его как реальный институт местной власти. В отличие от законодательного



обеспечения местного самоуправления в Украине, Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении» утверждает и определяет местное самоуправление, тем самым оставляя его статус-кво в реальных полномочиях и компетенции этого института: 1) в Законе не определены четкие различия местного государственного управления и самоуправления, поскольку органы, через которые происходит осуществление или реализация местного государственного управления, совпадают; 2) остается нерешенным вопрос в отношении предметов ведения органов местного самоуправления и отдельно предметов ведения органов государственной власти на местах; отсутствие четкой грани между вопросами государства и вопросами местного сообщества, а также «раздвоение» в полномочиях акимов и маслихатов; 3) сформированные аппараты акимов аулов (сел), поселков, городов районного значения, районов в городах, которые не имеют самостоятельных бюджетов, но являются администраторами бюджетных программ. Такие расходы предусматриваются в составе бюджета района, города областного значения и утверждаются соответствующими маслихатами. К примеру, такие расходы направляются на осуществление дошкольного воспитания и обучения, оказания социальной помощи нуждающимся гражданам на дому, благоустройство и озеленение населенных пунктов, похозяйственный учет и т.д.. За акимами аулов (сел), аульного (сельского) округа, поселка закреплена целый ряд функций, которые обеспечиваются финансами по остаточному принципу. Это очень похоже на ситуацию со «свободными остатками» в сельских и поселковых бюджетах в Украине, которые распределяются уже районной администрацией согласно программ местного развития; 4) Эффективность местного самоуправления во многом зависит не только от наличия всего комплекса необходимых законов, обеспечивающих реальную правовую, организационную и экономическую самостоятельность муниципальных образований нижнего уровня, но и от действительной способности реализации населением права на местное самоуправление.

В Казахстане в целях преодоления назревающих проблем Указом Президента Республики Казахстан в 2012 году была утверждена «Концепция развития местного самоуправления в Республике Казахстан» [6]. В Украине подобный документ был принят только в 2014 году Распоряжением Кабинета Министров Украины «Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине» [7]. Результатом исполнения Концепции в Республике Казахстан в 2013 году прошли первые в истории республики выборы глав местных органов власти. На альтернативной основе маслихаты избрали акимов городов районного значения, сельских округов, поселков и сел, не входящих в состав сельского округа. А это более 90% всех акимов Казахстана. Кроме того, местные акимы наделены дополнительными полномочиями в социальной сфере. Согласно новым законодательным изменениям за ними закрепляется уже 67 функциональных самоуправляющихся (собственных) полномочий. Такие шаги, на наш взгляд, несомненно, приведут к модернизации модели местного самоуправления, постепенной децентрализации полномочий местных органов власти, расширению практики участия населения в местном самоуправлении.

Украиной же после принятой Концепции активно внедрялась государственная политика по децентрализации. Это обусловило принятие Верховной Радой пакета законов, которыми уже переданы полномочия из ступеней профильных центральных органов власти (их региональных представительств/отделений) на местный уровень – сельского, поселкового, городского самоуправления, а также сельских, поселковых, городских, объединенных территориальных общин. Поэтому органы местного самоуправления теперь выполняют полномочия по предоставлению административных услуг в сфере государственной регистрации, государственного архитектурно-строительного контроля, государственных функций по геодезии, картографии, кадастра и земельных вопросов, а также государственной миграционной службы Украины. Так, согласно новым законодательным изменениям средства от предоставления

административных услуг будут идти не в Государственный бюджет, а будут оставаться на местах для наполнения сельских, поселковых, бюджетов объединенных территориальных общин. Относительно эффективного осуществления данных полномочий местным самоуправлением сельского и поселкового уровня наше соответствующее авторское видение по этому вопросу констатирует низкую активность с принятия на себя данных функций. Ведь среди самоуправления сельского уровня децентрализационным процессам еще предшествует длительный процесс объединения территориальных общин в Украине. Следует обратить внимание, что города и городские объединенные территориальные общины довольно быстро взялись реализовывать данные полномочия через созданные центры предоставления административных услуг. В целом децентрализация по предоставлению услуг в вышеозначенных сферах на местах вводится для удобства их получения концептуально. Государственные служащие-реализаторы новых полномочий уверены, что это должно значительно сэкономить время и средства получателей этих услуг, в частности крестьян, которым не нужно будет ехать в центры предоставления административных услуг, который находится в районном центре. То есть услугу можно будет получить, условно говоря, в сельском совете.

Сравнительный анализ и аспекты реализации полномочий местным самоуправлением двух стран определяют путь развития самоуправления для других стран в Восточной Европе и Центральной Азии. Есть уверенность, что для местного самоуправления нижнего уровня Украины этот путь является необратимым. Ведь Украина, ратифицируя в июле 1997 г. Европейскую Хартию местного самоуправления [8], приняла как ориентиры собственного развития европейские стандарты местного самоуправления. И на современном этапе развития реализуется общеевропейская тенденция в этой сфере именно за постепенный переход от систем управления общинами к системе «хорошего управления» («good governance») – демократического, эффективного, адекватного современным задачам, прозрачного, публичного и подотчетной обще-



ственности местного и регионального управления [9]. Как отметил казахстанский ученый Айтхожин К.К. [10, с.31], «в процессе разработки Государственной концепции местного самоуправления в Республике Казахстан необходимо постоянное осмысление зарубежного опыта в сфере функционирования местного самоуправления, как позитивного, так и отрицательного опыта».

Выводы. Сравнение полномочий органов местного самоуправления нижнего уровня в Украине и Республике Казахстан позволяет сделать вывод, что местное самоуправление, на наш взгляд, является индикатором демократичности народовластия осуществляемого местными сообществами на местах, а также посредством векторов и тенденций развития. И Украина в этом направлении сделала огромный шаг – Верховная Рада, ратифицируя Европейскую Хартию местного самоуправления, приняла за основу соответствующие европейские принципы относительно формирования, функционирования и развития местного самоуправления, а позже, закрепленные Конституцией и Законом «О местном самоуправлении в Украине» полномочия местного самоуправления, утвердили местные рады, как важнейший институт представительской власти на местах в Украине. Тогда как в Республике Казахстан местное самоуправление хотя закреплено конституционно и определено законодательно, однако, на наш взгляд, фактически вмонтировано в систему органов местного управления и имеет полномочия в большей степени местного представительского совещательного органа. Следует отметить необходимость ратификации обеими палатами Парламента Казахстана – Мажилисом и Сенатом, Европейской Хартии местного самоуправления, на основе которой разработать новый специальный законопроект «О местном самоуправлении в Республике Казахстан».

Список использованной литературы:

1. Про місцеве самоврядування в Україні : Закон України від 21.05.1997 № 280/97 –ВР [Електронний ресурс]. – Сайт Верховної Ради України. – Режим

доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>.

2. Про службу в органах місцевого самоврядування : Закон України від 07.06.2001 № 2493-III [Електронний ресурс]. – Сайт Верховної Ради України. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2493-14>.

3. О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан : Закон Республики Казахстан от 23.01.2001 № 148 – II [Электронный ресурс]. – Сайт online.zakon.kz – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021546.

4. Про статус депутатів місцевих рад: Закон України від 11.07.2002 № 93-IV [Електронний ресурс]. – Сайт Верховної Ради України. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/93-15>.

5. Сторожук І.П. Поняття та принципи місцевого управління: питання теорії і практики / Сторожук І.П. – Хмельницький, 2013. – 211 с.

6. Концепція розвитку місцевого самоуправління в Республіці Казахстан : Указ Президента Республіки Казахстан от 28.11.2012 № 438 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31274380.

7. Концепція реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 01.04.2014 № 333-р [Електронний ресурс]. – Сайт Верховної Ради України – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/333-2014-p>.

8. Європейська Хартія місцевого самоврядування: Міжнародний документ Ради Європи від 15.10.1985, ратифікований Україною Законом України від 15.07.1997 – Сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/994_036.

9. Реформа місцевого самоврядування в Україні: історія, стан, перспективи // Концепція, упорядкування та наукова редакція Сергія Панцира – К. : «Фонд Європа XXI» – 2011. – С. 36

10. Айтхожин К.К. Вопросы конституционно-правового обеспечения становления и развития местного самоуправления в Республике Казахстан / К.К. Айтхожин // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 18. – С. 30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельяненко Карим Олегович – аспирант кафедры международного права и сравнительного правоведения Национального университета биоресурсов и природопользования Украины.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emelianenko Karim Olegovich – Postgraduate Student at Department of International Law and Comparative Law of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

karimkiev@ukr.net



УДК 343.85-058.57

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ КЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ

Зоряна ЖУРАВСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки

Аннотация

В статье анализируются проблемы, связанные с обеспечением права осужденных на личную безопасность в исправительных колониях. Также указываются международные нормативно-правовые акты в сфере уголовно-пенитенциарной деятельности. Сделан вывод, что для всех государств в той или иной мере актуальны вопросы предотвращения пыток и латентного насилия в местах лишения свободы, обеспечения осужденных оплачиваемым трудом, обеспечения юридической защиты осужденных, социально-реабилитационной помощи им после освобождения.

Ключевые слова: осужденный, безопасность, места лишения свободы, пенитенциарная служба, преступность.

PROVISION OF PERSONAL SECURITY OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT: INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS

Z. Zhuravskaia,

Lesya Ukrainka Eastern European National University

Summary

The article analyzes the problems associated with providing rights of convicted persons to personal security in penal colonies. Also identifies international legal acts in the sphere of penal activities. It is concluded that for all States in one way or another relevant to the prevention of torture and latent violence in the prison, providing prisoners paid work, provide legal protection of prisoners, the social rehabilitation assistance after release.

Key words: convicted, safety, prison, penitentiary service, crime.

Постановка проблемы. В статье осуществлен анализ международных нормативно-правовых актов и взглядов ученых, которые имеют отношение к обеспечению личной безопасности осужденных, а также проблем, которые связаны с обеспечением такого права. Автор пришел к выводу, что фактические условия содержания осужденных в учреждениях исполнения наказаний имеют значительные расхождения с международными стандартами обращения и содержания осужденных.

Целью исследования выступает необходимость анализа международно-правовых актов и научной литературы, которые имеют отношение к обеспечению личной безопасности осужденных, для лучшего понимания указанной проблематики с целью разработки мероприятий, которые были бы направлены на совершенствование системы мер безопасности жизнедеятельности в исправительных колониях.

Состояние исследования. В науке указанная проблематика является объектом изучения значительного коли-

чества ученых, в частности таких как А.И. Зубков, М.О. Громов, С.А. Дидоренко, А.С. Кириченко, О.Г. Колб, К.В. Мазняк, Р.Г. Миронов, Д.И. Никифорчук, М.И. Пермяков, С.В. Познищев, Б.Г. Розовский, А.Х. Степанюк, Б.С. Утевский, I.C. Яковец и др. Над ее решением постоянно работают специалисты, однако указанная проблематика требует дальнейшего анализа и изучения.

Изложение основного материала. Ежегодно в Украине имеют место единичные случаи жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство поведения персонала Государственной уголовно-исполнительной службы Украины в отношении осужденных, по результатам данных международных организаций, осуществляющих мониторинг соблюдения прав человека в местах лишения свободы [1]. В частности, в докладах Европейского Комитета по предотвращению пыток отмечается, что неудовлетворительные условия содержания осужденных в местах лишения свободы, особенно в следственных изоляторах, переполненность мест предварительного заключения, мно-

жество других недостатков, которые касаются питания заключенных, медицинского обслуживания, обращения с ними персонала учреждений исполнения наказаний, – все это является элементом такого обращения, унижающего достоинство осужденных [2, с. 33].

Одним из поводов для таких выводов стало невыполнение или ненадлежащее выполнение руководством Государственной пенитенциарной службы Украины и территориальных управлений, а также персоналом исправительных колоний ряда международных нормативно-правовых актов в сфере служебной деятельности, включая уголовно-исполнительную деятельность. К таким можно отнести:

1. Всеобщую декларацию прав человека, в ст. 3 которой указано, что каждый человек имеет право на личную неприкосновенность, а в ст. 5 – то, что никто не должен подвергаться пыткам или жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения или наказания [3, с. 9].

2. Международный пакт о гражданских и политических правах, который



также одним из приоритетным признал право на личную неприкосновенность (ст. 9) и закрепил принцип деятельности каждого государства по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с осужденными (ст. ст. 7, 10, 11 др.) [4, с. 15]. Аналогичное положение нашло отражение в ст. 28 Конституции Украины и ст. 5 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК), учитывая, что как форма проявления социальной и нравственной свободы понятие достоинства включает в себя право человека на уважение, определение его прав и однозначно предполагает осознание им своего долга и ответственности перед обществом [5, с. 82].

3. Декларацию о правах и обязанностях отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепринятые права человека и основные свободы, в ч. 1 ст. 2 которой говорится о том, что каждое государство несет основную ответственность и обязанность защищать, поощрять и осуществлять все права человека и основные свободы, в частности путем принятия таких мер, какие могут потребоваться для создания всех необходимых условий в социальной, экономической и политической, а также в других отраслях и правовых гарантий, необходимых для обеспечения того, чтобы все лица под его юрисдикцией, индивидуально и совместно с другими, могли пользоваться всеми этими правами и свободами на практике [6, с. 30].

4. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в любой форме, в принципах 1, 3, 4, 6, др. которого определены правовые механизмы и гарантии реализации указанными лицами права на личную безопасность [7, с. 34].

5. Кодекс поведения должностных лиц в поддержании правопорядка, ст. 2 которого предусматривает, что при исполнении своих обязанностей, указанные лица уважают и защищают человеческое достоинство поддерживают и защищают права человека в отношении всех лиц [8, с. 79].

6. Другие международно-правовые акты, связанные с регламентацией деятельности в сфере исполнения наказаний [9].

Основной акцент при этом делается на правовые источники, непосред-

ственно относящиеся к служебной деятельности персонала исправительных колоний. В частности, в ст. 5 Кодекса поведения должностных лиц в поддержании правопорядка указано следующее: «Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, что представляет собой пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, и ни одно должностное лицо в соблюдении правопорядка не может ссылаться на распоряжения вышестоящих лиц или иные исключительные обстоятельства, такие как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, для оправдания пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, что унижают достоинство, видов обращения и наказания».

В фабуле Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века, которая была принята 4 декабря 2000 года ООН по рекомендации Экологического и Социального Совета, акцентировано внимание всех государств на том, что надлежащие программы предупреждения преступлений и реабилитации имеют решающее значение для эффективной стратегии борьбы с преступностью, а также что такие программы должны учитывать социально-экономические факторы, которые могут обуславливать большую склонность лица к совершению преступления с точки зрения ранее совершенных подобных деяний и вероятность совершения им указанных деяний.

В Европейской конвенции по правам человека, принятой 4 ноября 1950г., в преамбуле указано, что целью Совета Европы является достижение единства между его членами и что одним из методов, с помощью которого эта цель будет достигнута, является соблюдение и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод [10].

Анализируя научные и практические источники по указанной проблематике, можно отметить, что проблемы, связанные с обеспечением права осужденных на личную безопасность в исправительных колониях, можно поделить на группы:

1. Детерминированные объективной несоответствием по содержанию терминов и понятий, которые употребляются в отечественном и международном праве [11, с. 191]. В международно-правовых актах употребляется термин не «личная безопасность», как в отечественном законодательстве (ст. 3 Конституции Украины, ст. 10 УИК, ст. 47 Уголовного процессуального кодекса (УПК), др.), а – «Личная неприкосновенность», как представляется, нельзя отождествлять в полной мере. Без сомнения, внесение изменений в ст. 10 УИК в связи с этим является очевидным, если учитывать принцип приоритетности международно-правовых норм [12, с. 121].

2. Отсутствие должного общественного контроля за деятельностью исправительных колоний из-за неопределенности в законодательстве соответствующих правовых механизмов и гарантий их реализации [13, с. 49–63]. Содержание этой группы проблем связано не только с отсутствием определения на правовом уровне понятие «общественный контроль в учреждениях исполнения наказаний», но и надлежащих принципов его осуществления [14, с. 8].

3. Обстоятельства, связанные с регулированием общественных отношений в области профилактики правонарушений и преступлений. Эта деятельность регулируется в настоящее время подзаконными нормативно-правовыми актами, что, согласно требованиям ст. 63 Конституции Украины о введении правоограничений в отношении осужденных только на основании закона, противоречит принципу законности, который предусматривает деятельность органов государственной власти и их должностных лиц (в данном случае – персонала исправительных колоний) только способом, определенным Конституцией Украины и ст. 5 УИК Украины. В ряде случаев общественные отношения в сфере исполнения наказаний регулируются нормативно-правовыми актами, которые составляют содержание термина «законодательство» [15] и вытекающие из ч. 2 ст. 19 и п. 1 12 ст. 92 Конституции Украины, согласно которой органы государственной власти (в данной ситуации – Государственная пенитенциарная служба Украины) и органы местного само-



управления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины [16, с. 138].

4. Другие обстоятельства, в первую очередь те, что связаны с организацией и осуществлением оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскного предотвращения преступлений и правонарушений подразделениями внутренней безопасности в системе Государственной пенитенциарной службы Украины.

Особого внимания по этому поводу заслуживает так называемый оперативно-розыскной контроль за деятельностью персонала исправительных колоний, который определен в ст. 1 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст. 104 УИК, где по форме эти статьи совпадают. Вместе с тем содержание употребленных законодателем сроков носит ограничивающий характер деятельности исправительных колоний, так как касается только обеспечения безопасности осужденных, а не предотвращения пыток, пыток и тому подобное, что также составляет содержание понятия «неприкосновенность», которое употребляется в нормах международного права и относится только к процессу отбывания, а не исполнения наказания.

Все это обусловлено тем, что обеспечение права осужденных на личную безопасность ведет к юридической ответственности. Именно поэтому одной из задач оперативно-розыскной деятельности, которые определены в ст. 104 УИК, должна быть деятельность оперативных подразделений исправительных колоний по обеспечению личной безопасности, но и по предотвращению пыток и других видов бесчеловечного обращения с осужденными. Но это возможно будет при условии, если законодателем будет определены задачи по выявлению нарушений установленного порядка не только отбывания, но и исполнения наказания.

Исходя из проведенной учеными классификации международно-правовых актов [17, с. 316], следует отметить, что большая часть этих источников не имеет обязательной юридической силы в рамках международного права и, в частности, в Украине. Однако признавая существенное влияние и авторитет

международных актов на практику и теорию исполнения наказаний, можно сделать вывод о том, что они могут стать теми моральными принципами, которые составляют основу деятельности Государственной пенитенциарной службы Украины.

Интересен опыт других государств по обозначенной проблематике. Законодательства зарубежных стран постепенно приводятся в соответствие с требованиями норм международного права, хотя наяву есть и определенные препятствия по реализации международных правил и стандартов обращения с осужденными, включая и те, что связаны с обеспечением их личной безопасности, к которым можно отнести: отсутствие достаточного государственного финансирования, переполнение учреждений исполнения наказаний (УИН), недостаточное количество персонала колоний и низкий уровень его профессиональной готовности, т.др. [17, с. 345].

Как по этому поводу верно заметил Ю.А. Алферов, для всех государств в той или иной мере актуальны вопросы предотвращения пыток и латентного насилия в местах лишения свободы, обеспечения осужденных оплачиваемым трудом, обеспечения юридической защиты осужденных, социально-реабилитационной помощи им после освобождения [18, с. 18]. В ч. 2 ст. 3 УИК Республики Беларусь указано, что если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила исполнения наказания и обращения с осужденными, чем те, которые предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь, то применяются непосредственно правила международного договора, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие внутригосударственного акта [19].

Наряду с этим в Концепции правовой политики Республики Казахстан речь идет о том, что в уголовном законодательстве следует исходить из определения первичности и неотъемлемости прав и свобод человека как высших социальных ценностей, что охраняется законом [20, с. 45]. При этом, как по этому поводу пришли к выводу ряд ученых (Н.В. Палий, Е.Н. Бегалиев,

Е.С. Назимко, др.), исторический опыт и практика свидетельствуют о том, что уголовные наказания и их система находится в тесной взаимосвязи и взаимодействии с конкретными условиями и эпохой, общими устоями жизни общества, его общественно-политического порядка, морально-нравственными и правовыми взглядами, обычаями и привычками, а также идеологическими стереотипами, которые существуют в обществе [21, с. 5].

Действующим законодательством Румынии предусмотрено, что несовершеннолетние в возрасте 14-18 лет отвечают за свои поступки перед учебным заведением или предприятием и лишь при условии совершения тяжких преступлений, а в исключительных случаях дело слушает суд, который может направить их в воспитательную трудовую школу на срок от 2 до 5 лет. И только в случае совершения лицами в возрасте от 18 до 21 года убийства к ним может быть применено тюремное заключение [17, с. 347].

В Германии лишение свободы и дисциплинарный арест в отношении несовершеннолетних и их системы опекунского воспитания разграничены между собой, то есть если решение о лишении свободы или дисциплинарный арест принимал ювенальный суд, то о опекунское воспитание – опекунские суды социальной помощи.

Во Франции назначение наказания для несовершеннолетних осуществляется только судами по делам для несовершеннолетних, которые могут применять наказания и меры безопасности (меры специальной защиты). Эти меры применяются в порядке гражданского судопроизводства несовершеннолетних, которые еще не совершили преступления, но находятся в опасном состоянии. При этом указанные меры особенно ничем не отличаются от лишения свободы и в основном реализуются в УИН и в опекуно-воспитательных приютах в течение срока, определенного судом, и длительность которого зависит от степени ресоциализации несовершеннолетних и может осуществляться.

В свою очередь, в США есть частные УИН для несовершеннолетних, которые содержатся общественными и религиозными организациями, что весьма важно с точки зрения обеспече-



ния личной безопасности осужденных [17, с. 346].

Выводы. Все эти и другие положительные моменты в законодательстве и в практической деятельности зарубежных стран, без сомнения, стоит учитывать, осуществляя мероприятия по формированию и реализации уголовно-пенитенциарной политики Украины. Как по этому поводу заметили ряд исследователей, несмотря на то, что действующее уголовно-исполнительное законодательство Украины в основном отвечает международным стандартам, фактические условия содержания осужденных в УИН имеют значительные расхождения с международными стандартами обращения и содержания осужденных, включая и вопросы, связанные с обеспечением их личной безопасности [22, с. 208].

Таким образом, следует признать, что впереди – достаточно сложный и длительный процесс реформирования Государственной пенитенциарной службы Украины, изменения приоритетов в уголовно-исполнительной политике с тем, чтобы условия содержания осужденных не только предотвращали совершение ими новых преступлений и преступные посягательства на других осужденных, но и сдерживали их деградацию, а также чтобы использовались новейшие технологии, в том числе международно-правового характера, по обеспечению их личной безопасности.

Список использованной литературы:

1. Предупреждение пыток в Украине: Доклады Комитета Совета Европы по предупреждению пыток по итогам визита в Украину делегации Комитета в 1998, 1999 и 2000 г.г. и ответы про Правительства Украины на эти доклады. – 2-е изд., исправ. и допол. – Донецк: Донецкий Мемориал, 2003. – 252 с.
2. Бущенко А.П. Проти катувань. Аналіз відповідності українського законодавства та практики стандартам і рекомендаціям Європейського комітету запобігання катуванням та жорсткому поводженню / А.П. Бущенко. – Х. : Права людини; Харківська правозахисна група, 2005. – 240 с.
3. Загальна декларація прав людини // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 9.
4. Міжнародний пакт про громадянські та політичні права // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 13.
5. Філософський словник. – К. : Голвна редакція УРЕ, 1973. – 600 с.
6. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 29–33.
7. Звід принципів захисту всіх осіб, що піддаються затриманню чи ув'язненню у будь-якій формі // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 34–40.
8. Кодекс поведінки посадових осіб у підтриманні правопорядку // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 78–81.
9. Принципи ефективного розслідування і документації катувань та іншого жорстокого, нелюдського або такого, що принижує гідність, поводження або покарання: рекомендовані Резолюцією Генеральної Асамблеї ООН від 4 грудня 2000 року № 55/89 // Права людини і професійні стандарти для правоохоронних органів в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 202.
10. Права человека и предварительное заключение: Сборник международных стандартов, касающихся предварительного заключения. – Х. : «Консум», 1997. – 124 с.
11. Закалюк А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика [у 3 кн.] / Закалюк А.П. – К. : Вид. дім «Ін Юре», 2007. – Кн.1: Теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. – 424 с.
12. Кальченко Т.Л. Реформування кримінально-виконавчої системи відповідно до міжнародних пенітенціарних стандартів / Т.Л. Кальченко // Державна пенітенціарна служба України: історія сьогодення та перспективи розвитку у світлі міжнародних пенітенціарних стандартів та Концепції державної політики у сфері реформування Державної кримінально-виконавчої служби України: матеріали між нар.наук.-практ. конф. (Київ, 28-29 берез. 2013 р.р.) – К. : ДПТс України: ВД «Дакор», 2013. – С. 121.
13. Хуторна С.В. Громадський вплив як засіб виправлення і ресоціалізації засуджених у виправних колоніях середнього рівня безпеки / С.В. Хуторна // Державна пенітенціарна служба України: історія сьогодення та перспективи розвитку у світлі міжнародних пенітенціарних стандартів та Концепції державної політики у сфері реформування Державної кримінально-виконавчої служби України: матеріали між нар.наук.-практ. конф. (Київ, 28-29 берез. 2013 р.р.) – К. : ДПТс України: ВД «Дакор», 2013. – С. 517.
14. Конвенція проти катувань та інших жорстоких нелюдських, або таких, що принижують гідність видів поводження і покарання // Права людини і професійні стандарти для працівників пенітенціарної системи в документах міжнародних організацій. – К. : Сфера, 2002. – С. 45.
15. Рішення Конституційного Суду України № 12-рп/98 від 9 липня 1998 року «У справі за конституційним зверненням Київської міської ради професійних спілок щодо офіційного тлумачення частини третьої статті 21 Кодексу законів про працю України (справа про тлумачення терміна «законодавство»)» // Офіційний вісник України. – 1998. – № 32. – Ст. 1209.
16. Актуальні проблеми конституційного права України / за заг. ред. проф. олійника А.Ю. – К. : Видавничий дім «Скіф», 2012. – 552 с.
17. Кримінально-виконавче право України / О.М. Джуца, І.Г. Богатирьов, О.Г. Колб, В.В. Василевич та ін.; за заг. ред. О.М. Джуці. – К. : Атіка, 2010. – 752 с.
18. Алферов Ю.А. Международный пенитенциарный опыт и его реализация в современных условиях / Ю.А. Алферов // Penal Reform International. – 1996. – № 24. – С. 15.
19. Уголовно-исполнительский кодекс Республики Беларусь. – Мн. : Национальный центр информации Республики Беларусь, 2000. – 144 с.



20. Концепция правовой политики Республики Казахстан. – Алматы : Жети Жаргы, 2002. – 56 с.

21. Палий М.В., Бегалиев Е.Н., Назымко Е.С., Байсенгова А.Т., Юношев О.В. Понятия, признаки, система и наказания по уголовному законодательству Украины и Республики Казахстан / Под ред. В.Н. Бессчасного. – К. : КНТ, 2009. – 232 с.

22. Кужахар В.С. Вжиття організаційно-практичних заходів до приведення у відповідність з вимогами чинного законодавства та міжнародних стандартів умов тримання осіб в установах попереднього ув'язнення та виконання покарань / В.С. Кужахар // Державна пенітенціарна служба України: історія сьогодення та перспективи розвитку у світлі міжнародних пенітенціарних стандартів та Концепції державної політики у сфері реформування Державної кримінально-виконавчої служби України : матеріали між нар.наук.-практ. конф. (Київ, 28-29 берез. 2013 р.р.) – К. : ДПТС України: ВД «Дакор», 2013. – С. 208.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавская Зоряна Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhuravskaia Zoriana Valentinovna – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at Department of Criminal Law and Procedure of Lesya Ukrainka Eastern European National University

Lawyer.st@list.ru

УДК 342.9

ПРИМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Станислав КУЦЕНКО,

аспирант

Открытого международного университета развития человека «Украина»,
начальник

Главного территориального управления юстиции в г. Киеве

Аннотация

В представленном материале автор рассматривает вопрос о применении административно-процессуальных норм в сфере развития электронного правительства в современной Украине. Проводится исследование теоретических вопросов, определение понятий административно-процессуальных норм, электронного правительства, и некоторых практических вопросов, касающихся использования административно-процессуальных норм в работе электронных онлайн-сервисов органов юстиции Украины. Научные рассуждения осуществляются на основе существующих в этой области научных трудов и действующего законодательства в сфере развития электронного правительства в Украине.

Ключевые слова: административно-процессуальная норма, электронное правительство, административные услуги, электронные онлайн-сервисы.

THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE PROCEDURAL RULES IN THE DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC GOVERNMENT IN MODERN UKRAINE

S. Kutsenko,

Open International University of Human Development “Ukraine”

Summary

In the presented material, the author considers the application of administrative procedural norms in the development of the electronic government in modern Ukraine. A study of theoretical issues is carried out on the definition of the concepts of administrative procedural norms, the electronic government, and some practical issues related to the use of administrative procedural norms in the work of electronic online services of the Ukrainian judicial authorities. Scientific reasoning is carried out on the basis of existing scientific works and current legislation in the field of development of the electronic government in Ukraine.

Key words: administrative-procedural norm, e-government, administrative services, electronic on-line services.

Постановка проблемы. Актуальность избранной для исследования темы состоит в следующем. В Женевской декларации принципов, которая была принята ещё в 2003 году, было определено, что построение информационного общества, ориентированного на интересы людей, является общим усилием, требует сотрудничества и партнерства между всеми заинтересованными сторонами. Также было обозначено, что государствен-

ные органы, а также частный сектор, гражданское общество, Организация Объединенных Наций и другие международные организации играют важную роль и несут ответственность за развитие информационного общества и, в надлежащих случаях, за процессы принятия решений [1].

На этом основании украинскими учеными и высокопоставленными чиновниками все чаще поднимается вопрос о совершенствовании системы



государственного управления с использованием новейших информационных технологий. Это обосновывается тем, что процессы глобализации, которые происходят в мире, делают его более динамичным, мобильным и требуют новых подходов к общественной и государственной жизни.

В связи с этим вопрос создания эффективного электронного правительства в Украине становится все более актуальным. А учитывая современные возможности компьютерных технологий и стремительное развитие онлайн-коммуникации, можно смело говорить о том, что в настоящее время электронное правительство постепенно становится альтернативой правительству традиционному.

Однако развитие, а тем более эффективное функционирование электронного правительства, его электронных онлайн-сервисов, осуществляется благодаря наличию соответствующих правил и норм. В контексте вопросов, которые исследуются в указанной статье, – это административно-процессуальные нормы.

Изложение основного материала.

В первую очередь следует отметить, что административно-процессуальные нормы являются первичной категорией в системе административного права Украины. По мнению Бандурки А.А. и Тищенко Н.М., административно-процессуальные нормы отличаются наличием следующих особенностей:

1) они являются предпосылкой существования административного процессуального права;

2) нормы административного процессуального права, как и нормы других отраслей права, выполняют функции регулятора соответствующих общественных отношений. Они либо требуют от участников процесса определенного поведения, или позволяют им осуществления действий по своему усмотрению, предусматривают воздержание от определенных действий;

3) административно-процессуальные нормы отличаются от норм других отраслей права тем, что предметом их регулирования являются общественные отношения по реализации и защите прав и законных интересов физических или юридических лиц, а также государства в сфере государственного управления (в публичной сфере);

4) административно-процессуальные нормы – это правила поведения, которые приобретают качества нормативности и общеобязательности в четко установленном порядке;

5) возможность принятия этих норм не только на законодательном уровне, но и органами исполнительной власти различных уровней [2, с. 47].

Важно отметить, что указанные особенности административно-процессуальных норм широко распространены в отечественной, научно-юридической литературе. Однако учитывая тот факт, что в современной Украине административно-процессуальные нормы призваны регулировать отношения не только в сфере деятельности органов публичной администрации и их взаимодействие с другими участниками общества, но и при рассмотрении публично-правовых споров в административных судах (административное судопроизводство), то единого, однозначного подхода к определению понятия административно-процессуальных норм в современной украинской юридической науке пока не существует.

В связи с этим и на основании особенностей административно-процессуальных норм, которые изложены выше, предлагаем следующие определение понятия административно-процессуальных норм. *Административные процессуальные нормы – это установленные государством, а также его уполномоченными органами и обеспеченные его принуждением (организационными мерами) формально определенные, общеобязательные правила поведения, регулирующие общественные отношения по признанию, реализации и защите прав и законных интересов физических или юридических лиц, а также интересов государства в публичной сфере, рассмотрения и решения административных дел, в том числе в сфере административного судопроизводства.*

Из приведенного определения административно-процессуальных норм мы видим, что эти нормы занимают особое место в урегулировании общественных взаимоотношений, в том числе и сфере развития электронного правительства и, как следствие, предоставления административных услуг при помощи электронных онлайн-сервисов.

Раскрывая вопрос о применении административно-процессуальных

норм в сфере развитии электронного правительства в Украине, для начала нужно определить понятие электронного правительства. Так, Емельяненко А. отмечает, что термин «e-government» достаточно сложный для перевода на украинский язык. И «электронное правительство» – лишь один из вариантов этого перевода. Слово «government» можно передать как «управление». Итак, речь может идти об «электронном государстве», «электронном государственном аппарате», «электронной инфраструктуре государства», «государстве информационного общества» и др. [3].

Авторы издания «Доступ к информации и электронное управление» считают, что уместнее говорить о государственной сетевой информационной структуре как об информационно-коммуникационной системе, которая обеспечивает оптимальное для общества функционирования всех ветвей и уровней государственной власти [4, с. 93]. По мнению М.С. Демковой, М.В. Фигель, **электронное правительство (управление)** – это способ организации государственной власти с помощью систем локальных информационных сетей и сегментов глобальной информационной сети, обеспечивающей функционирование определенных служб в режиме реального времени и делает максимально простым и доступным ежедневное общение гражданина с официальными учреждениями [4, с. 94].

Считаем, что такое определение понятия «электронное правительство», которое приведено авторами, является достаточно удачным, точным, понятным и заслуживает внимания.

Яковлев Д.В. отмечает, что глобальное распространение информационных технологий, прежде всего сети Интернет, включая информационную и коммуникативную технологии, в сочетании с изменениями в социальной и экономической структуре общества и с реформами государственного управления делает электронное правительство важным, если не определяющим звеном модернизации и демократизации. Главной задачей для электронного правительства становится управление, то есть работа по модернизации и регулированию всего общества, а не только сферы государственного управления [5, с. 79].



По мнению Дрожжинова В.И., в результате внедрения электронного правительства следует ожидать: улучшение качества услуг по предоставлению информации госорганами; уменьшение времени обслуживания клиентов (граждан и бизнеса), снижение административных барьеров; уменьшение расходов на администрирование; расширение набора государственных услуг; повышение эффективности деятельности госорганов и качества оказываемых ими гражданам и бизнесу услуг; улучшение показателя удовлетворенности клиентов услугами [6, с. 143].

Рост эффективности управления в условиях глобализации происходит благодаря успешному пониманию потребностей граждан («потребителей» управленческих услуг) и упрощению структуры обратной связи между гражданами и властью. В процессе внедрения электронного правительства пользователь услуг онлайн может не разбираться в сфере ответственности отдельных правительственных структур, но получает услугу. То есть электронное правительство потенциально способно предоставлять услуги гражданам качественно и в достаточном количестве так, чтобы они были приспособлены к их потребностям и условиям и были скоординированы через различные каналы коммуникации [7, с. 226].

Обращаем внимание, что Законом Украины «Об административных услугах» определено, что предоставление населению административных услуг в электронной форме должно было начаться с 1 января 2014 через Единый государственный портал административных услуг [8].

Так, согласно п. 7 Порядка ведения Единого государственного портала административных услуг на портале размещаются: 1) информация о субъектах предоставления административных услуг и центры их предоставления; 2) реестр административных услуг; 3) информация о нормативно-правовые акты по вопросам предоставления административных услуг; 4) электронные формы заявлений и других документов, необходимых для получения административных услуг (далее – формы заявлений); 5) база данных субъектов предоставления административных услуг [9].

Согласно указанному порядку субъекты предоставления административных

услуг самостоятельно размещают и обновляют на портале: информацию об административных услугах, которые они предоставляют, и центры предоставления административных услуг по форме согласно приложениям; формы заявлений. Информация, подлежащая размещению на портале, изменения в размещенной информации вносятся субъектами предоставления административных услуг в трехдневный срок со дня возникновения соответствующих оснований. Информация на портале размещается и обновляется путем автоматической загрузки данных. Субъекты предоставления административных услуг обеспечивают проведение постоянного мониторинга нормативно-правовых актов по вопросам предоставления таких услуг с целью своевременного обновления информации, размещенной на портале. Ответственность за достоверность, полноту и своевременность размещения информации на портале возлагается на субъектов предоставления административных услуг [9, п.п. 9-12].

Также порядок содержит другие нормы, в том числе и процессуальные, которые непосредственно касаются назначения портала, его работы и защиты информации, размещенной на портале.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Закона Украины «Об административных услугах» **административная услуга** – результат осуществления властных полномочий субъектом предоставления административных услуг по заявлению физического или юридического лица, направленный на установление, изменение или прекращение прав и / или обязанностей такого лица в соответствии с законом [8].

Сегодня в системе Министерства юстиции Украины функционирует электронный онлайн-сервис «Он-лайн дом юстиции». Инициатором создания упомянутого электронного онлайн-сервиса является автор данной статьи. С помощью указанного электронного ресурса можно получить административные услуги по: регистрации и ликвидации бизнеса, повторной выдаче документов (свидетельства или выдержки), регистрации общественных объединений и средств массовой информации, получению электронной цифровой подписи, информации из реестров [10].

Следует отметить, что использование перечисленных административных услуг, которые можно получить через электронный сервис «Он-лайн дом юстиции», осуществляется в порядке и на условиях, определенных законами и другими подзаконными нормативно-правовыми актами. В частности, услуги, касающиеся регистрационных действий, должны предоставляться с учетом требований Закона Украины «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований», а также отдельных положений, регулирующих технически-правовую сторону работы указанного портала.

Надо отметить, что получение выше указанных административных услуг при помощи электронного онлайн-сервиса становится возможным благодаря пошаговой инструкции, которая означает, что для этого нужно сделать. А поскольку создателем и держателем электронного онлайн-сервиса является Министерство юстиции Украины, то процессуальные нормы, из которых состоит пошаговая инструкция получения административных услуг, являются административно-процессуальными и обеспечивают последовательность в действиях пользователя, дают ему возможность получить ту или иную административную услугу в полном объеме.

Вполне очевидно, что внедрение онлайн-сервисов и их доступность уже влияют на изменение качества жизни, начав новую эру взаимодействия и отношений. Онлайн-сервисы одновременно являются средой для сотрудничества и общения, средством вещания и распространения информации, мощным инструментом предоставления услуг. Таким образом, становится понятно, насколько нужным и важным является использование информационно-коммуникативных технологий, в том числе и в сфере предоставления административных услуг.

Однако на сегодняшний день процесс интеграции электронных информационных систем органов исполнительной власти только начинается. Отсутствии отлаженной системы электронного взаимодействия государственных электронных информационных ресурсов, а также системы электронного взаимодействия орга-



нов государственной власти и органов местного самоуправления, существенно замедляет развитие электронных административных услуг в государстве в целом.

Кроме этого, к факторам, которые, на наш взгляд, затрудняют полноценное внедрение электронного документооборота в органах государственной власти и органах местного самоуправления, относятся: отсутствие единых общегосударственных стандартов функционирования систем электронного документооборота, унифицированных требований к программному обеспечению, что затрудняет процесс внедрения внутренних систем электронного документооборота органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также интеграцию этих систем; несовершенство отечественного законодательства об электронном документообороте и электронной цифровой подписи; устоявшиеся традиции ведения документооборота в бумажной форме в органах государственной власти и органах местного самоуправления; недостаточный уровень защиты информации в системах электронного документооборота органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Согласно последним исследованиям ООН (United Nations E-government Survey 2016) по развитию электронного правительства (E-Government Development Index) Украина заняла 62 место среди 193 государств [11].

Такая ситуация свидетельствует о значительном отставании Украины от мировых темпов развития электронных услуг необходимость разработки единой скоординированной государственной политики в указанной сфере.

В связи с этим существенного усовершенствования также требует и нормативно-правовое обеспечение, которым обеспечивается и в дальнейшем будет обеспечиваться деятельность электронного управления. В частности, это касается и административно-процессуальной составляющей функционирования электронных онлайн-сервисов.

Для реализации вышеуказанных возможностей в Украине необходимо в первую очередь обеспечить эффективный межведомственный информационный обмен между электронными

информационными ресурсами государственных органов.

Система электронного взаимодействия электронных информационных ресурсов государственных органов обеспечивает создание единого информационного пространства, интеграции в него существующих государственных информационных реестров и баз данных, включает в себя механизмы централизованного создания, наполнения и поддержки в актуальном состоянии нормативно-справочной информации, регламентов и порядка взаимодействия между информационными ресурсами.

Также эта система будет гарантировать прямой доступ к информационным ресурсам, их технологическую совместимость и защиту персональных данных. То есть объединятся два базовых принципа – открытость и безопасность.

А поскольку выше уже упоминалось о том, что развитие электронного правительства – это процесс, который происходит при помощи определенных процедур, взаимодействия участников системы электронного правительства и регулируется определенными правилами, административно-процессуальными нормами, установленными государством и его органами, – применение этих норм является очень важным в развитии электронного правительства в Украине.

Список использованной литературы:

1. Декларація принципів «Побудова інформаційного суспільства – глобальне завдання у новому тисячолітті» / ООН; Декларація, Міжнародний документ від 12.12.2003 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_c57.

2. Бандурка О.М., Тищенко М.М. Адміністративний процес / О.М. Бандурка. — К. : Літера ЛТД, 2001.

3. Ємельяненко О. Традиційний та електронний уряд: концептуальні відмінності / О. Ємельяненко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.viche.info/journal/811>.

4. Доступ до інформації та електронне урядування / Автори-упорядники М.С. Демкова, М.В. Фігель. – К., 2004. – 336 с.

5. Яковлев Д.В. Політична взаємодія як комунікативний процес : медіатизація, демократизація, раціоналізація / Д.В. Яковлев. – Одеса : Астропринт, 2009. – 288 с.

6. Дрожжинов В.И. Электронные правительства и повышение конкурентоспособности стран – членов ЕС / В.И. Дрожжинов, А.А. Штрик // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции (Санкт-Петербург, 8-11 ноября 2005 г.). – СПб., 2005. – С. 140–143.

7. Концепція «Електронного урядування» в контексті парадигм суспільних змін / В.О. Блінцова // Актуальні проблеми політики. – 2014. – Вип. 51. – С. 226.

8. Про адміністративні послуги, Верховна Рада України, Закон від 06.09.2012р. №5203-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5203-17>.

9. Про затвердження Порядку ведення Єдиного державного порталу адміністративних послуг, Кабінет Міністрів України : Постанова від 03.01.2013р. № 13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/13-2013-%D0%BF>.

10. Електронний ресурс. – Режим доступу : <https://online.minjust.gov.ua>.

11. Про схвалення концепції розвитку системи електронних послуг в Україні, Кабінет Міністрів України; Розпорядження, Концепція, Перелік від 16.11.2016 № 918-р [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/918-2016-%D1%80>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куценко Станислав Игоревич – аспирант Открытого международного университета развития человека «Украина», начальник Главного территориального управления юстиции в г. Киеве

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kutsenko Stanislav Igorevich – Postgraduate Student of the Open International University of Human Development “Ukraine”, Head of the Main Territorial Justice Department in Kyiv



УДК 347.65+347.235

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ВОЗНИКНОВЕНИЮ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЧУЖОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Наталья МАЙКА,
аспирант

Хмельницкого университета управления и права

Аннотация

В статье проводится комплексное исследование субъектного состава правоотношений по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество, система научных взглядов и разработок по этой проблеме. Осуществляется анализ юридической литературы и законодательной базы по исследованию правового статуса участников данных правоотношений. Автором предоставляется их характеристика, присущие им права и обязанности. На основе проведенных исследований предложена классификация субъектов правоотношений по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество.

Ключевые слова: субъекты правоотношений по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество, собственник, пользователь, третьи лица.

SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS RELATED TO THE ORIGIN OF SPECIAL PROPERTY

N. Maika,

Khmelnytsky University of Management and Law

Summary

The article presents a complex study the subject composition of legal relations on acquisition of the limited use another person's real property. Look up the system of scientific views and developments on this issue. To analyze legal literature and legislation for research legal status of participants of these relations. The author is available, their characteristics, their inherent rights and responsibilities. Based on the conducted research, is given the classification of subjects of legal relations on acquisition of the limited use another person's real property.

Key words: subjects of legal relations on acquisition of the limited use another person's real property, owner, user, third parties.

Постановка проблемы. Вопросы правового регулирования относительно приобретения вещных прав на чужое недвижимое имущество и защита указанных прав уже давно являются предметом изучения юридической науки, поскольку указанные права имеют большое значение для развития рынка недвижимости, что является следствием экономической стабильности государства.

Правоотношения по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество опосредствуют общественные отношения, связанные с возникновением в управомоченных субъектов права пользования чужими недвижимыми вещами, которое сопровождается корреспондирующими ему обязанностями со стороны обязанных субъектов [1, с. 648]. Квалификация того или иного права в качестве вещного права на чужое недвижимое имущество влечет за собой весьма важные практические последствия в части структуры и характера правоотношений, которые возникают между

субъектами. К основным последствиям относятся:

1) такие правоотношения возникают лишь прямо и четко предусмотренным законодательством способом;

2) для возникновения таких правоотношений предусмотрена особая процедура – государственная регистрация;

3) сущность прав и обязанностей, которые составляют содержание правоотношений, определяется непосредственно Гражданским кодексом Украины (далее – ГКУ), Земельным кодексом Украины (далее – ЗКУ) и иными законами Украины;

4) защита прав субъектов таких правоотношений осуществляется в порядке, определенном законодательством, с применением способов защиты в отношении всех обязанных субъектов, в том числе собственника недвижимого имущества, в отношении которого установлено вещное право на чужую вещь.

Очевидно, что в таких условиях интерес и потребность изучения и выяснения правовой природы субъектного

состава правоотношений по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество значительно возрастает.

Актуальность темы исследования заключается в том, что на сегодняшний день отсутствуют комплексные работы по исследованию субъектного состава правоотношений по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество.

Состояние исследования. Сейчас можно назвать около десятка работ, которые, так или иначе, рассматривают указанные вопросы, среди них – труды известных отечественных и зарубежных правоведов. В частности, таких как А.В. Белоцкий [2], Р.И. Марусенко [3], О.А. Михайленко [4], Я.М. Магазинер [5], М.И. Брагинский [6] и другие.

Целью и задачей статьи является исследование субъектного состава правоотношений по приобретению вещных прав на чужое недвижимое имущество, система научных взглядов и разработок по этой проблеме. Новизна работы заключается в том, что



в данной работе сделано комплексное исследование участников данных правоотношений.

Изложение основного материала. По своему правовому статусу субъекты правоотношений относительно вещных прав на чужое недвижимое имущество подразделяются на два основных вида: *собственники* чужих недвижимых вещей, в отношении которых устанавливается вещное право на чужое имущество, и *пользователи* – правообладатели, в чьих интересах установлено вещные права на чужое недвижимое имущество. Анализ действующего законодательства, в частности нормативных положений ст. 395-417 ГКУ [7], ст. 92-102-1 ЗКУ [8], а также правоприменительной практики, позволяет сделать вывод, что субъектами таких правоотношений являются как субъекты частного права – физические лица (в том числе физические лица-предприниматели) и юридические лица, так и субъекты публичного права (государство и территориальные общины в лице уполномоченных органов). Такие субъекты могут быть и в статусе владельцев, и в статусе пользователей.

Исследуя вещные права на чужое недвижимое имущество, украинские ученые в своих трудах также выделяют собственника и пользователя, как носителей указанных субъективных прав. В частности, А.В. Белоцкий отмечает, что основным носителем субъективных жилищных прав является собственник жилья, право собственности которого на жилье является первичным. В связи с этим автором по результатам исследования субъектного состава вещных прав на чужое имущество уполномоченных субъектов права пользования чужим жильем предложено именовать специальным термином – «пользователи чужим жильем» [2, с. 10]. Другой ученый, Р.И. Марусенко, утверждает, что субъектами сервитутных правоотношений целесообразно считать как собственников, так и пользователей (в широком понимании) земельных участков [3]. Михайленко О.А. определяет, что субъектный состав вещных титулов не собственника – эфитевзиса и суперфиция – представлен собственником участка и землепользователем [4]. Таким образом, большинство мнений ученых относительно субъектного состава являются похожими и согласо-

вываются с положениями гражданского законодательства и правоприменительной и нотариальной практики.

Действительно, в отношениях по поводу установления вещных прав на чужое недвижимое имущество именно собственник и пользователь такого недвижимого имущества являются теми субъектами, между которыми возникают правовые связи через опосредующие взаимные права и обязанности. Однако если более глубоко проанализировать статус субъектов, которые могут выступать на стороне собственника, можно сделать вывод, что здесь есть две категории таких субъектов: 1) собственники, которые свободно распоряжаются принадлежащими им объектами недвижимого имущества с целью установления вещных прав на чужое недвижимое имущество (физические лица, юридические лица частного права унитарного типа и т.д.); 2) собственники, которые имеют номинальное право распоряжения, однако для его реализации необходимо дополнительно решение уполномоченных субъектов (государство, территориальные общины, юридические лица публичного права, а также в ряде случаев – юридические лица частного права корпоративного типа). Названное разделение особенно актуально при установке таких прав на чужое недвижимое имущество, как эфитевзис и суперфиций. Ведь довольно часто на практике предоставляемыми земельными участками с целью застройки или для сельскохозяйственных нужд выступают местные территориальные общины в лице местных советов. И поэтому решение о выделении земельного участка принимается на заседаниях соответствующих советов.

Учитывая сказанное, по способу реализации правомочности по распоряжению недвижимыми вещами с целью установления относительно таких вещей вещных прав на чужое недвижимое имущество можно выделить: 1) собственников, которые осуществляют *правомочность распоряжения имуществом согласно собственному, прямому волеизъявлению*; 2) собственников, волеизъявление которых в отношении установления вещных прав на чужое недвижимое имущество (правомочность распоряжения), опосредованно определенными дополнительными

процедурами, в том числе которые имеют характер утверждения решения. Такая классификация имеет важное практическое значение, поскольку понимание того, с каким типом собственника мы имеем дело, существенным образом влияет на принятие пользователем решения о порядке установления вещного права на чужую недвижимость, сроках установления такого права, какие дополнительные нормативные требования он должен совершить, чтобы реализовать свое право. В связи с этим нужно отметить, что в Украине в свое время получила распространение практика передачи земельных участков из числа земель коммунальной собственности в пользование субъектов частного права на праве суперфиция в упрощенном порядке, без принятия решений коллегияльными органами, что имело своим следствием необходимость дальнейшего признания в судебном порядке решений об установлении суперфиция (предоставление согласия на заключение договоров суперфиция), а также самих договоров суперфиция [9].

Аналогичная ситуация имеет место когда земли принадлежат юридическим лицам, и договоры заключаются от имени таких юридических лиц за подписью руководителя, в то время как уставными документами предусмотрено, что решение о заключении таких договоров должны утверждаться на собрании правления.

Также важным является понимание того, какие полномочия остаются у собственника после установления в отношении его недвижимости вещного права на чужое имущество. По этому критерию следует выделить: 1) собственников, которые *сохраняют относительно вещи всю полноту правомочий собственника*, кроме тех, относительно которых законодательством или договором предоставлено право пользования другим лицам – пользователям; и 2) собственников, которые *теряют в отношении своей вещи правомочности владения и пользования*, оставаясь номинальными собственниками. Первый тип субъектов-собственников мы встречаем в случаях, когда имеет место, например, установление сервитута. У собственника остается вся полнота влияния на недвижимую вещь. Однако он обязан допускать к



своей вещи пользователя и терпеть его деятельность по использованию полезных свойств вещи в установленных пределах (установление права проезда, права прохода, права проживания, права забора воды и тому подобное). Второй тип собственников возникает при установлении суперфиция или эмфитевзиса. Владелец теряет право пользования земельным участком, переданным под застройку, и любая хозяйственная деятельность собственника на таком участке допускается лишь в установленных пределах с разрешения пользователя.

По похожим критериям можно разделить и пользователей: 1) пользователи, которые приобретают всю полноту правомочностей пользования и владения; 2) пользователи, которые имеют право лишь на определенное, ограниченное пользование чужими объектами недвижимости.

Также пользователей можно разделить на основе того на каком основании возникло вещное право на чужое недвижимое имущество: 1) на основании законодательства; 2) на основании договора; 3) на основании решения суда; 4) на основании административного акта. Важность этой классификации заключается в том, что в зависимости от основания возникновения вещного права на чужое недвижимое имущество будет определяться и основание прекращения такого права, а также его содержание, объем правомочностей, порядок передачи недвижимого имущества в пользование и осуществления фактического использования. Ведь от полноты правомочностей пользователя зависят также и правомочности, которые остаются у собственника.

Таким образом, приведенные классификации показывают, что в правоотношениях относительно вещных прав на чужое недвижимое имущество основными участниками являются собственник и пользователь. Вместе с тем если анализировать правоотношения относительно вещных прав на чужое недвижимое имущество с точки зрения их вещественного содержания, следует отметить, что субъектами таких правоотношений являются также все *третьи лица* (в том числе и собственник). Такой вывод следует из сущности вещных прав на чужое имущество, где можно выделить два вида правоотношений:

отношений: относительные (между собственником недвижимого имущества и пользователем) и абсолютные (между пользователем и всеми третьими лицами). Такой вывод обусловлен тем, что пользователю предоставляется право требовать от всех других участников гражданского оборота определенного поведения (пассивного или активного), в частности когда речь идет о правах на собственные действия – требовать от обязанных лиц не препятствовать пользованию имуществом [5, с. 68–69]. Это как раз касается абсолютных правоотношений, где обязанность третьих лиц имеет пассивный характер и состоит в воздержании от действий, которые бы препятствовали уполномоченному лицу (пользователю) в осуществлении его полномочий [10, с. 23].

Что касается третьих лиц, то в целом сюда относятся все, кто так или иначе могут иметь отношение к порядку реализации пользователем своих правомочий, которые следуют из вещного права на чужое недвижимое имущество, или же вообще обезличенная совокупность всех физических и юридических лиц, относительно которых возлагается обязанность не нарушать своими действиями прав пользователя. По характеру поведения относительно пользователя всех третьих лиц можно разделить на два вида: 1) третьи лица, которые обязаны воздерживаться от действий, связанных с препятствованием пользователю осуществлять свои права; 2) третьи лица, которые обязаны совершать определенные активные действия с целью реализации пользователем своих полномочий, которые вытекают из содержания установленного вещного права на чужую недвижимую вещь (например, допускать на территорию, открывать технические сооружения для забора воды и тому подобное).

С точки зрения интереса третьи лица также могут быть такими, что не имеют личного интереса в установлении и осуществлении пользователем вещного права на чужую недвижимую вещь и третьи лица, интересы которых затрагиваются при осуществлении пользователем права на чужую вещь. В последнем случае речь идет, прежде всего, об интересах субъектов, которые территориально относятся к объекту недвижимого имущества, в отношении которого установлено вещное право

на чужое имущество. Так, осуществляя проезд по территории земельного участка, пользователь может наносить вред интересам собственнику соседнего земельного участка (шум, пыль, грязь и тому подобное). Следует отметить, что интересы таких третьих лиц в отдельных случаях могут влиять на объем и полноту реализации пользователем своих прав, а иногда такой пользователь может даже испытывать ограничения в осуществлении своего права в определенный способ (например, проезд только в светлое время суток и др.).

В ст. 411 ГК Украины определено право пользователя на отчуждение права пользования. Это означает, что землепользователь может передать вещное право собственнику участка или другим лицам путем заключения гражданско-правовых договоров или иных сделок. Заключение такого договора с собственником или другими лицами имеет важный практический результат – расширение субъектного состава правоотношений по возникновению вещных прав на чужое недвижимое имущество. Ведь в таких правоотношениях появляется два новых участника со специфическим статусом – *пользователь, который передает (передал) вещное право на чужое недвижимое имущество (продавец, даритель и т.п.), и лицо, которое приобретает (приобрело) такое право* (покупатель, одаряемый). Отчуждение, которое осуществляется в полном объеме, не вызывает вопросов относительно приобретения вещного права, ведь фактически и юридически вещные права переходят от первоначального пользователя к новому. В таком случае стоит говорить об *исключительном отчуждении* права пользования чужой недвижимостью. Однако если рассмотреть отчуждение, которое осуществляется не в полном объеме, а частично, то есть с оставлением за первоначальным пользователем всех или части правомочий, стоит сделать один важный вывод. Судя по тому, что вещь как объект права собственности может находиться в общей совместной собственности или в общей частичной собственности, усматривается, что и право пользования как объект таких правоотношений по отчуждению права пользования чужой недвижимой ве-



стью может находиться в совместном пользовании. В таком случае стоит говорить о *неисключительном отчуждении вещного права на чужое недвижимое имущество*. Следует отметить, что по аналогии с отношениями аренды, очевидно, что походной пользователь не может иметь больше полномочий по реализации владения и / или пользования чужой недвижимой вещью по сравнению с первичным субъектом вещного права на чужое недвижимое имущество.

Общие требования к субъектам каких-либо гражданских правоотношений так же применяются относительно возникновения вещных прав на чужое недвижимое имущество. Такими субъектами могут быть любые участники гражданских отношений, к которым ст. 2 ГКУ отнесены физические и юридические лица, государство Украины, Автономная Республика Крым, территориальные общины, иностранные государства и другие субъекты публичного права. Участники должны быть наделены гражданской правосубъектностью, определяющую роль в которой, играет дееспособность.

Государство в этом отношении является особым субъектом гражданского права, специфика которого обусловлена осуществлением публично-правовых полномочий в обществе. Эту позицию высказывали М.И. Брагинский [6, с. 135], С.Н. Братусь [11, с. 93] и другие. Вступая в гражданские правоотношения, государство, не теряя своих публично-правовых полномочий, действует на равных правах с другими участниками таких правоотношений. Дзера Ю.М. указывал, что правосубъектность государства является особой, и состоит из таких элементов как гражданская правосубъектность и административная правосубъектность (компетенция). Под административной правосубъектностью государства ученый понимал совокупность полномочий, прав и обязанностей государства в пределах его территории, принадлежащих ему в соответствии с Конституцией Украины или законами и являются отличными от компетенции других публично-правовых образований в составе государства (АРК и территориальных общин). Гражданская правосубъек-

тность государства имеет специальный характер, то есть государство в лице создаваемых им органов государственной власти приобретает и осуществляет гражданские права и обязанности в установленных Конституцией Украины пределах и согласно законам Украины [12].

Территориальная община является субъектом гражданско-правовых отношений, под которым следует понимать жителей, объединенных постоянным проживанием в пределах села, поселка, города, являющихся самостоятельными административно-территориальными единицами, или добровольное объединение жителей нескольких сел, имеющих единый административный центр (ст. 1 Закона Украины «О местном самоуправлении» [13]). Территориальная община, в качестве предпосылки к участию в гражданских правоотношениях, имеет гражданскую правосубъектность, гражданские право- и дееспособность, что в целом не имеют отличий своего содержания по сравнению с другими участниками гражданских правоотношений [14].

Рассматривая субъектный состав невозможно обойти институт представительства, который тесно связан с реализацией субъективных вещных прав на чужое недвижимое имущество. Как отмечал Е.О. Харитонов, в наиболее общем виде представительством является использование правосубъектности данных лиц для реализации прав и обязанностей и защиты прав других лиц [15].

Представительство по доверенности основывается на договоре или акте органа юридического лица. Важным является определение формы доверенности для установления вещных прав на чужое недвижимое имущество. Основное правило закреплено в ст. 245 ГКУ относительно формы доверенности. Оно заключается в том, что доверенность совершается в такой же форме, в которой согласно законодательству должна совершаться соответствующая сделка. Согласно ч. 1 ст. 206, ч. 2 ст. 402 ГКУ договор об установлении вещных прав на чужое недвижимое имущество подлежит регистрации в порядке, предусмотренном для государственной регистрации прав закрепленной ст. 182 ГКУ. Поэто-

му можно считать, что доверенность должна быть заключена в письменной форме. Если же вещные права приобретаются в порядке наследования, например в форме завещания, то доверенность требует удостоверения нотариусом или другим должностным служебным лицом.

Кроме непосредственных участников правоотношений относительно вещных прав на чужое недвижимое имущество, то есть собственника, пользователя, третьих лиц и их представителей, следует отметить еще одного участника, который имеет непосредственное отношение к порядку возникновения таких прав. Как отмечалось, вещные права на чужое недвижимое имущество возникают с момента осуществления государственной регистрации этих прав, а потому считаем, что к субъектам упомянутых правоотношений также следует относить специального субъекта – регистратора, основной задачей которого является юридическое подтверждение возникновения, прекращения или перехода прав на недвижимое имущество.

Вопрос об отнесении регистратора к непосредственным участникам гражданских правоотношений обычно не является однозначным, ведь регистратор не приобретает гражданских прав и обязанностей в отношении вещных прав на чужое недвижимое имущество. Вместе с тем, если говорить об участниках правоотношений касательно возникновения таких прав, регистратор приобретает специфический статус и выполняет особую роль в таких отношениях, так как совершение соответствующего регистрационного действия является тем определяющим юридическим фактом, в силу которого возникают, изменяются и прекращаются вещные права на чужое недвижимое имущество.

Согласно ч. 1 ст. 10 Закона Украины «О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их обременений» [16] государственным регистратором является:

1) граждане Украины, которые получили высшее юридическое образование, отвечающее квалификационным требованиям, установленным Министерством юстиции Украины, и находятся в трудовых отношениях с



субъектом государственной регистрации прав;

2) нотариус;

3) государственный исполнитель, частный исполнитель – в случае государственной регистрации обременений, наложенных во время принудительного выполнения решений в соответствии с законодательством, а также в случае государственной регистрации прекращения ипотеки в связи с приобретением (передачей) по результатам публичных торгов (аукционов) недвижимого имущества, являющегося предметом ипотеки.

В контексте нашего исследования непосредственное отношение к возникновению, изменению или прекращению вещных прав на чужое недвижимое имущество имеют регистраторы, которые относятся к категории 1 и 2, то есть государственные регистраторы, которые соответствуют установленным Министерством юстиции Украины квалификационным требованиям и находятся в трудовых отношениях с субъектом государственной регистрации прав, а также нотариусы.

Выводы. Таким образом, подытоживая вопрос относительно участников правоотношений по возникновению вещных прав на чужое недвижимое имущество, следует отметить, что в них участвуют два вида субъектов: 1) непосредственные участники правоотношений по возникновению вещных прав на чужое недвижимое имущество, к которым относятся собственник, пользователь, все третьи лица и их представители, а также первичные и похідные пользователи в отношениях по отчуждению прав на чужое недвижимое имущество. При этом в последнем случае первоначальные пользователи могут сохранять статус фактических пользователей или превращаться в номинальных пользователей; 2) косвенные участники, которые непосредственно не приобретают гражданских прав и обязанностей, однако своими действиями способствуют возникновению вещных прав на чужое недвижимое имущество. К последним относятся государственные регистраторы, к компетенции которых в соответствии с законодательством отнесено совершение действий по регистрации возникновения, изменения и / или прекраще-

ния вещных прав на чужое недвижимое имущество.

Список использованной литературы:

1. Скакун О. Теорія держави і права: (Енциклопедичний курс) : підручник [Текст] / О. Скакун. – Харків : Еспада, 2006. – 775 с.

2. Білоцький О.В. Речові права на чуже житло : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 [Текст] / О.В. Білоцький. – К., 2011. – 18 с.

3. Марусенко Р.І. Правові аспекти земельних сервітутів в Україні : дис... канд. юрид. наук : 12.00.06 [Текст] / Р.І. Марусенко ; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2005. – 211 с.

4. Михайленко О.О. Речово-правові обмеження права приватної власності за стародавнім римським та сучасним цивільним правом України : дис... канд. наук : 12.00.03 [Текст] / О.О. Михайленко. – К. – 2003. – 212 с.

5. Магази́нер Я.М. Объект права [Текст] / Я.М. Магази́нер // Очерки по гражданскому праву. Сборник статей ; отв. ред. О.С. Иоффе. – Л. : Издательство ЛГУ, 1957. – 134 с.

6. Брагинский М.И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях [Текст] / М.И. Брагинский. – М. : Юрид. Лит., 1981. – С. 135.

7. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 № 435-IV // Офіційний вісник України. – 2003. – № 11. – Ст. 461.

8. Земельний кодекс України від 25.10.2001 № 2768-III // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 3-4. – Ст. 27.

9. Рішення Апеляційного суду Херсонської області від 29 квітня 2014 року № 22п/791/608/2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/47187356>.

10. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву [Текст] / М. М. Агарков. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

11. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права [Текст] / С.Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1950. – 367 с.

12. Дзера Ю.М. Держава як учасник цивільних правовідносин [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук :

12.00.03 [Текст] / Ю.М. Дзера ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2011. – 20 с.

13. Про місцеве самоврядування в Україні : Закон України від 21.05.1997 № 280/97-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1997. – № 24. – Ст. 170.

14. Первомайський О.О. Участь територіальної громади у цивільних правовідносинах [Текст] : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.О. Первомайський ; Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – Х., 2003. – 20 с.

15. Харитонов Є.О. Добровільне представництво у цивільному праві України [Текст] / Є.О. Харитонов, О.І. Харитонova, А.І. Дрішлюк. – К. : Істина, 2007. – 176 с.

16. Про державну реєстрацію речових прав на нерухоме майно та їх обтяжень : Закон України від 01.07.2004 № 1952-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 51. – Ст. 553.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майка Наталья Владимировна – аспирант Хмельницького университета управления и права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maika Natalia Vladimirovna – Postgraduate Student of the Khmelnytsky University of Management and Law

N. Maika_law@meta.ua



UDC 346.1

THE CONCEPT OF OFFENSES IN THE SPHERE OF CONTRACTUAL INSURANCE RELATIONS

Nadiya MILOVSKA,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Research Associate at Department of Contract Law Issues of F.H. Burchak Scientific-Research Institute of Private Law and Entrepreneurship of NALS of Ukraine

Summary

In the scientific article the concept and signs of offenses in the sphere of contractual insurance relations are analyzed, the conditions that form the composition of a civil offense are researched. Delimitation of non-fulfilment from improper performance of insurance contractual obligations is carried out. Specific features of one of the type of breach of the insurance contractual obligation, as its delay, are determined. Two interrelated factors are established that indicate the materiality of breach of the insurance contract: the materiality of the breach itself and the materiality of the negative consequences of this breach for the creditor.

Key words: insurance contract, offense, non-performance, improper performance, wrongfulness, legal consequences, insurer, insured, conditions of the contract, materiality of the breach.

ПОНЯТИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ДОГОВОРНЫХ СТРАХОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. Миловская,

Научно-исследовательский институт частного права и предпринимательства имени академика Ф.Г. Бурчака

Аннотация

В научной статье анализируются понятие и признаки правонарушений в сфере договорных страховых отношений, исследуются условия, которые образуют состав гражданского правонарушения. Осуществляется отграничение невыполнения от ненадлежащего исполнения договорных обязательств по страхованию. Характеризуются особенности такого вида нарушения договорного обязательства по страхованию, как его просрочка. Устанавливаются два взаимосвязанных фактора, которые указывают на существенность нарушения договора страхования: существенность самого нарушения и существенность негативных последствий этого нарушения для кредитора.

Ключевые слова: договор страхования, правонарушение, неисполнение, ненадлежащее исполнение, противоправность, правовые последствия, страховщик, страхователь, условия договора, существенность нарушения.

Introduction. The dynamic nature of contractual relations in insurance determines the fulfilment, change and termination of the obligation. Insurance – is the providing of property interests of individuals and legal entities in the event of the occurrence of certain events (insured events), that is, a certain set of actions, a process that includes an object and a subject, which are the subject of performance of the obligation in their totality [1, p. 10].

The Civil Code of Ukraine (hereinafter – CC of Ukraine) [2] provides that the contract is binding for the parties (Article 629). At the same time, Article 651 of CC of Ukraine provides the grounds for changing or terminating of the contract, Article 622 of CC of Ukraine provided an opportunity for the parties to specify in the contract whether the performance of the contract would be binding if it was breached by one of the parties, and Article 615 of CC of Ukraine introduced an important provision that in the event of a breach of the obligation by

one of the parties, the other party has the right, in part or in full, to refuse to perform the obligation.

It is known that the fulfilment of contractual obligations is subject to certain general requirements, according to which the legal regulation of the process of exercising subjective rights and fulfilling duties of the parties in legal relationships is being built. That is why, among the principles of fulfilling obligations in the legal literature, it is customary to include: a) proper implementation; b) inadmissibility of unilateral refusal to fulfil the obligation; c) real implementation; d) economy of implementation; e) reasonableness and conscientiousness [3, p. 99]. So, in accordance with Article 526 CC of Ukraine and Part 1 of Article 193 of the Economic Code of Ukraine (hereinafter – EC of Ukraine) [4] the obligation must be properly performed in accordance with the conditions of the contract and the requirements of normative legal acts, and in the absence of such conditions and requirements – in

accordance with the customs of business turnover or other requirements that usually treat. Conditions of the insurance contract fulfil the role of the source of the emergence of subjective rights and duties similar to the rules of law. Therefore, breach of conditions of the contract in the aspect of non-fulfilment or improper fulfilment of its conditions leads to the imposition of civil liability on the guilty party.

Literature review. The theoretical basis of the research is the work of such domestic and foreign scientists as Alekseev S.S., Belov V.A., Bobrova D.V., Braginsky M.I., Vasyleva V.A., Vinnyk O.M., Vitryansky V.V., Grybanov O.V., Dzera O.V., Kanzafarova I.S., Krasavchykov O.O., Kuznetsova N.S., Kulyna Yu. A., Kulchiy O.O., Lutts V.V., Maydanyk R.A., Matveev G.K., Nykyforak V.M., Patsuriya N.B., Pentyaga G.L., Sobotnyka R.V., Spasibo-Fateeva I.V., Sidil'ov M.M., Suhanov E.O., Tolstoy Yu.K., Fursa S.Ya., Kharytonov E.O., Shevchenko Ya.M., Shyshka R.B. and other scientists.



The purpose of the article is defined the concept and signs of offenses in the sphere of contractual insurance relations, and the characteristic of the conditions that form the composition of a civil offense.

Main body of the article. Breach of the insurance contract is a negative reflection of the existence of insurance relations and can not be regarded as an ordinary stage of its development. Breach of the insurance contract is the complete opposite of its proper execution, since it characterizes atypical behavior of the parties and means such a state of legal relationship when one, and sometimes both of its parties do not comply with the prescriptions of the agreement reached or legally established rules.

The Legislator in Article 610 of CC of Ukraine determines the breach of the obligation through an indication on its types (non-fulfillment or performance in breach of the conditions defined by the content of the obligation (improper performance)), without determining its essence. In turn, in the civil doctrine there are various approaches to understanding civil offense. So, a civil offense is understood as action or inaction of a person that contradicts the current legislation and is united by one term «unlawful behavior» [5, p. 710]. G. F. Shershenevich noted that a civil offense is, first of all, an impermissible act, that is, an action prohibited by objective law. Therefore, any action that is only the exercise of a subjective right, which does not go beyond the limits determined by law, is not an offense [6, p. 392].

Speaking about offenses in the sphere of contractual insurance relations, it should be noted that they are the legal facts that give rise to the legal relationship between the offender and the victim (clause 4, Part 2 of Article 11 of CC of Ukraine), and they form certain claims of the victim to the offender for compensation of damage, caused by his unlawful actions. Accordingly, a breach of the insurance obligation provides for a defect of the fulfillment in the commission of actions by obligated party (or refraining from committing them) from the rules provided for by acts of civil law and/or concretized in the relevant insurance contract, according to which the contractual obligation must be fulfilled.

The actual ground of occurrence of civil liability is the existence of a set of conditions, which form the composition of a civil offense. Thus, in the opinion of G. K. Matveev, the composition of a civil offense is a combination of certain features, which characterize it as a sufficient basis for the onset of liability [7, p. 21]. The author singled out the following elements of a civil offense: a wrongful action (inaction) of a person, a harmful result of this action (inaction) and a causal link between action (inaction) and a damage – as objective elements of the composition and also a fault of the offender, as a subjective element of the composition [7, p. 22].

In modern civil doctrine, the approach to the notion of breach of obligation as an objective category is disseminated [8, p. 185]. This approach is rather interesting with respect to offenses in the insurance sphere, since it is hardly advisable to introduce to the notion of breach such factors as the subjective side, the negative consequences of the breach and the causal connection, since the very fact of the contradiction of the debtor's behavior to conditions of the insurance contract and the lack of proper execution is sufficient, to ascertain the breach of contractual conditions. In addition, this is due to the presence of other means of protection, the possibility of using which is not directly dependent on the debtor's fault [9, p. 199].

Unlawful is debtor's behavior in the insurance obligation, which does not meet the requirements for its proper execution. Accordingly, the requirements, which imposed for a party who does not fulfill or improperly fulfills the conditions of the insurance contract, are contained not only in CC of Ukraine, EC of Ukraine, other special regulations, customs of business turnover or other requirements that are usually imposed, but also in the most grounds for the occurrence of obligations (conditions of the insurance contract). That is, any non-performance or improper performance of the conditions of the insurance contract is an offense.

In insurance contracts, it is advisable to support the positions of those researchers who impose on the objective nature of the unlawful breach of the insurance obligation. Therefore, it is advisable to recognize unlawful actions (inaction) of participants in insurance relations, which breach the rights and

duties of the counterparty, fixed primarily in the insurance contract, in the provisions of Chapter 67 of CC of Ukraine or in the insurance rules. As for the breach of the moral principles of society, then, as is rightly noted in the literature, an action (inaction) that breaches moral norms can be recognized as unlawful only when the law provides a legal nature to specific moral rules [10, p. 491].

Thus, features of offenses in the sphere of contractual insurance relations are: a) action or inaction by the participant of insurance relations, which is manifested in the non-performance or improper performance of the obligation; b) the non-performance or improper performance of direct duties that constitute the content of the insurance obligation; c) breach of requirements of CC of Ukraine, EC of Ukraine, other special normative legal acts, customs of business turnover, conditions of insurance contracts (wrongfulness); d) breach of the subjective civil right of the counterparty and/or other persons (for example, beneficiaries), that is displayed in non-performance actions by the debtor or in performance actions, from which he could refrain under the contract.

Article 610 of CC of Ukraine identifies two types of breach of contractual obligation: non-performance and performance with a breach of the conditions, defined by the obligation's content. We note that such a brief exposition of the definition almost always leads to wrong its understanding. Thus, analyzing the insurance legislation on this matter, we come to the conclusion that the terms «non-performance» and «improper performance» are used mainly with elements of formality, because they are used to indicate the legal fact of breach the contractual obligation by the relevant actors. In our opinion, for the criteria of delimitation and avoidance of confusion between such similar, at first glance, concepts, it should listen to V.V. Luts's opinion, who notes that for proper delimitation between them, one must proceed from the nature of a breach of obligation, namely: in non-fulfillment of contractual obligations, there are no signs of its fulfillment, or there is none at all; and if improperly executed, the obligation is fulfilled, but with a breach of the requirements imposed on it (conditions regarding the place, time, subject, etc.) [11, p. 85].



Improper performance, in the T. V. Bodnar's opinion, is observed if the debtor has committed certain actions aimed at fulfilling the obligation, but these actions do not correspond to those parameters (standards) that are established by the conditions of the contract or the requirements of normative legal acts regarding each element of performance of the obligation (that is, these actions were committed with breach of the conditions regarding the subject and method of performance, the subject composition, place, time of performance) [12, p. 242].

Thus, breach of insurance contracts, as a general category, covers such concepts as non-performance and improper performance of the obligation. Non-performance of insurance obligations is observed when the parties do not do the proper actions at all or do not refrain from committing certain actions to a certain date. Since the participants of the insurance obligation are always clearly defined, it's the offender in most cases is one of its parties (the insurer or the insured). Also, the third person who entered into legal relations (the insured person, the beneficiary) may also be an offender in insurance obligations, but it should be noted that such a third person can be an offender only in the event that the performance of conditions of the insurance contract, is entrusted to him.

On the basis of this, under the breach of insurance contractual conditions should be understood the deviations of the insurer or the insured (and in some cases, a third person, who is entrusted with the performance of a reinsurance obligation) when committing actions (or refraining from committing them) from the rules, according to which the insurance contractual obligation must be fulfilled, that is, from the conditions of performance for any of the elements of proper performance of the contractual obligation.

In the legal literature, a delay is most common type of breach of the contractual obligation, which is provided for in Article 612, 613 of CC of Ukraine, Article 220, 221 of EC of Ukraine, but the definition of this concept can only be found in the doctrine of law, under which is understood the failure to fulfil the obligation within an agreed time [13, p. 6].

According to Part 1 and 4 of Article 612 of CC of Ukraine and Part 3 of

Article 220 of EC of Ukraine, the debtor is deemed delayed if he has not started performing the obligation or has not performed it within the period, established by the contract or law. Delay of the debtor does not occur if the obligation can not be performed due to the delay of the creditor.

The creditor is considered such who overdue the performance of the obligation if he refused to accept the proper performance, proposed by the debtor, or did not perform the actions, established by the contract, acts of civil law or customs of business turnover, before performance which the debtor could not fulfil him duty. In addition, according to Part 4 of Article 545 of CC of Ukraine, the creditor is considered such who overdue of obligation in case of refusal to return the debt document or issue a receipt. So, if, in the event of an insured event, the insurer informs the insured within a period set by the contract, and the latter did not take steps to complete all necessary documents for the timely implementation of the insurance payment to the insured, the delay should be considered such that it was due to the fault of the creditor. The insured, in turn, may delay the provision to the insurer of information about any changes of insurance risk.

Therefore, taking into account the above, we note that in the insurance contract, in case of failure to take timely measures for the insurance payment by the insurer, the insured has the right to delay the fulfilment of his obligation, and the delay of such an obligation will be deemed to have occurred through no fault of the debtor-insured, but through fault of the creditor-insurer. In this case, the civil liability for improper performance of conditions of the insurance contract will be entrusted in the lender.

Today, by virtue of the current legislation, in dispositive order, the parties are given the right, at their discretion, to set a time limit for notification of the insurance event, noting this in the insurance contract. Non-performance their contractual obligations within the time, specified in the insurance contract, are certainly considered as its breach on the ground of the delay of obligations.

In the legal literature on this subject, there are different opinions. So, M. K. Suleimenov notes that the delay of contractual obligations additionally gives grounds to unite all cases of non-

performance or improper performance by the creditor of his duties. In the scientist's opinion, the delay of the creditor is a more complicated concept than the delay of the debtor, because it is not so closely associated with the period, and in some cases, may not correspond to the meaning of the term «delay». It includes, along with untimely performance, also the non-performance and improper performance of duties by the creditor, which leads to an untimely performance of the obligation by the debtor [14, p. 21].

V. V. Lutz occupies a different position on this issue. The scientist notes that in case of breach of obligations under the contract's conditions, the legislator, emphasizing on delay, clearly underlines the connection between the breach of the duty and the time-bound moment for its proper execution. Outside this connection, without taking into account the term of performance of the duty, it is inappropriate to talk about the delay [11, p. 145]. Supporting the scientist's position, we note, in the subject of this research, an indication on the time for the fulfilment of obligation as a creditor and a debtor, in case of insured event, should be placed among the contract's conditions. Thus, in particular, the insurer is deemed to have defaulted the obligation if he did not accept the proper performance offered by the insured at the agreed time, or did not commit actions, before the commission of which the insured could not fulfil his duty.

If the insured has delayed making an insurance payment and did not pay it within ten working days after the insurer submits a written request for payment of the insurance premium, the insurer may refuse the insurance contract, unless otherwise provided by the contract (Article 997 of CC of Ukraine). It should be noted that in accordance with Part 3 of Article 612 of CC of Ukraine, if the creditor lost interest in the contractual conditions, due to delay in performance of the obligation, he may refuse to accept performance and claim damages.

If the debtor delays to fulfil its monetary obligation, takes place illegal to use someone else's money, because the debtor does not transfer funds to the creditor in payment for the debt, assigned to him, so these funds are for him «alien», which means that the percentage of the overdue amount (at a rate of three percent per annum or another amount, established



by the contract or law) is a type of penalty as a measure of civil liability [12, p. 146]. In our opinion, a peculiarity of the debtor's responsibility for breach of the monetary obligation under the insurance contract (in contrast to the general rule of civil liability that occurs when there is fault) is that such liability can occur even if the payer is innocent. After all, the debtor's reference to the lack of money does not relieve him from responsibility for the delay of the monetary obligation, and, in turn, entails unprofitable legal consequences, in particular the cancellation of the insurance contract.

In the sphere of contractual insurance relations can take place also a significant breach of conditions of the contract by the other party that is one of the grounds for changing or terminating of the insurance contract. The category of a significant breach of the contract is formulated in the CC of Ukraine in general form without detailing – a breach of the contract by one party is considered a significant, when, due to the damage caused by this, the second party is largely deprived of what she expected at the conclusion of the contract.

According to Part 2 of Article 651 CC of Ukraine, a significant breach is the ground for applying to the court with a demand for cancellation of the contract, that is, the issue of the signification of breach of the insurance contract's conditions is referred to the discretion of the court. Unlike Ukrainian legislation, the general trend of Western European contract law is the establishment of additional circumstances that should be considered into account when qualifying a breach of the contract as significant. Thus, in the Principles of European Contract Law, when determining the materiality of breach, the following is taken into account: the fundamental importance of a clear performance of contract's conditions that emerges from the contract text; the question of whether the infringement essentially deprives the creditor of what he expected, except in cases where the debtor did not foresee and could not foresee such a result; or the question of whether the breach is intentional and whether it gives to the creditor grounds for not believing in the debtor's continued performance [15].

According to the UNIDROIT Principles (Article 7.3.1), the following is taken into account in determining the

signification: first, whether the creditor's significant breach deprives him of what he expected at the conclusion of the contract, unless the debtor foresaw and could reasonably foresee such a result; secondly, whether the compliance of the contract in this case is of a principled nature; thirdly, whether the breach is intentional or committed by gross negligence; fourthly, whether does the breach give the creditor grounds for not believing in further implementation; fifthly, whether the debtor will incur irrelevant losses in the event of cancellation [16].

Analysis of the definition of a significant breach, enshrined in Part 2 of Article 651 CC of Ukraine indicates that the legislator as a ground for termination of the contract provides not only the fact of breach of the contract's conditions by the other party, but also the presence of damage caused by this breach by the other party. Indeed, a breach of a contractual obligation should result in causing damage. However, it should be borne in mind that the damage may already have been caused or conditions may arise for possible of causing damage to the other party.

By itself, a significant amount of damage does not yet give the right to recognize such a breach as essential. So, in the case of a car accident, the same damage to different car brands provides different amounts of losses, however, the materiality of a breach, depending on the amount of losses, does not change. In order to compensate for such damage, it is sufficient to apply measures of property liability that are imposed on the offender. In determining whether a violation is material, the court must find out «there is indeed a substantial difference between what the party was entitled to expect when concluding the contract and what it actually could receive» [5, p. 210]. On the whole, the position of those authors who believe that the seriousness of the breach should be determined not by damage, but by its relation to what the party could expect from the performance, is fair [17, p. 4].

Thus, in assessing the materiality of a breach of the insurance contract, two interrelated factors must be taken into account. First, it is necessary to highlight the factor of materiality of the breach itself, which indicates how seriously the contractual obligations were breached.

Secondly, one should take into account the factor of the materiality of the negative consequences of this breach for the creditor (the presence of damage, the inability to achieve a certain result, the loss of interest in the performance of the contract, etc.). Only considering both factors, it is possible to talk about the materiality of the breach and the permissibility of termination the insurance contract.

One of the criteria, proposed by the UNIDROIT Principles (whether a breach of the contract is intentional or this is the result of gross negligence) indicates the need to determine the form of the party's fault, which violated the contract. That is, for a significant breach of the insurance contract, its intentional non-performance may have some significance [16].

Based on the interpretation of Part 2 of Article 651 CC of Ukraine, in the Ukrainian legislation the fault of the offender in committing the breach does not affect the occurrence of grounds for termination of contractual obligations in this way. The fact of presence or absence of a fault can not influence the usefulness of conservation the contract. The creditor has the right to terminate the contract, even if the debtor is not fault of breach, in order to avoid further losses. However, it should be borne in mind that the intention to break the contract can be taken into account when the party's wilful or negligent conduct of a party creates uncertainty in the future of its proper execution. Thus, this criterion plays the role of an optional one and should be taken into account only in certain cases.

Conclusions. Summing up, we can formulate the following conclusions.

1. The insurance contractual obligation is carried by executing by the parties (the insurer and the policyholder) properly a complex of duties, assigned to them by law and by the contract.

2. Under the breach of insurance contractual conditions should be understood the deviations of the insurer or the insured (and in some cases, a third person, who is entrusted with the performance of a reinsurance obligation) when committing actions (or refraining from committing them) from the rules, according to which the insurance contractual obligation must be fulfilled, that is, from the conditions of performance for any of the elements of



proper performance of the contractual obligation. Breach of conditions of the insurance contract in the aspect of non-performance or improper performance of its conditions leads to the imposition of civil liability on the guilty party.

3. In assessing the materiality of a breach of the insurance contract, two interrelated factors must be taken into account. First, it is necessary to highlight the factor of materiality of the breach itself, which indicates how seriously the contractual obligations were breached. Secondly, one should take into account the factor of the materiality of the negative consequences of this breach for the creditor (the presence of damage, the inability to achieve a certain result, the loss of interest in the performance of the contract, etc.).

4. Among the conditions of the insurance contract, it is advisable to fix an indication that the insurer is deemed to have defaulted the obligation if he did not accept the proper performance offered by the insured at the agreed time, or did not commit actions, before the commission of which the insured could not fulfil his duty.

References:

1. Гринюк О.В. Цивільно-правові аспекти майнового страхування в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.В. Гринюк. – К., 2004. – 17 с.
2. Цивільний кодекс України: Прийнятий 16 січня 2003 р. – К. : Істина, 2003. – 368 с.
3. Сарбаш С.В. Исполнения договорного обязательства / С.В. Сарбаш. – М. : Статут, 2005. – 636 с.
4. Господарський кодекс України: Офіційний текст. – К. : Кондор, 2004. – 208 с.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения [Текст]: Изд. 3-е, стереотипное / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М. : «Статут», 2001. – 351 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права [Текст] / По изд. 1907 г. / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – С. 392.
7. Матвеев Г.К. Выбранные [Текст] / Г.К. Матвеев ; упоряд. В.І. Кисіль. – К. : Україна, 2008. – С. 21.

8. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве [Текст] / А.Г. Карапетов. – М. : Статут, 2007. – С. 185.

9. Ткачук А.Л. Значения вины у відносинах відповідальності за порушення договірних зобов'язань [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.Л. Ткачук. – Одеса, 2002. – С. 199.

10. Гражданское право. В 2-х т. Том 2, Полутом 1 [Текст] / Под ред. Е. А. Суханова. – М., БЕК, 2000. – С. 491.

11. Луць В.В. Контракти в підприємницькій діяльності: навч. посіб. – 2-е вид., перероб. і допов. / В.В. Луць. – К. : Юрінком Інтер, 2008. – 576 с.

12. Боднар Т.В. Теоретичні проблеми виконання договірних зобов'язань: дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03 / Т.В. Боднар // Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2005. – 442 с.

13. Печений О.П. Прострочення виконання договірної зобов'язання : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.П. Печений. – Х., 2002. – 18 с.

14. Сулейменов М.К. Ответственность за нарушение сроков исполнения договорных обязательств / М.К. Сулейменов. – М., 1963. – С. 21.

15. Принципы Европейского договорного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.stalogistic.ru/infocentre/legal/mezhdunarodnoezakonodatelstvo/mezhdunarodnaja_torgovlja/principi_evropejskogo_dogovornom.

16. Принципы международных коммерческих договоров / Пер. с англ. А.С. Комарова. – М., 1996. – 288 с.

17. Процьків Н.М. Правове регулювання розірвання цивільно-правових договорів за цивільним законодавством України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.М. Процьків. – Київ, 2003. – 20 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Milovskaya Nadezhda Vasilyevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Research Associate at Department of Contract Law Issues of F. H. Burchak Scientific-Research Institute of Private Law and Entrepreneurship of NALS of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миловская Надежда Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела проблем договорного права Научно-исследовательского института частного права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака НАПрН Украины

milovska@bigmir.net



УДК 347.5

ПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В СВЯЗИ С ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Алёна МУЛ,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Хмельницкого университета управления и права

Аннотация

В статье исследуются условия возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций как разновидности правомерных действий. Автор обращается к общему учению о деликтных обязательствах и правоотношениях по возмещению вреда, которые возникают при причинении его правомерными действиями в доктрине гражданского права и на уровне действующего законодательства Украины. В связи с этим внимание уделяется сопоставлению ключевых признаков данных обязательств с исследуемыми. Утверждается, что условиями возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного при обстановке чрезвычайной ситуации правомерными действиями, являются исключительно объективные: наличие вреда, совершение соответствующих действий и причинно-следственная связь между ними.

Ключевые слова: правомерные действия, чрезвычайная ситуация, возмещение вреда, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, крайняя необходимость.

LEGITIMATE ACTIONS AS THE BASIS FOR THE COMPENSATION OF HARM CAUSED BY EMERGENCIES

A. Mul,

Khmelnytsky University of Management and Law

Summary

The article explores the conditions for the emergence of obligations to compensate harm caused during the liquidation of the consequences of emergencies as a type of lawful actions. The author refers to the general doctrine of tort obligations and legal relations for compensation of harm that arise when inflicted by lawful actions in the doctrine of civil law and at the level of the current Ukraine legislation. In this regard, attention is paid to comparing the key features of these obligations with those under investigation. It is alleged that the conditions for the emergence of obligations to compensate harm caused during an emergency by lawful actions are exclusively of objective nature: the presence of harm, the commission of appropriate actions and the causal relationship between them.

Key words: lawful actions, emergency, compensation of harm, emergencies consequences liquidation, necessity.

Постановка проблемы. Определяя основания возникновения обязательств по возмещению вреда, который был причинен или может возникнуть в результате создания обстановки чрезвычайной ситуации на определенной территории, следует исходить из сложившихся доктринальных подходов, согласно которым возмещение вреда как гражданско-правовой способ защиты прав, а также соответствующее обязательство по возмещению вреда могут иметь место: 1) при привлечении лица (лиц) к гражданско-правовой ответственности, что требует наличия обязательных элементов состава гражданского правонарушения (как основания такой ответственности и, одновременно, юридического факта, что приводит к возникновению соответствующих правоотношений); 2) при причинении вреда правомерными дей-

ствиями при отсутствии основания и условий наступления деликтной ответственности. В рамках этой научной статьи следует сосредоточиться именно на втором из указанных оснований, которое является недостаточно исследованным в доктрине гражданского права и не урегулированным на законодательном уровне.

Актуальность статьи обусловлена непреходящей важностью определения условий применения гражданско-правовых механизмов защиты прав лиц, потерпевших вследствие чрезвычайных ситуаций с целью обеспечения надлежащей компенсации причиненного им материального и морального вреда. Одним из ключевых в этом аспекте вопросов остается установление нормативных и теоретических оснований возникновения обязательств по возмещению такого вреда вследствие право-

мерных действий, что позволит, кроме прочего, установить надлежащего субъекта – непосредственного причинителя вреда или иного обязанного на основании закона или договора лица.

Целью и задачей статьи является проведение комплексного исследования правомерных действий в системе возмещения вреда, причиненного в связи с чрезвычайными ситуациями, как основания для возникновения соответствующих обязательств, определение теоретических и правоприменительных проблем в этой области.

Изложение основного материала исследования. В контексте характеристики основания возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного в результате создания обстановки чрезвычайной ситуации в связи с правомерными действиями, следует опираться на существующее



законодательное регулирование аналогичных правовых институтов. Действующими положениями Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) [1] предусматривается только три случая возмещения вреда, причиненного правомерными действиями: 1) при осуществлении причинителем вреда права на самозащиту (ст. 1169); 2) вследствие принятия закона о прекращении права собственности на определенное имущество (ст. 1170); 3) при причинении вреда в состоянии крайней необходимости (ст. 1171). В рамках нашего исследования научный интерес представляют обязательства по возмещению вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости правомерными действиями лица, поскольку они наиболее соответствуют природе чрезвычайных ситуаций, что будет проиллюстрировано нами дальше.

При этом важно также обращаться к доктрине гражданского права с целью установления общетеоретических положений возмещения вреда, причиненного правомерными действиями с целью их дальнейшей адаптации к предмету нашего исследования. Прежде всего, по аналогии с деликтными обязательствами, нужно определить основания и условия возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями. Так, С.Д. Гринько к основанию возмещения вреда в указанных обязательствах аргументировано относит именно правомерное причинение вреда (в противоположность его причинению правонарушением) и такие общие условия возникновения соответствующих обязательств, как: 1) наличие вреда; 2) наличие правомерного действия; 3) причинно-следственной связи между ними (по аналогии с составом правонарушения) [2, с. 68]. На основании этого прослеживается определенная вторичность правовых норм, регулирующих институт обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, по сравнению с деликтными обязательствами, а также их производный характер в части использования той же ключевой терминологии, что объясняется, по нашему мнению, исключительностью таких обязательств и их применимостью только в случаях, четко определенных законом, в противовес конструкции

генерального деликта и многочисленным специальным деликтам; и, в связи с этим, отсутствием теоретической и практической необходимости в разработке существенно иных подходов.

Гринько С.Д. также выделяет широкий перечень ключевых признаков обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерным поведением (действиями), среди которых: 1) правомерно причиненный вред подлежит возмещению лишь в случаях, установленных законом; 2) при возмещении правомерно ущерба возможно отступление от принципа полного возмещения вреда, так как объем возмещения устанавливается законом (ч. 2 ст. 1171 ГК Украины); 3) причинение вреда осуществлением правомерных действий при наличии определенных признаков противоправности (при превышении пределов необходимой обороны) следует рассматривать как основание для уменьшения размера возмещения (ч. 2 ст. 1193 ГК Украины); 4) обязательства по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями исключают противоправность и виновность причинения ущерба, как не возникает и вопрос о гражданско-правовой ответственности; 5) главной функцией этого обязательства является восстановление имущественного положения потерпевшего, а не осуждение поведения причинителя вреда, поскольку речь не идет о гражданско-правовой ответственности; 6) в силу этих обязательств возмещается только имущественный вред (физическими или юридическими лицами) и имущественные расходы в случае причинения увечья или иного повреждения здоровья, а также смерти физического лица. Но моральный ущерб при этом никогда не возмещается; 7) юридическое или физическое лицо возмещает вред, причиненный их работником или другим лицом (ст. 1172 ГК Украины) и при возмещении вреда, причиненного неправомерно, вправе предъявить регрессное требование к своему работнику или другому соответствующему лицу. В свою очередь, возместив правомерно причиненный вред, юридическое лицо не может предъявить такое требование. Синтезируя эти признаки, ученый предлагает комплексное определение обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными

действиями, под которыми понимает обязательства, в которых лицо, причинившее ущерб в случае совершения правомерных действий личности гражданина, его имуществу или имуществу организации, обязано его возместить в случаях, предусмотренных законом, а потерпевший имеет право на возмещение причиненного ущерба в полном объеме, кроме случаев, предусмотренных законом [2, с. 67].

Следует отметить и то, что предложенное определение обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, согласуется с общетеоретическим пониманием правомерного поведения как такового. Оно определяется как поступки (действия), которые не противоречат предписаниям правовых норм или основным принципам права правового государства [3, с. 128] и, в отличие от поведения противоправного, характеризуется социальной полезностью, соответствием моделям, отраженным в правовых нормах, положительными юридическими последствиями [4, с. 199]. В последнее время в науке выдвигаются предложения и относительно выделения понятия объективно правомерного поведения, которое совершается лицом в форме определенного действия или бездействия независимо от субъективного осознания им правомерности такого поведения, а в основном – без такого понимания [5, с. 848].

Такая позиция имеет право на существование и в отношении возмещения вреда, причиненного в результате правомерного поведения в целом и такой, что может быть признана объективной в предлагаемом понимании. Так, к специальным условиям обязательств по возмещению вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости в науке относят, кроме наличия вреда, также совершение действий, направленных на устранение опасности, угрожавшей гражданским правам или интересам другого физического или юридического лица и причинно-следственную связь между причиненным вредом и такими действиями. При этом вопрос о вине как субъективным признаке не возникает: отсутствует противоправность поведения – отсутствует и вина как таковая [2, с. 69, 73], а значит в первую очередь важно не субъективное (психическое) отношение лица к осуществ-



вляемом им правомерном поведении, в результате которого наносится ущерб, а объективный характер правомерности таких действий. С другой стороны, интеллектуально-волевой и психический критерии осознания правомерности собственных действий важны, поскольку свидетельствуют об осуществлении целенаправленной деятельности для, в том числе, спасения лиц или их имущества при наличии, в частности, состояния крайней необходимости или обстановки чрезвычайной ситуации. Как подчеркивает другой исследователь, В.Е. Голубовский, в целом правомерное поведение представляет собой значимые поступки индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольных их сознанию и воли, предусмотренные нормами права и имеющие юридические последствия [6, с. 70].

В науке гражданского права предлагаются также четкие критерии, при наличии которых поведение, в результате реализации которого причинен ущерб, будет считаться правомерным: 1) при выполнении лицом установленной в законе или ином нормативном акте (или профессиональной инструкции, в приказе – А.М.) обязанности, в частности когда речь идет о профессиональных обязанностях работников органов внутренних дел, пожарной охраны, учреждений здравоохранения и тому подобное; 2) при реализации лицом своего права, прямо установленным законом или договором (в состоянии необходимой обороны, при изъятии имущества на предусмотренных законом основаниях и т.д.); 3) при наличии согласия потерпевшего на причинение ему такого ущерба [7, с. 241]. Используя все проанализированные выше научные позиции и обобщенные выводы, изучим соответствие обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями при наличии обстановки чрезвычайной ситуации ключевым признакам исследуемой категории обязательств (синтезированным в приведенном определении), их сущности и приведенным признакам правомерного поведения как такового.

Согласно ч. 6 ст. 21 Кодекса гражданской защиты (далее – КГЗ Украины) [8] граждане Украины имеют право, в том числе, на социальную защиту и возмещение в соответствии с законодательством вреда, причиненного их жизни,

здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций или проведения работ по предупреждению и ликвидации последствий. Именно второй из определенных случаев (возмещение ущерба в результате проведения работ по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций) и представляется нам соответствующим очерченным признакам и критериям обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, что докажем дальше.

Согласно с п. 2 ч. 13 ст. 23, п. 5 ч. 5 ст. 24, п. 2 ч. 3 ст. 25 КГЗ Украины аварийно-спасательные и оперативно-спасательные службы, специализированные службы гражданской защиты имеют, помимо прочего, право на беспрепятственный доступ на объекты субъектов хозяйствования и их территории для выполнения аварийно-спасательных и других неотложных работ, работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Такими же полномочиями наделены и добровольные формирования гражданской защиты в п. 2 ч. 2 ст. 27 КГЗ Украины. При этом согласно ч. 7 ст. 79 КГЗ Украины *материальный ущерб*, причиненный в результате повреждения имущества при проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, органами управления и силами гражданской защиты не возмещаются. Следующая же ч. 8 этой статьи закрепляет, что возмещение вреда, причиненного при проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ, осуществляется в соответствии с главой 17 настоящего Кодекса. Аналогичное положение содержится и в ч. 8 ст. 80 КГЗ Украины относительно ответственности за вред, причиненный при тушении пожаров, но касается только пожарно-спасательных подразделений, а не органов управления, что также свидетельствует об отсутствии единого системного подхода по этим вопросам в пределах норм КГЗ Украины. В свою очередь, ч. 1 ст. 84 КГЗ Украины предусматривает, что пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации является лицо, которому причинен моральный, физический или материальный ущерб в результате чрезвычайной ситуации или *проведения работ по ликвидации ее последствий* (курсив наш – А.М.).

Итак, во-первых, грамматическое толкование цитируемых положений действующего законодательства Украины в сфере гражданской защиты (в частности ст. 84 КГЗ Украины) позволяет утверждать, что обязательства по возмещению вреда, причиненного в результате чрезвычайной ситуации включают и возмещение ущерба, причиненного ликвидацией ее последствий. При этом под последним понятием в соответствии с п. 22 ч. 1 ст. 2 КГЗ Украины следует понимать проведение комплекса мероприятий, включая аварийно-спасательные и другие неотложные работы, осуществляемые в случае возникновения чрезвычайной ситуации и направленные на прекращение действия опасных факторов, спасение жизни и сохранение здоровья людей, а также на локализацию зоны чрезвычайной ситуации.

Во-вторых, в указанных положениях КГЗ Украины идет речь о полномочиях соответствующих органов управления и сил гражданской защиты по осуществлению аварийно-спасательных и других неотложных работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, во время которых допускается причинение вреда. Таким образом, исключается противоправность и виновность причинения ущерба, а следовательно, и сама гражданско-правовая ответственность, что соответствует одному из ключевых признаков обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями и согласуется с одним из критериев правомерности самого причинения такого вреда – он причиняется при выполнении лицом установленного в законе, ином нормативном акте, приказе или распоряжении законного долга. Характеризуется такая деятельность и признаками, которые свойственны правомерному поведению как таковому и всегда является сознательной и волевой деятельностью.

В общем подчеркивается, что возмещение вреда, причиненного ликвидацией последствий чрезвычайной ситуации, является обязательством по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, а следовательно, законодатель, определяя вопрос возмещения ущерба в результате чрезвычайной ситуации, одновременно закрепляет несколько правовых оснований возникновения соответствующего обязательства в целом: 1) возмещение вреда, кото-



рый нанесла чрезвычайная ситуация, государством в пределах публичных правоотношений с использованием механизмов и норм публичных отраслей права, в частности административного и экологического; 2) возмещение вреда в пределах деликтного обязательства, когда имеет место гражданско-правовая ответственность при наличии полного или «усеченного» состава гражданского правонарушения (не исключая одновременного установления факта экологического, уголовного или иного правонарушения); 3) возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в рамках ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций независимо от того, какой из двух установленных выше механизмов использовался для компенсации вреда, причиненного самой чрезвычайной ситуацией. Считаем, что такой подход, с одной стороны, соответствует комплексному характеру целей, которые ставятся перед системой гражданской защиты в государстве, но с другой, в значительной мере затрудняет определение надлежащих механизмов, которые должны применяться в том или ином случае.

В-третьих, декларируется исполнение главной функции этих обязательств – восстановление имущественного положения потерпевшего (п. 1 ч. 2 ст. 84 КГЗ Украины предусматривает, что меры социальной защиты и возмещения материального ущерба пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации включают, среди прочего, предоставление (выплату) материальной помощи (компенсации). При этом законодатель определяет, что пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации является лицо, которому, в том числе, причинен моральный вред, но не уточняет, возмещается ли вред, если он был причинен правомерными действиями при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации.

В-четвертых, из текста положений КГЗ Украины нельзя сделать однозначного вывода относительно оснований и условий возмещения вреда, причиненного правомерными действиями при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, а следовательно, неопределенным является первый из основных признаков исследуемого института – положение о том, что правомерно причиненный вред подлежит возмеще-

нию лишь в случаях, установленных законом. Согласно упомянутой выше ч. 7 ст. 79 КГЗ Украины материальный ущерб, причиненный в результате повреждения имущества при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, органами управления и силами гражданской защиты не возмещаются. Научное толкование этого законодательного положения может привести к неоднозначным выводам, но можем обосновать такие утверждения. Формулировка, используемая в норме закона «материальный ущерб, причиненный в результате повреждения имущества при проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, органами управления и силами гражданской защиты не возмещается» (курсив наш – А.М.) позволяет утверждать, что законодатель не отрицал наличие обязательства возмещения убытков, причиненных в результате ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций как такового, а лишь предусматривает, что такое возмещение не осуществляется именно органами управления и силами гражданской защиты, а в соответствии с ч. 8 этой же статьи КГЗ Украины происходит в общем порядке, установленном главой 17 настоящего Кодекса для всего вреда, причиненного чрезвычайной ситуацией, что соответствует и всем вышеприведенным нами научным позициям и выводам.

Выводы. Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что к основаниям и условиям возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного при обстановке чрезвычайной ситуации правомерными действиями, принадлежат правомерное причинение вреда как основание, которое характеризуется исключительно объективными условиями: наличием вреда, совершением действий, направленных на ликвидацию последствий чрезвычайной ситуации, устранением опасности, угрожающей гражданским правам и законным интересам, а также причинно-следственной связью между причиненным вредом и такими действиями. Было установлено и соответствие обязательств по возмещению вреда, причиненного в результате ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций как разновидности компенса-

ционных обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями всем ключевым признакам, определяющим последние.

Список использованной литературы:

1. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 № 435-IV // Офіційний вісник України. – 2003. – № 11. – Ст. 461
2. Гринько С.Д. Поняття та підстави виникнення зобов'язань із відшкодування шкоди, завданої правомірними діями / С.Д. Гринько // Університетські наукові записки. – 2008. – № 3. – С. 65.
3. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави : [навч. посіб.] / П.М. Рабінович. – К.: Атіка, 2001. – 176 с.
4. Загальна теорія держави і права / А.М. Колодій, В.В. Копейчиков, С.Л. Лисенков та ін. ; під ред. В.В. Копейчикова. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – 318 с.
5. Шульга А.М. Об'єктивно протиправне діяння, об'єктивно правомірне поведінка / А.М. Шульга // Форум права. – 2012. – № 3. – С. 846.
6. Голубовський В.Є. Правомірне поведінка: теоретико-методологічний аспект дослідження / В.Є. Голубовський // Часопис Київського університету права. – 2012. – № 1. – С. 68.
7. Отраднова О.О. Критерії протиправності та правомірності в деликтних зобов'язаннях / О.О. Отраднова // Актуальні проблеми держави і права. – 2010. – Вип. 53. – С. 238.
8. Кодекс цивільного захисту України від 02.10.2012 № 5403-VI // Офіційний вісник України. – 2012. – № 89. – Ст. 3589

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мул Алена Николаевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Хмельницкого университета управления и права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mul Alena Nikolaevna – Postgraduate Student at Department of Civil Law and Procedure of the Khmelnytsky University of Management and Law

alena-1979@mail.ru



УДК 349.6

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ»

Наталья НЕСТЕРОВА,

соискатель кафедры экологического права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Аннотация

Статья посвящена исследованию сущности одного из наиболее распространенных понятий экологического права – рационального природопользования. Внимание акцентировано на многоаспектности исследуемого понятия и отсутствии какого-либо определения в действующем законодательстве Украины, что еще более усложняет правоприменение. В статье предложено для понимания сущности рационального природопользования исходить из разработок даже не теории юридической науки, а экологии. Кроме этого, исследуемое понятие рассматривается через призму правовой действительности, поскольку именно таким образом представляется возможным осмыслить всю сложность рационального природопользования.

Ключевые слова: рациональное природопользование, принципы экологического права, правовая действительность, экология, право природопользования.

SOME ASPECTS OF UNDERSTANDING OF THE ESSENCE OF A CONCEPT OF “RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES”

N. Nesterova,

Yaroslav Mudryi National Law University

Summary

The article is devoted to the study of rational use of nature. This is a very common concept of environmental law. In the Ukrainian legislation of this concept. In the article special attention is given to because it is very important for practice. You also need to note that the rational use of nature is a very complex concept that includes other concepts. The paper proposed to use not only the concepts of the theory of state and law and ecology. This will help you better understand the essence of rational use of nature. In addition, the concept that we examine is regarded as the object of legal reality. This allows to understand the complexity of rational use of nature.

Key words: rational use of nature, environmental law, legal validity, ecology, law, environmental management.

Постановка проблемы. В Украине, как и в странах, граничащих с ней, в последние годы наблюдаются сложные политико-правовые процессы, связанные с целой системой объективных факторов, которые в своей совокупности определяют вектор и интенсивность научных изысканий. В этой связи на первый план выдвигаются первостепенные вопросы общественного развития, которые требуют немедленного законодательного вмешательства с целью защиты прав и интересов общества и государства.

Следует также отметить курс на Европейскую интеграцию, в связи с которыми требуются колоссальные усилия, необходимые для адаптации законодательства Украины в связи с взятыми на себя обязательствами, преодоление коллизий и пробелов. Особенно критичной является ситуация на востоке страны, требующая основательной законодательной работы в контексте социальной защиты участников АТО, пострадавших, семей погибших. Все

это, разумеется, отодвигает необходимость разрешения вопросов, связанных с проблемами экологии в целом и рационального природопользования в частности.

Актуальность темы исследования подтверждается множественными вопиющими фактами в сфере природопользования, требующими разрешения. Вот, к примеру, известная ситуация с курсирующими по всей стране львовскими бытовыми отходами является лишь одним из немногих ярких примеров актуальности проблемы качественного законодательного регулирования рационального природопользования.

Состояние исследования. Вопросы, связанным с отдельными аспектами понимания такого сложного правового явления, как рациональное природопользование, посвящены научные труды признанных ученых в отрасли экологического права, среди которых отдельно следует выделить В.И. Андрейцева, Г.И. Балюк,

Ю.А. Вовка, А.П. Гетьмана, И.И. Каракаша, М.В. Краснову, В.К. Попова и других. Но, не смотря на несомненно весомый вклад в эколого-правовую науку, труды уважаемых ученых посвящены в большей мере отдельным аспектам рационального природопользования. Современные же реалии требуют комплексного изучения этого понятия и разработки, в этой связи, комплексной законодательной базы.

Целью и задачей статьи является исследование сущности рационального природопользования, система научных взглядов и разработок по этой проблеме. Новизна исследования заключается в том, что в данной работе сделана попытка исследовать не понятие «рациональное природопользование» не только сугубо как принцип экологического права, а через призму восприятия его как объекта правовой действительности и с учетом наработок не теории юриспруденции, а экологии.

Изложение основного материала. Рациональное природопользование яв-



ляется одним из фундаментальных понятий экологического права, которое, несмотря на свое бесспорное значение в механизме правового регулирования экологических правоотношений, до сих пор так и не было надлежащим образом изучено. Это связано, в первую очередь, из всеохватывающим содержанием и системообразующим значением. Вывод о системообразующем характере рационального природопользования напрашивается хотя бы потому, что именно рациональность в использовании природных ресурсов, объектов и комплексов всегда выступает главным условием осуществления изъятия из указанных объектов полезных качеств. Анализ множества работ в области юриспруденции дает также основания сделать вывод о том, что рациональное природопользование воспринимается аксиоматически, как общепонятное явление, которое не требует объяснений и уточнений. Определенным образом сложившаяся ситуация вполне понятна.

Но, с другой стороны, она привела к тому, что в действующих нормативно-правовых актах Украины этот основополагающий принцип экологического права не сформулирован и не содержит необходимой для юридической практики дефиниции [14; 16; 19; 20]. Хотя именно законодательное закрепление определения этого принципа дало бы возможность одинаково и правильно его понимать, во-первых, всеми участниками правоприменения, а во-вторых, для разработки и дальнейшего принятия новых нормативно-правовых актов и внесения изменений в уже существующие.

В связи с отсутствием в законодательстве четкого определения сущности исследуемого принципа экологического права не представляется возможным разработать действенный механизм его реализации и защиты. Особенно это актуально в условиях интеграции Украины в европейское правовое пространство, поскольку не решив эту задачу в научной доктрине уже сегодня, мы в будущем получим существенную почву для пробелов в законодательстве.

Именно поэтому в первую очередь необходимо определить сущность фундаментального принципа экологического права – принципа рационально-

го природопользования как сложного и многоаспектного явления правовой действительности.

Понятие «правовая действительность» объединяет правовые взгляды общества, его правовую культуру и психологию, технико-юридические средства, деятельность общественных институций. Именно этим объясняется такой обширный смысл указанной правовой категории. Более того, можно утверждать, что эта обширность, объединение невероятно большого количества различных явлений, в свою очередь, существенно усложняет их понимание и восприятие. Представляется, ярким примером этому является сложность понимания и восприятия рационального природопользования как объекта правовой действительности. С другой стороны, следует признать, что сложность структуры правовой действительности является зеркальным отражением системы общественных отношений, ее обуславливающих.

Правовая действительность – это целый комплекс правовых явлений и процессов, состоит в результате их взаимосвязи и взаимодействии, характеризует правовое влияние на общественные отношения. Рассматривая правовую действительность, ученые выделяют три механизма, обеспечивающих ее функционирование: объективизм, субъективизм, институциональность. Объективизм основан на убеждении в существовании правовой действительности, вне контекста отношения личности к этому существованию. Для такого подхода характерны представления о идеальном праве, законе, воплощение которого в реальную жизнь позволит решить практически все проблемы; причинно-следственная связь всех объективно существующих явлений и т.д. [1, с. 218]. Этому подходу соответствуют отдельные положения естественно-правовой и материалистической теорий.

Мы не случайно обратились к пониманию правовой действительности, поскольку через призму именно этого явления в современной науке чаще всего воспринимается рациональное природопользование. Вместе с этим в последние годы в связи с активным внедрением современных технологий, обменом научными изысканиями между учеными разных правовых систем и

процессами интеграции в современной юридической науке широко внедряются новые понятия, которые, к сожалению, не имеют четкого подспорья и не вписываются в накопленный наукой доктринальный материал. Современные аналитические разработки способствуют появлению новых категорий, вместе с тем, они не должны провоцировать недооценку уже существующего в теории отраслей права собственного фундаментального понятийного аппарата, смешивать существующие юридические понятия.

В контексте исследования рационального природопользования как объекта правовой действительности разумно обратиться также и к основополагающим фундаментальным разработкам. Так, впервые понятие рационального природопользования в науке экологического права основательно исследовал в своей диссертации выдающийся ученый, один из самых авторитетных представителей украинской правовой школы – В.Л. Мунтян. Автор утверждал, что рациональное природопользование можно рассматривать в разных аспектах: как принцип природопользования; в научном плане; как часть системы государственного управления народным хозяйством; как экономическую категорию; как сферу правового регулирования [19, с. 73].

Рациональное природопользование как принцип, по мнению В.Л. Мунтяна, характеризуется разумным подходом общества к природе. Этот принцип, акцентировал автор, имеет классовый характер и может реализоваться только в условиях определенной общественно-экономической формации [19, с. 74].

В отечественном экологическом праве, которое регулирует общественные отношения в сфере собственности на природные объекты, рационального их использования, охраны окружающей природной среды от вредного химического, физического и биологического влияния, признания и защиты экологических прав граждан, право природопользования рассматривается как один из его институтов [8; 9; 10; 11]. Право природопользования регулирует одну из четырех групп общественных отношений, касающихся природы, – отношения в сфере использования природных ресурсов – и определяется в юридической литературе как совокуп-



ность правовых норм, обуславливающих использование субъектами права природопользования природных ресурсов для удовлетворения своих разнообразных потребностей. Соответственно, природопользование в правовом аспекте, как правило, рассматривается как юридически обусловленная деятельность граждан и юридических лиц касаясь использования объектов окружающей природной среды.

Проблема понимания сущности рационального природопользования как принципа экологического права тесно связана, в первую очередь, с восприятием его как явления правовой действительности, которое принадлежит к числу основных факторов влияния на процесс развития современного экологического права Украины. Фактически все группы отношений, которые охватываются этой отраслью, пропитаны декларированием необходимости обеспечения разумного, аккуратного, научно и экономически обоснованного использования природных ресурсов и объектов. При этом сложность и многоаспектность рационального природопользования влечет за собой то, что практически каждый элемент структуры экологического права раскрывает очередную составляющую указанного явления правовой действительности.

Несмотря на то, что Закон Украины «Об охране окружающей природной среды», который является одним из основополагающих нормативно-правовых актов экологического права, не содержит дефиниции рационального природопользования, практически каждая норма этого документа пропитана духом указанного принципа. Следовательно, вполне возможно утверждать, что именно рациональное природопользование выступает главным условием осуществления любой деятельности, которая связана с использованием природных ресурсов и объектов, обеспечением экологической безопасности, охраной окружающей природной среды. Это еще раз подтверждает значимость исследуемого принципа как одного из основных принципов экологического права.

Ученые правоведы постоянно акцентируют внимание на том, что в действующем законодательстве понятие «рациональное природопользование», да и понятие «право природополь-

вания», практически не употребляется [2; 3; 4]. Законодатель при изложении норм, предмет регулирования которых в той или иной степени касается исследуемой проблематики, формулирует их таким образом, будто сущность рационального природопользования является общеизвестной, понятной и не требующей пояснений и уточнений. Именно поэтому исследуемое понятие, к сожалению, пока широко используется лишь в научных трудах в разнообразных толкованиях.

Сложность определения рационального природопользования обусловлена еще одним фактором. Речь идет о экологическом законодательстве, особенность которого – отсутствие единого комплексного нормативно-правового акта, а кодификация законодательных предписаний в сфере природопользования была произведена за предметно-отраслевым принципом, а сами общественные отношения в указанной сфере регулируются главным образом касаясь отдельных природных объектов.

С одной стороны, это оправдано и только подтверждает сложность и уникальность предмета правового регулирования отрасли. С другой стороны, эта ситуация влечет за собой разнородность и разноаспектность формулирования и определения базовых основ и принципов, в том числе, и рационального природопользования.

Рациональное природопользование как объект правовой действительности берет свои истоки из других наук, в частности экологии [7; 15; 18]. Исследования ученых именно этой отрасли являются определяющими для формулирования целого перечня правовых норм и законодательных предписаний. Именно поэтому для понимания сущности рационального природопользования и дальнейшего формулирования определения необходимо обратиться, так сказать, к первоисточникам.

Современные научные истоки рационального природопользования должны базироваться на методологических наработках современной экологии, среди которых главными определяются следующие:

- неисчерпаемых ресурсов не существует;
- исчерпаемость природных ресурсов зависит от уровня их восстановления;

- никакая исследовательская или хозяйственная деятельность не может квалифицироваться как восстановление ресурсов;

- масштабная эксплуатация ресурсов, особенно ископаемых энергоносителей и невозобновляющихся руд, в масштабах эволюции биосферы на Земле может сохраняться только относительно короткое время, ограниченное грядущим глобальным экологическим кризисом;

- бесплатных природных ресурсов не существует;

- законы природы исключают право собственности на ресурсы экосферы;

- любой восстанавливаемый ресурс, используемый человеком, должен быть восстановлен как в количественном, так и в качественном отношении;

- принцип трансформации ресурсного капитала: капитал, вложенный в невозобновляемые ресурсы во время их освоения и эксплуатации, должен трансформироваться в равносильный финансовый или другой капитал, который принадлежит государству и направлен на восстановление восстанавливаемых ресурсов [15, с. 113].

Таким образом, решение проблемы оптимизации взаимодействия общества и природы как основы рационального природопользования должно базироваться на глубоком комплексном изучении как заповедных территориальных комплексов, так и нарушенных хозяйственной деятельностью территорий, в выявлении антропогенных изменений под воздействием социально-экономических факторов, исследовании состава, структуры, закономерностей функционирования, развития и размещения природных экосистем разных уровней.

Выводы. Для создания целостной, синтезирующей системы правового регулирования рационального природопользования необходимо сформулировать четкое его определение как принципа экологического права, который бы объединял все элементы этого сложного объекта правовой действительности в одно целое. Этот принцип может быть сформулирован через призму исследованных в статье подходов в соответствии с конкретными социально-политическими и культурно-историческими реалиями. Дефиниция должна воплотить в себе специфику



концепции природопользования, с учетом разработанных теорией экологического права категорий и механизмов. Наверное, неслучайно на фоне господства распространенного мнения о возможности существования различных определений того или иного объекта правовой действительности научные дискуссии разворачиваются именно вокруг общего его определения, в котором была бы зафиксирована специфика соответствующего правопонимания и достигнуто концептуальное единство всех составляющих понятия.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х томах. Т.1. Основные вопросы общей теории социалистического права. [Текст] / С.С. Алексеев. – Свердловск : Свердлов. юрид. ин-т, 1972. – 395 с.
2. Анісімова, Г.В. Сучасні проблеми законодавчого забезпечення права загального природокористування громадян [Текст] / Г.В. Анісімова // Сучасні науково-практичні проблеми екологічного, земельного та аграрного права : круглий стіл (Харків, 6 груд. 2013 р.) : зб. тез наук. доп. / М-во освіти і науки України, Нац. ун-т «Юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого». – Харків : Право, 2013. – С. 71.
3. Бредіхіна В.Л. Актуальні задачі економіко-правового механізму раціонального природокористування та охорони довкілля в сучасних умовах [Текст] / В.Л. Бредіхіна // Сучасні досягнення наук земельного, аграрного та екологічного права : круглий стіл, присвяч. пам'яті проф. Ю.О. Вовка, 24 трав. 2013 р. / НУ ЮАУ, НАПрУ. – Х. : Нац. ун-т «Юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого», 2013. – С. 118.
4. Вебер М. Деякі сучасні проблеми та шляхи вдосконалення гірничого законодавства України [Текст] / М. Вебер // Підприємництво, господарство і право. – 2009. – 9. – С. 164.
5. Гетьман А. Методологічні засади становлення правових основ охорони довкілля [Текст] / А. Гетьман // Право України. – 2011. – № 2. – С. 11.
6. Гетьман А.П. Юридична відповідальність в екологічному законодавстві: проблеми становлення та розвитку [Текст] : [розд. 8] / А.П. Гетьман // Проблеми правової відповідальності : монографія / В.Я. Тацій [та ін.] ; за ред.: В.Я. Тацій, А.П. Гетьман, В.І. Борисова. – Харків : Право, 2014. – С. 235.
7. Джигирей В.С. Екологія та охорона навколишнього природного середовища [Текст] : учебное пособие / В.С. Джигирей. – 2-ге вид., стер. – Київ : Т-во «Знання» КОО, 2002. – 203 с.
8. Екологічне право. Особлива частина [Текст] : повн. академ. курс : для студ. юрид. вузів і фак-тів / за ред. В.І. Андрейцева ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ : Істина, 2001. – 544 с.
9. Екологічне право України [Текст] : академічний курс : підручник / за заг. ред. Ю.С. Шемшученко ; Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького НАН України, Київ. ун-т права. – 2-ге вид. – Київ : Юрид. думка, 2008. – 720 с.
10. Екологічне право [Текст] : підручник / Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого ; за ред. А.П. Гетьмана. – Харків : Право, 2014. – 432 с.
11. Екологічне право України [Текст] : підручник для студ. вищих навч. закладів / Нац. ун-т «Одес. юрид. акад.» ; за ред. І.І. Каракаша. – Одеса : Фенікс, 2012. – 788 с.
12. Ерофеев Б.В. Основы земельного права (теоретические вопросы) [Текст] / Б.В. Ерофеев. – Москва : Юрид. лит., 1971. – 328 с.
13. Комарницький В.М. Теоретико-методологічні засади права спеціального природокористування [Текст] / В.М. Комарницький ; МВС України, Луганський державний університет внутрішніх справ ім. Е. О. Дідоренка. – Луганськ : ЛДУВС, 2009. – 184 с.
14. Конституція України від 28.06.1996р.; тлумачення від 15.03.2016р. [електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
15. Кучерявий В.П. Екологія [Текст] / В.П. Кучерявий. – Вид. 2-ге. – Львів : Світ, 2001. – 480 с.
16. Лісовий кодекс України від 21.01.1994 р.; редакція від 28.12.2015 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/3852-12>.
17. Мунтян В.Л. Правові проблеми раціонального природокористування [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / В.Л. Мунтян. – Київ : Рад. шк., 1975. – 347 с.
18. Мусієнко М.М. Екологія [Текст] : тлумач. слов. / М.М. Мусієнко, В.В. Себряков, О.В. Брайон. – Киев : Либідь, 2004. – 376 с.
19. Про основні засади (стратегію) державної екологічної політики України на період до 2020 року : Закон України від 21.10.2012 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2818-17>.
20. Про охорону навколишнього природного середовища : Закон України від 25.06.1991 р.; редакція від 01.01.2016 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1264-12>.
21. Мусієнко М.М. Екологія [Текст] : тлумач. слов. / М.М. Мусієнко, В.В. Себряков, О.В. Брайон. – Киев : Либідь, 2004. – 376 с.
22. Кучерявий В.П. Екологія [Текст] / В.П. Кучерявий. – Вид. 2-ге. – Львів : Світ, 2001. – 480 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Наталья Ивановна – соискатель кафедры экологического права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Natalia Ivanovna – Degree Seeking Applicant at Department of Environmental Law of Yaroslav Mudryi National Law University

m.sannikova.m@gmail.com



УДК 343.2

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ РАБОТНИКАМИ ЭКСПЕРТНОЙ СЛУЖБЫ МВД УКРАИНЫ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Станислав ПЕРЛИН,

соискатель кафедры криминалистики и судебной экспертологии
Харьковского национального университета внутренних дел

Аннотация

Статья посвящена перспективным направлениям совершенствования технико-криминалистического обеспечения, используемого при проведении осмотра места происшествия работниками Экспертной службы МВД Украины. Рассмотрены понятие технико-криминалистического обеспечения и классификация научно-технических средств. Проанализировано использование унифицированных и специализированных комплектов (следственных чемоданов) во время осмотра места происшествия. Предложено использование средств современного технико-криминалистического обеспечения для обнаружения, фиксации и изъятия следовой информации.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, научно-технические средства, осмотр места происшествия, унифицированные и специализированные комплекты.

PROSPECTS OF IMPROVEMENT OF TECHNICAL AND FORENSIC MEANS USED BY THE EXPERTS OF THE MIA OF UKRAINE FOR A CRIME SCENE INVESTIGATION

S. Perlin,

Kharkiv National University of Internal Affairs

Summary

The article is devoted to promising directions of improvement of technical and forensic support that used for a crime scene investigation. There are considered concepts of technical and forensic support and classification of scientific and technical equipment. There is analyzed the use of unified and specialized kits (investigative suitcases) during a crime scene investigation. The author suggests the use of modern forensic equipment for detection, fixation and seizure of trace information.

Key words: technical and forensic support, scientific and technical equipment, crime scene investigation, unified and specialized kits.

Постановка проблемы. Усиление социально-экономической напряженности и политической нестабильности в Украине, к сожалению, ведет к росту преступности. Увеличивается количество тяжких преступлений против личности, против собственности, а также преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. По статистике количество тяжких преступлений против личности увеличилось на 26, 2%, против собственности на 33, 9% [1]. В современных условиях борьба с преступностью требует не только четкого и рационального построения правоохранительной системы, совершенствования управления и взаимодействия в ней, но и максимального использования при расследовании по уголовным производствам современных достижений науки и техники, позволяющих

противопоставить вызову преступного мира современные технологии криминалистики, новые высокоэффективные научные разработки. Усовершенствование современных технико-криминалистических средств и использование их во время расследования как во время следственных (розыскных) действий, так и при проведении экспертных исследований возлагается в основном на экспертные подразделения органов внутренних дел. Однако следует заметить, что технико-криминалистические средства, используемые сегодня в практической деятельности подразделений Экспертной службы МВД Украины, в частности, при осмотре места происшествия требуют значительного усовершенствования и обновления за счет приобретения новой техники и модернизации имеющегося технического оборудования для внедрения новых методов

исследований и приведения в соответствие с требованиями времени.

Осмотр является незаменимым следственным (розыскным) действием, потому что непосредственное восприятие следователем тех или иных объектов, их расположение и взаимосвязи нельзя заменить ни допросом лиц, видевших данные объекты, ни реконструкцией обстановки при проведении следственного эксперимента, ни другими доступными следователю средствами собирания и исследования доказательств. Как известно, осмотром называется следственное действие, которое заключается в непосредственном восприятии объектов с целью выявления следов преступления и других вещественных доказательств, выяснения обстоятельств, имеющих значение по делу. Одним из самых сложных видов осмотра является осмотр места происшествия. Под местом происшествия



понимается помещение или местность, где совершено преступление или где есть материальные следы, связанные с событием преступления [2, с. 217].

В соответствии с ч. 1 ст. 237 УПК Украины, с целью выявления и фиксации сведений об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения следователь, прокурор проводят осмотр местности, помещения, вещей и документов. С целью получения помощи по вопросам, требующим специальных знаний, следователь, прокурор для участия в осмотре может пригласить специалистов [3]. В свою очередь, специалистом в уголовном производстве является лицо, обладающее специальными знаниями и навыками применения технических или иных средств и предоставляющее консультации во время досудебного расследования и судебного разбирательства по вопросам, требующим соответствующих специальных знаний и навыков [3].

Актуальность исследования. Вопросы криминалистической техники, классификации технико-криминалистических средств и их использования в экспертной практике рассматривались в трудах многих как отечественных, так и зарубежных ученых, в частности: Т.В. Аверьяновой, П.Д. Биленчука, А.Ф. Волынского, А.В. Дулова, А.В. Ищенко, С.П. Лапты, А.Н. Моисеева, И.В. Пирога, Е.Р. Россинской, М.В. Салтевского, В.Ю. Шепитько, М.Г. Щербакотского и др. [4–14]. Следует отметить, что актуальные на сегодня вопросы совершенствования технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия не нашли достаточного освещения. В связи с постоянным развитием экспертных технологий, средств и методов данные проблемы требуют дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, целью данной статьи является освещение перспективных направлений совершенствования технико-криминалистических средств, используемых работниками Экспертной службы МВД Украины при проведении осмотра места происшествия, и их внедрение в практическую деятельность.

Изложение основного материала. Как известно, в научной литературе средства делятся на общие технические

средства и специальные средства криминалистической техники. Общие технические средства – это средства, заимствованные из других областей науки, бытовой техники, которые применяются без каких-либо изменений и усовершенствований, например, различные инструменты, фототехника, рентгено-техника и т.д. Специальные средства криминалистической техники – это предметы, устройства, которые являются инструментами криминалистической деятельности по сбору, исследованию и использованию доказательственной информации. По специальному назначению криминалистические средства делятся следующим образом: 1) средства фото-, видеотехники; 2) средства записи акустической информации – звукозаписывающая техника; 3) средства работы с материальными следами для их обнаружения, фиксации и исследования; 4) аналитические средства; 5) поисковые средства; 6) средства сбора, хранения и обработки информации – вычислительная и кибернетическая техника; 7) вспомогательные средства [15, с. 56].

Соглашаясь в целом с приведенной классификацией, считаем целесообразным её уточнение с точки зрения практической деятельности подразделений Экспертной службы МВД Украины по обеспечению осмотра места происшествия. В частности, предлагаем разделить научно-технические средства таким образом.

1. Средства освещения. Разнообразные приборы, применяемые для освещения помещений, участков местности, предметов и людей. Они должны создавать рассеянное, направленное, моно- или полихроматическое освещение. По характеру спектра излучения делятся на: обычные, ультрафиолетовые и инфракрасные. Обычные лампы накаливания, переносные осветители, бытовые и специальные фонари, электронные фотовспышки и другие осветительные приборы. Ультрафиолетовые осветители позволяют выявить слабо видимые или невидимые следы крови, спермы, пота, некоторые химические вещества. Инфракрасные лучи позволяют выявлять частицы копоти, краски, металла, следы выстрела на преградах и тому подобное.

2. Оптические приборы. Устройства для расширения чувствительности че-

ловческого глаза помогают увеличить изображение или увидеть те объекты, которые не воспринимаются зрением вследствие их малых размеров (лупы дактилоскопические, измерительные бинокулярные, сложенные, с освещением; микроскопы – биологические, металлографические, сравнительные, измерительные и др.).

3. Поисковые приборы – приборы для обнаружения скрытых металлических предметов (железных, стальных), выявление хранилищ, поиска трупов.

4. Измерительные средства. Средства для измерения: длины, плоскости, углов, объема, массы, веса, упругости предметов. Для проведения необходимых измерений на местности (линейки, рулетки, транспортиры, угломеры, весы, манометры, индикаторы напряжения, дозиметры и др.).

5. Средства фиксации. Средства, позволяющие точно, объективно, быстро и наглядно зафиксировать на материальном носителе факты, события, материальные следы, необходимые для рассмотрения и решения производства. Для вербальной фиксации применяют звукозапись; для графической – планы, схемы, чертежи, рисунки; для предметной – изъятие самого предмета или следа, изготовление слепков и отпечатков; для наглядно-образной – фотографирование, видеозапись [16, с. 6].

Для эффективного применения научно-технических средств при проведении осмотров криминалистами разработаны специальные комплекты, созданные с использованием двух подходов – универсальности или узкой специализации.

Унифицированные комплекты предназначены для решения типичных задач, возникающих при осмотре любого места происшествия, то есть для обнаружения, фиксации и изъятия различных типовых следов и вещественных доказательств (отпечатков пальцев рук, пуль, гильз, следов взлома, образцов выделений из организма человека). В свою очередь, специализированные комплекты предназначены для решения узкого круга задач на месте конкретного события, в частности для обнаружения, фиксации и изъятия микрообъектов, следов запаха, наркотических веществ, осмотра места происшествия и тому подобное. К специализированным наборам могут также относиться



средства для предварительного исследования отдельных веществ на месте происшествия, в частности экспресс-анализаторы взрывчатых и наркотических веществ, химические вещества-индикаторы и т.п.

Общим принципом комплектования унифицированных криминалистических комплектов является соблюдение требований универсальности и наличие в них отдельных отделов, имеющих специальные функциональные научно-технические средства.

Специализация комплектов может проводиться по субъектам их применения: комплект специалиста-криминалиста, следственный чемодан, чемодан судебного медика, чемодан специалиста-взрывотехника, комплект для осмотра места ДТП [16, с. 9]. Унифицированные криминалистические чемоданы могут комплектоваться как самими представителями экспертных подразделений, так и предприятиями, специализирующимися на выпуске такой продукции. Например, в Украине следует отметить такие предприятия как: «Украинская ассоциация рынка безопасности», «Экспертные системы» (г. Киев), ПКФ «Инжен» (г. Нежин) и др.

На украинском рынке специальных криминалистических средств имеется универсальный криминалистический комплект «Десант», который укомплектован средствами для обнаружения, фиксации и изъятия следов на месте происшествия, универсальный криминалистический комплект «Дакто» для выявления, изъятия и упаковки следов пальцев рук на месте происшествия, дактилоскопирования подозреваемого лица, а также дактилоскопирования трупа [17].

Другое предприятие предлагает во время осмотра места происшествия использовать: 1) чемодан эксперта-баллиста «Б-10»; 2) чемодан эксперта-взрывотехника ВВ-1; 3) чемодан эксперта-криминалиста «ОМП-1»; 4) чемодан эксперта-криминалиста «ВТ-1»; 5) чемоданы эксперта-криминалиста «СВ-1», «СВ-05»; 6) чемодан эксперта-криминалиста «СВ-2»; 7) чемоданы пожарно-технические «ПК-1», «ПК-1М»; 8) чемодан «АВ-1М» [18].

Также отечественные производители разработали ряд универсальных и специализированных наборов для осмотра места происшествия, среди

которых: 1) унифицированные наборы для осмотра места происшествия (ВК-1, ВК-1М) 2) чемодан следователя (ВС-1); 3) сумка шерифа (СШ-1); 4) чемодан криминалиста для проведения поисковых работ (ВК-4); 5) набор для осмотра места взрыва (ВК-5); 6) наборы для осмотра места пожара (ОП-1, ОП-1М) 7) набор для осмотра места ДТП (ИД-1); 8) набор для дактилоскопирования и туалета трупа (ВК-2); 9) набор для обнаружения, фиксации и изъятия скрытых следов (ВК-6) и др. [19].

Анализируя информативность представленных универсальных комплектов, следует отметить следующие их недостатки.

1. Чемоданы не комплектуются средствами, которые предназначены для изъятия запаховых следов на месте происшествия.

2. Они содержат недостаточно средств для изъятия следов биологического происхождения, а те, которые есть в наличии, недостаточного качества (например, скальпели).

3. Фототехника, которая находится в чемоданах, как правило, низкого качества. С ее помощью, например, практически невозможно получить качественные фотографии в плохих погодных и других неблагоприятных условиях.

4. Наборы номеров со спицами в комплектах не превышают по количеству 10 шт., что для проведения качественной фотосъемки при осмотре места происшествия, особенно при расследовании дорожно-транспортных происшествий, убийств с выраженной следовой картиной недостаточно.

5. Качество порошков для дактилоскопирования также невысокое. Они подходят для изъятия свежих следов, а при работе со старыми следами возникают проблемы.

6. Одной магнитной кисти в чемодане недостаточно, поскольку очень часто они ломаются, что делает невозможным в дальнейшем изъятие следов магнитными порошками.

7. Значительное количество вспомогательных инструментов, которые представлены в чемоданах, во-первых, почти не используются на практике, во-вторых, невысокого качества.

С целью повышения уровня комплектования универсальных чемоданов

предлагаем следующие перспективные направления совершенствования их комплектности.

1. Для качественного сбора одорологической информации при осмотре места происшествия к содержимому чемоданов следует добавить комплекты с кусками чистой фланелевой ткани, фольги и герметичных емкостей для упаковок.

2. Для изъятия образцов биологического происхождения чемоданы должны быть в достаточном количестве укомплектованы бинтами, ватой, скальпелями нормального качества, дистиллированной водой и соответствующим упаковочным материалом.

3. Наборы номеров со спицами в комплектах должны составлять не менее 50 штук для повышения информативности фотосъемки при осмотре места происшествия.

4. К содержанию чемоданов следует добавить силиконовые компаунды, которые помогут более качественно изымать следы взлома, а также следы рук на рельефной поверхности.

Положительная практика экспертов Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра идет по пути самостоятельного комплектования унифицированных чемоданов. Такой подход имеет ряд преимуществ, а именно: а) чемодан комплектуется качественными средствами (например, по мнению экспертов Харьковского НИЭКЦ, наиболее качественными дактилоскопическими порошками отечественного производства являются порошки «Нежин», дактилоскопическая оборудование фирмы SEARCH и т.п.); б) чемодан комплектуется средствами, которые действительно необходимы для качественного проведения осмотра места происшествия, при этом исключаются лишние средства; в) себестоимость таких комплектов значительно ниже, по сравнению с рыночной стоимостью унифицированных чемоданов.

Традиционно наиболее полно принято комплектовать различными криминалистическими и вспомогательными средствами специализированные передвижные лаборатории (криминалистические, автотехнические, взрывотехнические) на базе микроавтобусов или других транспортных средств. У них есть средства видеосъемки,



компьютерной техники, дополнительного освещения для работы в темное время суток, специализированный инструментарий и другие устройства [16, с. 9]. В соответствии с Инструкцией о порядке привлечения работников органов предварительного расследования полиции и Экспертной службы МВД Украины как специалистов для участия в осмотре места происшествия, указанные лаборатории используются во время осмотров мест наиболее сложных с точки зрения следовой картины событий, таких, как убийства и разбои с использованием огнестрельного оружия, квалифицированные изнасилования, события, связанные со взрывами, дорожно-транспортные происшествия и пожары с тяжелыми последствиями [20].

Специализированные передвижные лаборатории в последнее время применяются чаще по сравнению с предыдущими годами в связи с увеличением количества тяжких преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и устройств, а также ДТП с тяжелыми последствиями. Например, по статистическим данным Харьковского НИЭКЦ МВД Украины привлечение специализированных передвижных лабораторий к осмотру места происшествия за 2016 год распределилось следующим образом: 65, 8% составляет использование при дорожно-транспортном происшествии с тяжкими последствиями (во время которого погибли два и более человека или госпитализированы в медицинские учреждения пять и более лиц); 18,4% составили убийства с применением огнестрельного оружия; все остальные случаи составляют 15, 8%.

В последние годы подразделения экспертной службы МВД Украины приобрели определенный опыт применения современного оборудования, в том числе и при осмотре места происшествия.

В частности, для повышения качества проведения указанного следственного действия экспертами Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра внедряются современные технико-криминалистические средства, а именно, лазерные сканеры Z + F IMAGER 5006 и KRIMESITE IMAGER.

Система лазерного сканирования при проведении следственных действий (осмотра, следственного эксперимента) позволяет получать: высокую производительность и точность измерений; возможность оперативного развертывания и установки; выполнение измерений при отсутствии освещения; моделирование траектории полета пули; сканирование в помещении, а также сканирование различных следов преступления; защиту от редактирования и внесения изменений.

Этим требованиям отвечает лазерный сканер Z + F IMAGER 5006 (Германия) в составе с цифровой камерой RolleiMetric и лазерная сканирующая система Faro Focus 3D.

Использование сканера Z + F IMAGER 5006 позволяет выполнить сбор данных при осмотре места происшествия в считанные минуты. Обстановка места происшествия может быть быстро зафиксирована в цифровом виде, а обработана уже в условиях кабинета. В будущем протоколы в виде текстовых файлов большого объема могут быть дополнены или даже заменены информативными трехмерными изображениями в сочетании с данными цифровых фото- и видео съемок. Использование лазерного сканирования не зависит от освещения и поэтому осуществлять обзор возможно даже при полной темноте [16, с. 137].

В противоположность фотографическим методам, при которых эксперты делают снимки избирательно, соглашаясь с собственным видением ситуации на месте происшествия, метод лазерного сканирования предполагает полное покрытие фотосъемкой всего места происшествия без пробелов, как бывает при фото- и видеосъемках, и позволяет реконструировать картину события в любой момент.

Лазерное сканирование предоставляет подобное с фотографическим изображение помещения, но представлено в трехмерном виде, с возможностью свободно менять ракурс. Благодаря этому на следующих этапах расследования можно снова воссоздать картину преступления, какой она была на момент сканирования.

К современным приборам, используемым при осмотре места происшествия, следует отнести KRIMESITE

IMAGER, которому не нужны излучатели света, который не зависит от окружающей освещенности и может использоваться в различных условиях: при дневном свете или в темноте. В данном случае используется технология формирования изображения с отраженным ультрафиолетовым излучением, позволяет выявлять отпечатки пальцев, которые невозможно увидеть невооруженным глазом.

Выводы. Универсальные комплекты технико-криминалистических средств (чемоданы), используемые сегодня в практической деятельности подразделений Экспертной службы МВД Украины, в частности, при осмотре места происшествия требуют усовершенствования. Следует отметить, что даже новые чемоданы по комплектации не в полной мере соответствуют современным потребностям практики. Так, они требуют доукомплектования средствами для изъятия следов биологического и одорологического происхождения, комплектования качественной фототехникой, а также качественными и в достаточном количестве средствами для обнаружения и изъятия следов рук, ног, орудий взлома и транспортных средств за счет уменьшения вспомогательных средств, которые практически не применяются.

Есть необходимость усовершенствования и специализированных криминалистических лабораторий в направлении значительного увеличения их количества и качественного наполнения.

Острой является и потребность в обеспечении подразделений Экспертной службы МВД Украины современными технико-криминалистическими средствами для решения отдельных задач, в частности увеличения количества систем лазерного сканирования, таких как лазерный сканер Z + F IMAGER 5006 (Германия), системы TrasoScan (Чехия) как универсальной для обработки плоских поверхностей: следов низа подошвы обуви, рук и других следов, изымаемых во время осмотра места происшествия, что является перспективным направлением дальнейших научных исследований и организационных мероприятий по техническому оснащению отечественных экспертных служб.



Список использованной литературы:

1. Показники про стан та структуру кримінальних правопорушень в Україні за I півріччя 2015 р. та 2016 р. Веб-сайт НАПН України URL : <http://www.ivpz.org/struktura-za-p-vr-chchuya-2015-r-ta-2016-r>.
2. Криміналістика: підруч. для студентів юрид. спец. Вузів / за ред. В.Ю. Шепітька; Авт. кол.: В.М. Глібко, А.Л. Дудніков та ін. – Київ : Ін-Юре, 2001. – 682 с.
3. Кримінальний процесуальний кодекс України : Закон України від 13 квітня 2012 року № 4651-VI // База даних «Законодавство України» / Верховна Рада України.
4. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М. : Норма, 2007. – 479 с.
5. Біленчук П.Д. Судові експертизи: довідник / П.Д. Біленчук, М.Н. Курко, С.М. Стахівський. – К. : Влад и Влада, 1997. – 48 с.
6. Дулов А.В. Вопросы теории судебной экспертизы / А.В. Дулов. – Минск : Изд-во БГУ, 1959. – 188 с.
7. Іщенко А.В. Проблеми криміналістичного забезпечення розслідування злочинів: монографія / А.В. Іщенко, І.П. Красюк, В.В. Матвієнко. – К. : Національна академія внутрішніх справ України, 2002. – 212 с.
8. Лапта С.П. Правові та наукові основи використання судових експертиз при розслідуванні злочинів : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Харків, Харківський національний університет внутрішніх справ, 2006. – 234 с.
9. Моїсєєв О.М. Експертні технології : теорія формування і практика застосування. – Х. : Вид. агенція «Апосоль», 2011. – 424 с.
10. Пиріг І.В. Теоретичні основи експертної діяльності органів внутрішніх справ. – Дніпропетровськ : Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ ; Ліра ЛТД, 2011. – 312 с.
11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Россинская. – М. : Норма, 2005. – 656 с.
12. Салтевский М.В., Малышев В.Н. Из истории развития криминалистических подразделений МВД Украинской ССР // Криминалистика и судебная экспертиза. К. 1979. – Вып. 19. – С. 10.
13. Шепітько В.Ю., Цимбал М.Л. Развитие судебно-экспертной деятельности в Украине: проблемы и перспективы // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. Вип. 2: 36. матер. міжнар. наук.-прак. конф. / Мін-во юстиції України, ХНДІСЕ, АПНУ, НЮАУ ім. Я. Мудрого; редколегія : М.Л. Цимбал, М.І. Панов та ін. – Харків : Право, 2002. – С. 18.
14. Щербаковський М.Г. Проведення та використання судових експертиз у кримінальному провадженні: монографія. Харків: В деле, 2015. 560 с.
15. Салтевський М.В. Криміналістика (у сучасному викладі): підручник для вузів. – Киев : Кондор, 2005. – 586 с.
16. Науково-технічні засоби в експертній практиці: концептуальні засади: Метод. посібник / М-во внутр. справ України; Держ. наук.-дослід. експерт.-криміналіст. центр [авт.-упоряд. С.І. Перлін, С.О. Шевцов]. – Х. : ФОП Чальцев О.В., 2009. – 152 с.
17. Криміналістичне обладнання. Веб-сайт Української асоціації ринку безпеки (UASM) URL : <http://www.uasm.org/activity/products/1>.
18. Криминалистические чемоданы. Веб-сайт компании Экспертные системы URL : http://expert-market.kiev.ua/ru/catalog_Expert_equipment/rubric_4422/Forensic_Kits/.
19. Науково-технічні засоби огляду місця події. Веб-сайт ПКФ «Инжен» URL : <http://inzhen.com.ua/produktsiya/ekspertniy-osmotr>.
20. Інструкція про порядок залучення працівників органів досудового розслідування поліції та Експертної служби МВС України як спеціалістів для участі в проведенні огляду місця події, затв. наказом Міністерства внутрішніх справ України від 3 листопада 2015 року № 1339 // База даних «Законодавство України» / Верховна Рада України URL : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/z1392-15>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перлін Станіслав Ігоревич – соискатель кафедры криминалистики и судебной экспертизы Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perlin Stanislav Igorevich – Degree Seeking Applicant at Department of Criminalistics and Juridical Expertology of the Kharkiv National University of Internal Affairs

stepanuk2@ukr.net



УДК 343.2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, КОТОРЫЙ ЗАНИМАЕТСЯ ИГОРНЫМ БИЗНЕСОМ

Святослав РЯБЧУК,

соискатель

Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса
Национальной академии правовых наук Украины

Аннотация

В статье освещается исследование основных составляющих криминологической характеристики личности преступника, который занимается игорным бизнесом (ст. 203-2 УК Украины). В рамках криминологического исследования, проведенного автором на базе официальных статистических данных, а также с использованием результатов собственного эмпирического и теоретического исследования, приводятся количественно-качественные показатели данного вида преступности, на основании которых определены основные криминологические черты личности организатора игорного бизнеса.

Ключевые слова: игорный бизнес, азартные игры, гемблинг, организатор игорного бизнеса.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL PERSONALITY WHO DEALS WITH GAMBLING BUSINESS

S. Riabchuk,

Academician Stashis Scientific Research Institute
for the Study of Crime Problems at the National Ukrainian Academy of Law Sciences

Summary

In the article highlights the study of the main components of the criminological characteristics of the criminal personality, which deals with gambling business (Article 203-2 of the Criminal Code of Ukraine). Within the limits of criminological research carried out by the author on the basis of official statistical data, and also using the results of his own empirical and theoretical research, quantitative and qualitative indices of this type of criminality are given, on the basis of which the main criminological traits of the gambling organizers personality are determined.

Key words: gambling, gambling business, gambling business organizer.

Постановка проблемы. Важным и неотъемлемым элементом исследования в криминологической науке является изучение личности преступника. Значение такого исследования достаточно трудно переоценить, поскольку именно через призму особенностей личности человека, непосредственно совершившего преступное деяние, в значительной степени познаются характерные черты детерминант определенного вида преступления.

В изучении криминологической характеристики игорного бизнеса особое место занимает исследование личности организатора этого незаконного вида хозяйственной деятельности. Именно глубокое понимание обстоятельств, которые влияют на формирование преступного поведения организатора игорного бизнеса, детальное изучение черт его личности дают возможность выработать инструменты воздействия на его противоправное поведение.

Актуальность темы исследования. В силу введенного Законом Укра-

ины «О запрете игорного бизнеса» от 15 мая 2009 года тотального запрета на игорный бизнес и участие в азартных играх на территории Украины, а также наличие уголовной ответственности, установленной статьей 203-2 УК Украины, возникает необходимость изучения криминологической характеристики личности преступника, который занимается игорным бизнесом или организует проведение азартных игр.

Состояние исследования. Вопросы криминологической характеристики лиц, которые занимаются запрещенными видами хозяйственной деятельности, освещались в научных трудах И. Валикова, А. Вознюка, А. Гладуна, А. Дудорова, А. Дячкина, Д. Гетьманцева, Ю. Канибера, Н. Капитаненко, К. Конюшко, И. Медицкого, Н. Петричко, Р. Пиняги, А. Савченко и др. В этих работах ученые в некоторой степени касались проблем криминологической характеристики организаторов игорного бизнеса, однако их исследования больше направлены на изучение лич-

ности экономического преступника в свете тенденции развития запрещенных видов хозяйственной деятельности в Украине.

Целью и задачей статьи является освещение основных составляющих криминологической характеристики личности преступника, который занимается игорным бизнесом, на основании проведенного автором теоретического и эмпирического исследования, при этом используются официальные статистические данные.

Изложение основного материала. Личность преступника как совокупность существенных и устойчивых социальных свойств и признаков, социально значимых биопсихологических особенностей индивида, объективно реализуется в конкретном совершенном преступлении и придает этому деянию характер общественной опасности, а виновному в этом лицу – свойство общественной опасности, в связи с чем оно привлекается к ответственности, предусмотренной уголовным



законом. Это определение является наиболее приемлемым, поскольку демонстрирует личность преступника как научное обобщение, включающее совокупность качеств индивида, которые при определенных условиях, месте, времени и других обстоятельствах могут привести к совершению им определенного вида преступлений.

Для освещения вопросов криминологической характеристики личности преступника, который занимается игорным бизнесом, автором было проведено изучение 229 архивных уголовных дел (производств), в которых было осуждено судами Украины 235 лиц за совершение преступления, предусмотренного ст. 203-2 УК Украины (занятие игорным бизнесом). Согласно данным Государственной судебной администрации Украины, за период с 2011 года (с момента установления уголовной ответственности по ст. 203-2 УК Украины) по 2015 год судами Украины за занятие игорным бизнесом было осуждено 648 человек, из которых 29 человек были ранее судимы за занятие игорным бизнесом.

Для понимания криминологической характеристики указанных лиц, виновных в организации игорного бизнеса, предлагается структура личности, которая включает социально-демографические, уголовно-правовые, морально-психологические группы признаков. Этот выбор обусловлен тем, что именно с их помощью можно более глубоко раскрыть существенные и значимые особенности личности преступника, виновного в занятии игорным бизнесом, которые не свойственны (или менее свойственны) тем личностям, которые совершили преступления другого вида. Особенности таких лиц изучены путем обобщения данных, полученных в результате проведенного эмпирического изучения архивных уголовных дел (производств) и статистических данных Государственной судебной администрации Украины.

Социально-демографические признаки содержат сведения о принадлежности пола, возрасте, уровне образования, семейном положении, роде занятий и о других данных социального статуса человека. Они сами по себе не являются криминогенными, поскольку свойственные абсолютно каждому человеку и не характеризуют его как пре-

ступника. Однако несмотря на это, данная информация имеет важное криминологическое значение, ведь при обобщении социально-демографических признаков определенной группы лиц, совершивших определенный вид преступления, исследователь обязательно выявит ряд закономерностей и особенностей, а также определит лиц определенного возраста, пола, рода занятий, которые составляют большинство среди осужденных. Поэтому для осуществления необходимого предупреждения конкретного вида преступности необходимо основываться на эффективной системе противодействия конкретному кругу лиц и создавать им условия, при которых становится невозможным и невыгодным совершать противоправные действия [1, с. 292].

Общезвестным является факт, что по половому признаку среди всех преступников в совокупности большинство составляют мужчины. Только для отдельных видов преступлений характерно совершение их только или в значительной степени женщинами. Не является исключением из общего правила и занятие игорным бизнесом. По официальным статистическим данным и результатам проведенного исследования, большинство осужденных по ст. 203-2 УК Украины – это мужчины 76%, при этом количество женщин составляет 24%.

Указанный показатель участия женщин в организации азартных игр можно в определенной степени объяснить ненасильственным характером преступного деяния, отсутствием необходимости для совершения преступления иметь определенные, в большей степени свойственные мужчинам, черты и навыки (значительная физическая сила, умение управлять специальными транспортными средствами, обращаться с оружием и прочее). Также занятие игорным бизнесом относится к преступлениям в сфере хозяйственной (предпринимательской) деятельности, а в настоящее время этот вид деятельности доступен всем, в том числе и женщинам.

Возрастные характеристики отражают динамические биосоциальные изменения личности через трансформацию социокультурных стандартов внешней среды во внутреннюю идентификацию с ними или протест

против их требований и соответственно – отчуждение и дезадаптации к ним [2, с. 43].

По данным проведенного исследования установлено, что среди лиц, виновных в занятии игорным бизнесом, большинство осужденных составляют лица в возрасте от 25 до 35 лет – 47%. Вторая по численности группа – это лица, чей возраст составляет от 35 до 50 лет – 26%. Приближенная к данному количеству преступников группа от 18 до 25 лет – 22%. Наименьшую группу виновных в занятии игорным бизнесом составляют лица, чей возраст больше 50 лет, – 5%. Показатель большинства осужденных в возрасте от 25 до 35 лет объясняется тем, что именно лица этого возраста, трудоспособные, энергичные, имеющие уже некое образование и опыт, со сложившимися определенными представлениями о жизни, потребностями и, как правило, с целями, направленными на быстрое обогащение, встают на путь осуществления незаконной предпринимательской деятельности.

Весомое криминологическое значение среди социально-демографических признаков личности преступника имеет его семейное положение. Наличие семьи и нормальные взаимоотношения между членами семьи, взаимопонимание в семье является мощным сдерживающим фактором для лиц, склонных к совершению преступных деяний. Важным фактором является также осознание лицом, создавшим семью, ответственности перед своими родными, наличие перед ними определенных обязанностей.

Исследование лиц, виновных в организации игорного бизнеса, показало, что количество лиц, состоящих в официальном браке, составляет 19% от числа осужденных, неженатые – 62%, разведенные – 16%; находящиеся в гражданском (незарегистрированном) браке – 2%, а вдовы – 1%.

Эти показатели говорят о том, что весомая часть преступлений, совершаемых по ст. 203-2 УК Украины, совершается именно лицами, не находящимися в браке. Именно отсутствие у виновных лиц нормальных семейных отношений обуславливает их влечение к преступной деятельности. В большинстве случаев семья стимулирует позитивное поведение, осуществляет



социальный контроль. Вместе с тем действенность социального контроля, сила его воздействия в различных семьях даже при отсутствии глубокого конфликта неодинакова. Неблагоприятно сказываются на формировании ориентации и жизнедеятельности человека такие обстоятельства, как наличие «условных» семей, когда супруги проживают раздельно, имеют разный бюджет; сожительство (неоформленные семьи), особенно когда сожители не считают себя супругами; неполных семей; семей с низким уровнем культурных отношений и поведения, а тем более со стереотипами правонарушительного поведения [3, с. 127].

Обращают на себя внимание данные об образовательном уровне преступников, поскольку он во многом детерминирует в общей культуре и правосознании человека. Данные об образовательном уровне осужденных распределяются следующим образом: большинство преступников имели полное среднее образование – 53%; численность лиц с профессионально-техническим образованием составляет 23%; полное высшее образование имели 12% осужденных; базовое общее среднее образование имели 9% виновных. Наименьшая по числу группа – это преступники с базовым высшим образованием – 3%.

Лица, совершившие исследуемые преступления, демонстрируют низкий для их возраста и современного общества уровень образования. При этом криминогенным является не столько сам образовательный уровень лица, сколько обусловленный им низкий уровень общей культуры, правосознания, отсутствие духовных ценностей, организации досуга, черты мировоззрения, жизненная позиция, окружение, дальнейшая деградация личности.

Трудовая деятельность и профессиональный рост человека тесно связаны с уровнем образования. Что касается занятости и рода занятий лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 203-2 УК Украины, исследователем получены следующие данные: большинство составляют трудоспособные лица, которые не работают и не учатся, – 75%; работники предприятий в сфере различной экономической

деятельности составляют 12%; физические лица-предприниматели – 8%, иные лица (инвалиды, студенты, учащиеся) составляют – 5%.

В научной литературе высказывается мнение в отношении неполного соответствия действительности статистических показателей по количеству преступников, которые на момент совершения преступления нигде не работали и не учились. Приведенная позиция заключается в следующем. Системные проблемы в сфере правоохранительной деятельности имеют следствием того, что наиболее пристальное внимание сконцентрировано преимущественно на тех, кого причисляют к бедным и маргинальным слоям населения. Можно констатировать, что распределение преступников по роду занятий и социальному статусу только приблизительно отражает реальную картину. Сверхбогатые и богатые граждане Украины, как свидетельствуют криминологические исследования, также совершают преступления, однако вероятность привлечения к уголовной ответственности этой категории лиц – минимальна [4, с. 88].

Полагаем, что в определенной степени указанное касается и лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 203-2 УК Украины. Так, в научных трудах и средствах массовой информации неоднократно отмечается о наличии в государстве сетей игорных заведений, которые приносят владельцам значительные прибыли. При этом среди лиц, осужденных за совершение исследуемых преступлений, встречаются преимущественно те, кто получил незначительную прибыль путем использования небольшого количества игорного оборудования в течение непродолжительного времени. Следует указать, что лица-владельцы сетей игорных заведений крайне редко становятся объектом преследования для сотрудников правоохранительных органов, а разоблачение деятельности крупных казино и сетей игорных клубов является вообще редкостью.

Изучая уголовно-правовые признаки личности преступника, виновных в занятии игорным бизнесом, следует обратить внимание на такой признак, как наличие судимости. Нами установлено, что большое количество осуж-

денных ранее привлекалось к уголовной ответственности за совершение различных преступлений – 37%. При этом из них 22% отбывали наказание в виде лишения свободы.

Уголовно-правовые признаки личности преступника находят свое проявление в некоторых формах допреступного поведения лица, что наиболее полно выражается в содеянном им преступлении. Среди признаков, относящихся к совершенному преступлению, следует назвать те, которые характеризуют: направленность преступного поведения субъекта на конкретные общественные отношения, взятые под охрану закона (непосредственный объект посягательства); степень и характер общественной опасности совершенного преступления; способы, выбранные для достижения преступной цели; мотив, которым руководствовался субъект преступления; отношение виновного к содеянному (признал себя виновным или нет) и др. [5, с. 40]. Перечисленные признаки имеют криминологическое значение, поскольку именно они отличают преступников, совершивших преступление, предусмотренное ст. 203-2 УК Украины, от законопослушных граждан. Они позволяют судить о степени общественной опасности, глубине и устойчивости антиобщественной направленности личности этих преступников.

Исследование показало, что игорный бизнес был организован единолично преступником в 86% случаев, совместно с другим лицом – 11% случаев, а с участием трех и более лиц – 3% случаев.

Достоверно установленным фактом является то, что физически и с технической точки зрения одному человеку достаточно трудно осуществлять руководство игорным заведением. Организуя свою предпринимательскую деятельность в виде четко слаженной структуры, которая осуществляет предоставление услуг в сфере азартных игр, организаторы имеют в подчинении «рядовых» исполнителей, которые в основном выбирают (вербуются) и являются наемными работниками. Это, в частности: администраторы, менеджеры игровых залов, крупье, кассиры, продавцы, операторы, охранники и тому подобное.



Эти лица в комплексе обеспечивают бесперебойную работу заведения, при этом работая именно на организатора игорного бизнеса. Наем указанных лиц происходит без надлежащего трудоустройства и сопровождается нарушениями законов о труде.

Важным признаком преступления выступает мотив – внутреннее побуждение к деятельности, субъективный стимул человеческих поступков, в котором находят выражение движущие силы личности, связанные с удовлетворением его потребностей. Знание мотива дает ответ не только на вопрос, почему именно совершено то или иное действие, но и в чем смысл этих действия для данного индивида, какие при этом потребности удовлетворяются [6, с. 7]. Занятие игорным бизнесом является корыстным преступлением, а потому следует утверждать, что лицам, совершившим этот вид преступления, присущи именно признаки корыстного преступника.

Обращает на себя внимание отношение самих лиц к совершенному ими же преступлению. Подавляющее их большинство признали свою вину в инкриминируемом деянии, искренне раскаялись, сотрудничали со следствием, способствовали раскрытию преступления, в связи с чем, это учитывалось судами при назначении наказания. В подтверждении тому данные проведенного исследования показывают, что наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 203-2 УК Украины, было назначено 42% осужденным, а в 7% случаях осужденные были освобождены от наказания, в том числе и на основании Закона Украины «Об амнистии в Украине». Однако и следует отметить и то, что наказание за занятие игорным бизнесом не всегда достигает своего предупредительного значения. Так, по данным статистики, в 4,5% случаях преступление было совершено лицами, которые ранее привлекались к уголовной ответственности за занятие игорным бизнесом.

Группа эмоциональных свойств в подструктуре морально-психологических признаков представлена, в частности, темпераментом, характером, чувствами, силой эмоциональных реакций; глубиной переживаний; склонностью к созданию «застойных» эмо-

циональных комплексов (мстительность, злопамятность); склонностью к аффективным состояниям; доминирующим настроением; способностью к контролю и удержанию эмоциональных проявлений [4, с. 90].

Следует отметить, что, конечно, эмоциональные свойства влияют на преступное поведение лица, однако занятие игорным бизнесом не относится к видам преступлений, характеризующихся яркой эмоциональной окраской. Как уже неоднократно отмечалось, исследуемое преступление не является таковым, которое совершается под влиянием эмоций, импульсивно или в состоянии аффекта. Волевые свойства лиц, осужденных за занятие игорным бизнесом, имеют двойное воздействие на их преступную деятельность. С одной стороны, лица, характеризующиеся слабыми волевыми качествами, склонные к совершению преступления под влиянием обстоятельств, при которых более сильная личность все равно выбрала бы легальный способ заработка, или под влиянием внушения со стороны других лиц. С другой стороны, именно сильные волевые свойства личности способствуют совершению им преступления – организации игорного бизнеса.

Важным признаком является правосознание преступников. Преступники, вступая в конфликт с законом, допускают правовой беспредел, ставят себя выше требований правовых норм, не до конца осознают, что их выполнение является необходимой обязанностью. Лица, совершающие преступления, обнаруживают (скрытое или явное) неуважение к закону. Они уверены, что закон можно обойти, нарушить в конкретной ситуации в пользу личных или кланово-групповых интересов, при этом рассчитывая на собственную уголовно-правовую безнаказанность. Однако довольно часто преступники не имеют личной, четко выраженной позиции относительно права и закона, поэтому определенные запреты не становятся внутренним регулятором их поведения. В системе их ценностных ориентаций первое место занимают эгоистичные и корыстные направления, выгода, карьеризм, собственное благополучие, самолюбие и произвол [4, с. 92].

Вышесказанное отображается в сознании лиц, которые занимаются игорным бизнесом, поскольку сам факт того, что данная хозяйственная деятельность является незаконной (преступной), является общеизвестным, однако данные лица все же занимаются игорным бизнесом, пренебрегая правовыми запретами.

Исследование показало, что лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 203-2 УК Украины, вполне могут быть присущи такие черты характера, как жадность, самонадеянность, равнодушие, беспечность, эгоизм, цинизм, импульсивность. Лицам, которые занимаются игорным бизнесом более в крупных масштабах, дополнительно наделены хорошими организаторскими способностями, целеустремленностью, последовательностью, предусмотрительностью, осторожностью, взвешенностью, сдержанностью. Кроме того, эти лица быстро ориентируются в различных, в том числе неблагоприятных ситуациях. Они способны быстро принимать правильные, нестандартные решения. Именно эти свойства в совокупности с искривленным представлением моральных ценностей и пренебрежительным отношением к нормам права определяют организаторов игорного бизнеса в значительных масштабах.

Выводы. Подытоживая вышеизложенное, можно определить основные криминологические черты личности преступника, который занимается игорным бизнесом. Как правило, это мужчина в возрасте 25-35 лет, не состоящий в семейных отношениях, безработный, с полным средним образованием, ранее привлекаемый к уголовной ответственности, имеющий хорошие организаторские способности, определенный жизненный опыт, сильные волевые черты, навыки в организации предпринимательской деятельности, хорошо осознающий факт своей преступной деятельности, однако движимый желанием незаконно обогатиться за счет организации запрещенного вида хозяйственной деятельности. Знание этих криминологических признаков является необходимым условием для создания действенных мер противодействия преступному поведению организаторов игорного бизнеса и занятию игорным



бизнесом в целом на всех уровнях системы предупреждения преступности.

Список использованной литературы:

1. Шалгунова С.А. Дослідження особи злочинця в кримінології / С.А. Шалгунова // Наук. вісн. юрид. акад. Мініст. внутр. справ. – 2005. – № 4(24). – С. 291–296.

2. Голина В.В. Особистість неповнолітнього злочинця: сучасний кримінологічний портрет / В.В. Голина, Б.М. Головкін // Бюл. М-ва юстиції України. – 2006. – № 1(51). – С. 42.

3. Кримінологія: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / □ А.И. Гуров и др.; науч. редакторы – Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 640 с.

4. Кримінологія: підручник / В.В. Голина, Б.М. Головкін, М.Ю. Валуйська та ін.; за ред. В.В. Голини, Б.М. Головкіна. – Х. : Право, 2014. – 440 с.

5. Кримінологія: Заг. та Особл. частини: підручник / І.М. Даньшин, В.В. Голина, М.Ю. Валуйська та ін.; за заг. ред. В.В. Голини. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Х. : Право, 2009. – 288 с.

6. Личность преступника и предупреждение преступлений: сб. науч. тр. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1987. – 104 с. (С. 7)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябчук Святослав Владимирович – соискатель Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Riabchuk Sviatoslav Vladimirovich – Degree Seeking Applicant of Academician Stashis Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems at the National Ukrainian Academy of Law Sciences

ryabchuk_sv@ukr.net

УДК 347.77

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ, ДРЕВНЕМ РИМЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Вероника СЕНИУТА,

судья

Деснянского районного суда г. Киева

Аннотация

Статья содержит краткий исторический анализ развития интеллектуальной собственности, начиная с Древней Греции и до времен средневековой Европы. Анализ показал, что правовое регулирование авторского права существенно отставало от регулирования средств индивидуализации участников рынка. Это обстоятельство можно объяснить тем, что последние были уязвимы к разного рода нарушениям, а также тем, что государство было заинтересовано, прежде всего с точки зрения налоговой политики, в предотвращении постороннего использования средств индивидуализации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, торговая марка, произведение, авторское право, исключительные права.

THE RISE OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHT IN ANCIENT GREECE, ANCIENT ROME, AND MEDIEVAL EUROPE: PROBLEM-HISTORICAL RESEARCH

V. Seniuta,

Desnianskyi District Court of Kyiv

Summary

The article contains a brief historical analysis of the development of intellectual property, from Ancient Greece to the times of medieval Europe. The analysis showed that the legal regulation of copyright significantly lagged behind the regulation of the means of individualization of market participants. This circumstance can be explained by the fact that the latter were vulnerable to various kinds of violations, and also because the state was primarily interested in terms of tax policy in preventing the extraneous use of means of individualization.

Key words: intellectual property, trademark, creative work, copyright, exclusive rights.

Введение. Право интеллектуальной собственности является одним из ключевых институтов современной экономики подавляющего числа развитых государств. Дистрибуция большинства предметов обихода или средств, используемых в работе, в той или иной степени связана с объектами интеллектуальной собственности – произведениями, изобретениями, торговыми марками или коммерческими тайнами, а равно и с правами, которые на них распространяются.

Принято считать, что интеллектуальная собственность является продуктом нового времени. Студентам юри-

дических факультетов по всему миру упоминают два важных обстоятельства в связи с появлением этого экономико-правового института: изобретение Иоганном Гуттенбергом печатного станка в 1440-х годах и принятие Статута Королевы Анны в Британии в 1710 году. Эти события, хоть и разделены без малого тремя столетиями, состоят между собой в неразрывной связи, поскольку именно появление типографского станка при отсутствии надлежащего правового регулирования создало возможность нарушения авторского права. Считается, что первым полноценным ответом на нарушения «естественных»



прав авторов был только что упомянутый статут, который даровал авторам копирайт – право продавать возможность дистрибуции собственного произведения.

Однако в литературе крайне редко упоминается о предтечах интеллектуальной собственности. В связи с этим у многих создается превратное представление о том, что «колыбелью» копирайта и интеллектуальной собственности в целом следует считать Великобританию, тогда как в настоящей статье мы продемонстрируем, что эта традиция имеет намного более глубокие корни.

Цель статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать истоки современного экономико-правового института интеллектуальной собственности и, прежде всего, роли, которую в нём сыграла экономика и связанная с ней особенность правопорядка Древней Греции, Древнего Рима и средневековой Европы.

Методы и использованные материалы. В статье используются памятники древней и средневековой европейской литературы, а также работы западных исследователей истории права интеллектуальной собственности.

Древняя Греция. Право интеллектуальной собственности является сложным правовым институтом, обладающим исторически обусловленной структурой:

- 1) авторское право и смежные права;
- 2) промышленная собственность;
- 3) средства индивидуализации участников гражданского оборота и продукции, которая ими производится;
- 4) нетрадиционные объекты права интеллектуальной собственности.

Возникновение перечисленных институтов происходило в разное время, однако их предшественники появились ещё в древние времена, в частности в Древней Греции. Первоначально патенты представляли собой определенные привилегии, которые предоставлялись в связи с изобретением полезных средств производства. Целью предоставления таких привилегий было поощрить изобретателей и способствовать развитию промышленности. При этом, как отмечают исследователи, такие привилегии не основывались ни на естественных, ни на моральных правах [1, с. 43]. Другими словами, па-

тенты изначально не имели под собой сложного онтологического или аксиологического фундамента, а предоставлялись исключительно из утилитаристских соображений полезности. Также следует отметить, что именно распространение изобретений было главной целью, а привилегии имели стимулирующее значение.

Как отмечают Кристофер Мей и Сьюзан К. Селл, «осуждение плагиата и признание кражи идей уходит корнями в начало документированной истории. Признание собственности на идею было в большей мере продиктовано необходимостью сохранения тайных сакральных знаний, а не необходимостью наградить автора за отчужденный им труд» [1, с. 43, 44]. При этом в традиционных обществах, культура которых была тесно связана с магическими ритуалами, обязанность сохранения тайны информации лежала на их носителях (шаманах, ведунах и проч.), а не на тех, кому предавалась часть знаний такого рода [2, с. 133].

Возможно, наиболее ранним предшественником интеллектуальной собственности следует считать маркировку изделий и прочих товаров. Разновидностью маркировки можно считать клеймирование крупного рогатого скота (наиболее распространенной его формой являлось отрезание части или целого уха). Таким образом, достигалась цель, сходная с той, которую в настоящее время преследуют средства индивидуализации участников гражданского оборота и продукции, которая ими производится, – свидетельствовать о происхождении продукции и тем самым гарантировать покупателю, что он приобретет товар именно предпочитаемого им производителя. Как отмечал один из исследователей происхождения торговых марок Джеральд Рстон, некоторые подобные обозначения имели ту же функцию, что и современные торговые марки – удостоверять происхождение товаров, тогда как у других знаков – что встречалось чаще – роль заключалась в том, чтобы указать на собственника [3, с. 127].

Прообразы права интеллектуальной собственности в виде подобного рода маркировок можно встретить практически во всех развитых культурах древнейших времен, в частности в Египте или Месопотамии: скульпторы

оставляли свои знаки или знаки заказчиков на произведениях, резчики по камню на камнях и т.д. [4, с. 45].

Для того чтобы отследить развитие интеллектуальной собственности как правового института, следует обратиться к древним культурам, наиболее известным с точки зрения создания интеллектуального продукта. И в этой связи вполне естественный интерес представляет собой Древняя Греция – колыбель европейской науки и философии, а равно европейской культуры в целом. Греческая мысль и размышления философов от досократиков и до Платона продемонстрировали, что мысли и знания сами по себе могут иметь ценность.

Как известно, ещё в шестом столетии до н.э. в греческих полисах был развит патронат (форма социальной зависимости, порожденная распадом родоплеменного строя). Патроны были у разного рода певцов, поэтов, музыкантов и артистов, а также у философов. Патроны занимались, условно говоря, тем же, чем на данный момент занимаются промоутеры – организация мероприятий, разного рода встреч и дискуссий.

Вызывает интерес также деятельность школы софистов. Софисты преподавали разные науки и умения, начиная от борьбы и заканчивая ведением домашнего хозяйства. Однако следует отметить, что в исторических источниках нет упоминаний о том, что софисты претендовали на какую-либо собственность в отношении их знаний. Более того, софисты не противились распространению собственных учений, поскольку считали это своеобразной формой рекламы [1, с. 45].

Древнегреческая культура также славилась поэзией. Причем поэзия – в отличие от идей и учений тех же софистов – отличается тем, что представляет собой вполне осязаемый интеллектуальный и творческий продукт или произведение. Симонид Кеосский, насколько известно на данный момент, является первым поэтом, который требовал вознаграждение за свои литературные труды. Когда кто-то попросил его написать хвалебную оду в обмен на искреннюю благодарность, Симонид ответил, что держит два сундука, один для благодарностей, другой для денег; когда он открывает их, то в



первом никогда ничего нет, а второй – полон [5]. Требование вознаграждения за литературные труды было не просто нетривиальной выходкой. Как отмечает Анне Карсон, возмущение позицией Симонида объясняется тем, что он товарищезировал то, что до него не могло считаться товаром, поскольку обмен поэтическими произведениями проводился исключительно между друзьями с целью получения эстетического удовольствия [4, с. 16, 17].

В отношении Греции можно найти немало памятников, свидетельствующих о попытках присвоения результатов творчества – таковыми являются в частности условные обозначения, подписи на картинах, скульптурах и прочих произведениях. Однако не следует переоценивать греческий прогресс в отношении интеллектуальной собственности. Скажем, даже при создании поэм на заказ последняя рассматривалась как обычный объект права собственности [1, с. 46]. Однако важно зафиксировать тот факт, что в VI-V ст. до н.э. в Греции всё же произошла товарищезация интеллектуальной и творческой деятельности.

Древний Рим. Проблемы интеллектуальной собственности достигли нового уровня развития в римском праве. Древний Рим хорошо известен развитыми рыночными отношениями. И именно здесь удаётся увидеть, возможно, первые попытки предоставить правовое регулирование отдельным вопросам интеллектуальной собственности.

Как известно, в Древнем Риме, как и во многих других развитых культурах древности, ремесленники использовали подписи и прочие условные обозначения на своих товарах. И хоть в то время ещё не было понятия торговых марок (в том смысле, в котором мы о них говорим сейчас, – знаки для товаров и услуг, предоставляющие их обладателям некоторые права и гарантии), правовое регулирование подобных обозначений осуществлялось посредством запрета на их использование другими участниками рынка. Так, закон Корнелия Суллы 81 г. до н. э. предусматривал юридическую ответственность за разного рода деликты и, в частности, за использование чужого имени с целью получения прибыли [6, с. 178]. Таким образом, несмотря на тот факт, что

само условное обозначение на товаре не предоставляло производителю каких-либо прав, обман покупателей являлся здесь наказуемым деянием.

В западных источниках приводят любопытный пример, как знаки товаров подделывались в Древнем Риме. Римские масляные лампы пользовались большим спросом по всему миру и особенно ценились лампы Фортиса. Знак, который Фортис использовал для индивидуализации своего товара, часто подделывали, в результате чего «Фортис» из торгового знака превратился в нарицательное «фортис» – разновидность ламп. Также в Риме было развито гончарное дело и многие производители, в особенности в Бельгии, в I ст. до н.э. часто пытались подделать гончарные произведения своих именитых современников. Однако ввиду неграмотности фальсификаторов наносимые ими обозначения представляли собой лишь набор случайных символов. Такие товары нельзя было продать в Рим, однако в Британии, где покупатели были ещё менее грамотными, такие поддельные чашки и прочие вещи пользовались спросом [1, с. 47].

В истории Древнего Рима мы также можем найти первые упоминания о сделке, очень напоминающей продажу авторских прав (она описана американским исследователем истории интеллектуальной собственности Стивенем Мастерсоном). Как известно, Марк Тулий Цицерон писал произведения, которые распространялись в рукописных копиях. Причем Цицерон был заинтересован в продаже как можно большего числа таких экземпляров, а потому его друг (и по сути литературный агент) Тит Помпоний Аттикус продал право на последующую продажу копий известному продавцу книг Дорусу [7, с. 7].

Утверждается, что римскому праву было известно различие между авторским правом на сохранение целостности произведения и правом на производство копий (т.е. в современной терминологии неимущественными и имущественными авторскими правами) [8, с. 64]. Младен Вукмир отмечал, что авторы, которые стремились продать как можно большее число экземпляров своих произведений, нередко обращались к книгоиздателям, которые использовали рабский труд

для производства рукописных копий [9, с. 133].

Средневековая Европа. В Средневековье в Европе почти не применялась практика защиты авторских прав по модели Древнего Рима. Напротив, у авторов не было возможности как-либо уберечь своё произведение от несанкционированного копирования. Причина этого интересного обстоятельства видится нам в том, что само копирование считалось благим делом, а желание автора заработать на собственном произведении – плодом его алчности. И тем не менее, экономика средневековья не могла полностью избежать правового регулирования интеллектуальной собственности. В частности, как известно, отличительной чертой экономики средневековья был институт гильдий. Гильдии являлись профессиональными организациями, которые объединяли людей, причастных к определенному ремеслу или занятию. Государство часто давало гильдии монопольное право на производство товаров или исполнение работ, взамен государство получало контроль над экономикой в целом и доходами гильдий в частности.

Известно, что средневековые гильдии установили два вида марок: купеческие (merchants' marks) и марки продукции (production marks) [1, с. 51]. Купеческие марки использовались для товаров, отданных на консигнацию, с целью удостоверить владельца в случае кражи, или же когда после кораблекрушения удавалось восстановить груз. Марки продукции использовались главным образом с той же целью, с которой в настоящее время используются торговые марки. Все состоящие в гильдии ремесленники были обязаны указывать на товаре его производителя. Таким образом, гильдия могла реагировать и в частности наказывать своих членов за некачественный товар, производство которого бросало тень на гильдию. Кроме знака члена гильдии, товар должен был, как правило, содержать знак самой гильдии. По мнению Кристофера Мея, знак гильдии не только свидетельствовал о происхождении товара, но и был своеобразным сертификатом качества [1, с. 51]. Нарушение правил маркировки товаров строго пресекались и наказывались.

Фрэнк Д. Прегер указывал, что в средневековых гильдиях существовали



нормы, устанавливающие нечто вроде исключительных имущественных прав на собственные произведения: например, с 1432 года в Генуе гильдия производителей шелка запрещала заимствовать у члена гильдии его уникальный рисунок ткани; похожее регулирование существовало в отношении гильдии производителей шерсти во Флоренции с 1474 года [10].

И задолго до того, как правовое регулирование интеллектуальной собственности в Европе начало приобретать современные формы и содержание, монархи Европы нередко прибегали к выдаче «охранительных грамот» – исключительных привилегий в отношении производства определенных товаров, работ или услуг. Гранты такого рода напоминают современные патенты, поскольку и там, и тут речь идет об исключительном положении правообладателя. Возникновение патентов связано с особенностями средневековой экономики. Государства во все времена преследовали цель усилить прилив капитала в страну и одновременно уменьшить его отток за границу, в связи с чем необходимо было создавать условия, при которых экспорт будет превышать импорт. Средством достижения этой достаточно понятной цели были патенты – охранительные документы, которые правители жаловали тем, кого хотели привлечь для производства в свою страну. Возможно, первым упоминанием о патенте такого рода следует считать предоставление Королем Эдуардом III в 1331 году охранной грамоты фламандским ткачам во главе с Джоном Кемпом; затем известна грамота Джону Шидаму на производство соли (1440 г.). Однако именно предоставление Джону Утинэму монопольной грамоты на производство цветного стекла (1449 г.) принято считать первым подлинным патентом. Срок его силы истек по прошествии 20 лет со дня выдачи, после чего люди, которых был обязан обучить Утинэм, могли самостоятельно использовать полученные знания [11]. Бытует также мнение, что предоставление патентов является несколько модифицированной традицией предоставлять монополию на добычу полезных ископаемых первооткрывателю шахты, чтобы поощрить обнаружение последних [12].

Выводы. Проведенный выше краткий исторический анализ позволяет утверждать, что интеллектуальная собственность, начиная с Древней Греции и до времен средневековой Европы, развивалась неоднородно, а наиболее развитым её институтом являлись средства индивидуализации участников рынка и производимой ими продукции. Менее развитым следует считать правовое регулирование авторского права. Это обстоятельство можно объяснить двумя факторами:

1) уязвимость средств индивидуализации к разного рода нарушениям (тогда как нарушение авторского права в большей мере связано с возможностью массового тиражирования литературной продукции, что было невозможно до изобретения Иоганном Гуттенбергом печатного станка и начала эпохи книгопечатания);

2) заинтересованность государства (прежде всего с точки зрения налоговой политики) в предотвращении постороннего использования средств индивидуализации.

При этом важно подчеркнуть, что с древних времен и до средневековья интеллектуальная собственность не рассматривалась в качестве особого вида собственности, а предоставление грамот на монопольное производство товаров не являлось уникальной особенностью изобретательской работы. Подобные монополии создавались умышленно с целью привлечь людей к полезной для государства деятельности независимо от её творческого характера (например, поиск шахт). В этой связи следует сделать вывод, что на развитие интеллектуальной собственности влияли, прежде всего, рыночные факторы и утилитаристские мотивы государства.

Список использованной литературы:

1. May C. Intellectual Property Rights: A Critical History / Christopher May, Susan K. Sell. – Lynne Rienner Publishers, 2006 – 253 p.

2. Okediji R. Has creativity died in the Third World? Some implications of the internationalization of intellectual property / R. Okediji // Denver Journal of International Law Policy. – 1995. – 24. – 109 – 144 pp.

3. Ruston G. On the Origin of Trademarks / Gerald Ruston // The Trade-Mark Reporter. – 1955. – 45. – 127-144 pp.

4. Carson A. Economy of the Unlost / Anne Carson // Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. – 166 pp.

5. Казанский А. Данте. Демистификация. Долгая дорога домой: [Том 4] / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://books.google.com.ua/books?id=66XGBwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=uk#v=onepage&q&f=false>.

6. Pani M. Storia romana. Dalle origini alla tarda antichità / Elisabetta Todisco, Mario Pani, Elisabetta Todisco. – Carocci, Manuali universitari, 2008. – 427 p.

7. Masterson S. Copyright: History and Development / S. Masterson // California Law Review. – 28. – №. 5 (July). – 620-632 pp.

8. Ploman, Edward W. Copyright: Intellectual Property in the Information Age / Edward W. Ploman Hamilton, L.Clark. – Routledge & Kegan Paul Books, 1980. – 248 p.

9. Vukmir M. The Roots of Anglo-American Intellectual Property Law in Roman Law / Mladen Vukmir // IDEA—The Journal of Law and Technology. – 32 (no. 2). – 123-154 pp.

10. Prager Frank D. A History of Intellectual Property from 1545 to 1787 / Frank D. Prager // Journal of the Patent Office Society. – 1944. – 26 (no. 11, November). – 711-760 pp.

11. The History of Patents / [Electronic Resource] – Access mode: <https://www.patentoffice.ie/en/Student-Zone/Posters-and-Publications/01-History-of-Patents-in-Europe.pdf>

12. Popplow M. Protection and Promotion: Privileges for Inventions and Books of Machines in the Early Modern Period / Marcus Popplow. – History of Technology 20. – 103-124 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенюта Вероника Александровна – судья Деснянского районного суда г. Киева

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Seniuta Veronika Aleksandrovna – Judge of Desnianskyi District Court of Kyiv

senyuta.v.judge@gmail.com



УДК 343.214

ВИДЫ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ УКРАИНЫ

Анна СОХИКЯН,

соискатель кафедры уголовного права № 1
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Аннотация

Статья посвящена исследованию видов уголовных законов Украины. Используя системный метод исследования, автор выделил исчерпывающий перечень законов, в которых содержится уголовно-правовая норма. Рассмотрены проблемы бланкетных диспозиций, а также исследована система мер уголовно-правового характера. Определено место закона Украины «О пробации» и закона Украины «О применении амнистии в Украине».

Ключевые слова: виды уголовных законов, бланкетные диспозиции, меры уголовно-правового характера.

TYPES OF CRIMINAL LAWS OF UKRAINE

A. Sohikian,

Yaroslav Mudryi National Law University

Summary

The article is devoted to research of types of criminal laws of Ukraine. The author singled out an exhaustive list of laws that contain a criminal rule of law using the systematic method of research. It was considered each of them. The author considered the problems of blanket dispositions, the system of criminal law measures. It was identified the place of some criminal laws of Ukraine such as "About probation" and "About application of amnesty in Ukraine" in the criminal law as a whole.

Key words: types of criminal laws, blanket dispositions, system of criminal law measures.

Постановка проблемы. В современной литературе под термином «уголовный закон» многие учёные понимают не только единый кодифицированный акт, но и нормы уголовно-правового характера, содержащиеся в иных законах. Поддерживая данный подход, обратим внимание на ряд возникающих в связи с этим вопросов. Так, в данном контексте актуальным вопросом является правовая природа законов, содержащих уголовно-правовую норму, место бланкетных диспозиций в уголовном праве, правовая природа законов, которые по содержанию являются уголовно-правовыми. Решению этих вопросов и посвящена данная статья.

Актуальность темы. С учётом изложенного актуальность заключается в необходимости исследования видов уголовных законов для определения перспектив его влияния на ряд смежных вопросов.

Целью и задачей статьи является исследование законов, содержащих уголовно-правовую норму. Определение среди них законов, которые можно считать уголовными.

Изложение основного материала. Известно, что основными институтами уголовного права являются институт

преступления и уголовной ответственности. Вокруг этих двух институтов строятся все предписания как Общей, так и Особенной частей уголовного законодательства, более того – все остальные институты уголовного права являются субинститутами преступления или уголовной ответственности. В связи с этим иногда утверждается, что преступление и уголовная ответственность могут претендовать на статус сверхинститутов или даже подотраслей в уголовном праве [1, с. 257]. Справедливо утверждает Н.И. Панов, что категория «уголовная ответственность» выполняет важную интеграционную функцию в уголовном праве и законодательстве, сочетая (объединяя) Общую и Особенную части, превращая их нормы и институты на органически взаимосвязанные и взаимодополняющие структурные элементы единой и целостной системы уголовного права как самостоятельной отрасли права [2, с. 45].

Принимая во внимание такой взгляд на уголовное право, отметим, что, действительно, на протяжении веков прослеживается дуалистический характер уголовного права, который заключается в наличии двух взаимосвязанных явлений – *преступления и*

уголовно-правовых последствий, или иных мер уголовно-правового характера. Отметим, что в данном контексте справедливо говорить об уголовно-правовых последствиях, поскольку эта категория является более широкой. Так, уголовно-правовые последствия охватывают собой и уголовную ответственность, можно утверждать, что указанные категории будут соотноситься как общее и частное.

В историческом аспекте все институты уголовного права базируются на определении деяний преступными и применении к лицам, их совершившим, уголовно-правовых последствий в виде уголовной ответственности или иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, можно сделать вывод о том, что все институты уголовного права строятся вокруг признания преступности деяний (соучастие в преступлении, неоконченное преступление, повторность, совокупность, рецидив преступлений и др.) и определения уголовно-правовых последствий (наказание, судимость и т.д.), а также других мер уголовно-правового характера.

Если же обратить внимание на конструирование самой нормы уголовного права, то в ней также усматривается дуалистический характер



уголовного права. Так, одна ее часть, как правило, определяет, какое деяние является преступным (например, ч. 1 ст. 115 УК Украины – убийство, то есть умышленное противоправное причинение смерти другому человеку), а другая часть (наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет) – уголовно-правовые последствия или иные меры уголовно-правового характера.

Вышеупомянутое отображается и в определении предмета уголовного права. Учитывая его различные интерпретации в рамках теоретических конструкций правопонимания, сосредоточим внимание на определении, предложенном Н.В. Генрих. По её мнению, предметом уголовного права могут быть только те общественные отношения, которые возникают в связи с совершением преступления, уголовное право организует и упорядочивает такие отношения, что гарантирует право на свободу, безопасность и справедливость [3, с. 70]. Х. Л. А. Харг отмечал, что социальная функция, которую выполняет уголовный закон, состоит в установлении и определении определенных видов поведения, которые являются преступлениями и ответственности за них [4, с. 34]. Таким образом, реализация норм уголовного права начинается с совершения лицом общественно опасного деяния (действия или бездействия), содержащего в себе признаки состава преступления.

С точки зрения своей социальной сущности преступление представляет собой один из видов преобразовательной деятельности человека, поскольку, совершая преступление, субъект осуществляет в объекте определенные деструктивные изменения, создает своей деятельностью предпосылки для таких изменений [5, с. 5]. Преступление является ключевым, основополагающим понятием уголовного права, по своему уголовно-правовому содержанию отражает социальную сущность действующего законодательства, его основных институтов, а также государственную политику в сфере борьбы с преступностью [6, с. 5]. В современной теории уголовного права исследованием проблем преступления и его признаков занимаются такие ученые, как Р.В. Вереща, П.А. Воробей, А.Э. Жалинский, М.И. Коржавский, П.С. Матышев-

ский, Н.И. Мельник, А.В. Микитчик, А.В. Савченко, Н.И. Хавронюк и другие.

Согласно ч. 3 ст. 3 Уголовного кодекса Украины преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Согласно п. 22 ст. 92 Конституции Украины исключительно законами Украины определяются деяния, являющиеся преступлениями. Анализируя предписания действующего законодательства, можно сделать вывод, что только уголовным законом определяется преступность деяния, уголовно-правовые последствия и иные меры уголовно-правового характера. Уголовным законом является такой закон, который содержит уголовно-правовые предписания. Заметим, что закон будет уголовным только в той части, в которой содержатся соответствующие уголовно-правовые предписания.

Учитывая особенность законодательной конструкции, отметим, что в уголовном праве существует ряд норм, которые способны, по своему содержанию, отсылать к предписаниям иного отраслевого законодательства. Такие нормы в научной литературе принято называть бланкетными.

В теории уголовного права не существует единого мнения относительно определения понятия бланкетных диспозиций, при этом возникает вопрос, определяет ли бланкетная диспозиция признаки преступления или же она их только уточняет, конкретизирует, при этом отсылая к другим отраслевым нормам [7, с. 32].

Общепринятым является мнение, согласно которому бланкетная диспозиция называет преступление [8, с. 207], а признаки его состав могут быть определены только путем обращения к законам или другим нормативным актам, относящимся к другим отраслям законодательства [9, с. 49]. В ходе исследования теоретических проблем уголовно-правовой квалификации В.А. Навроцкий отметил, что такие нормы в уголовно-правовой регламентации общественных отношений играют вспомогательную роль. Они применяются постольку, поскольку это предусмотрено уголовно-правовой нормой, не самостоятельно, а только рядом с нормой уголовного закона [10, с. 64].

Г.З. Яремко провела комплексное монографическое исследование проблемы бланкетных диспозиций в статьях уголовного закона. Она считает, что бланкетная диспозиция в статье Особенной части УК Украины – это структурный элемент уголовно-правовой нормы, непосредственно только абстрактно называющий или описывающий отдельные признаки состава преступления. Иное отраслевое нормативное предписание, к которому отсылает диспозиция в статье уголовного закона, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, а является лишь конкретизацией [7, с. 34, 44, 45].

Сущность бланкетных диспозиций сводится к тому, что отсылая к определенному отраслевому законодательству, она не влияет никак на сущность отношений, регулируемых отраслевым законодательством. Однако отношения, регулируемые отраслевым законодательством, в зависимости от социальных, экономических, политических условий более склонны к динамическим процессам изменений. Поэтому его предписания способны изменять объем уголовно-правовой нормы. Примером служат многократные изменения налогового законодательства, правил дорожного движения и тому подобное. Следовательно, при таких изменениях происходит и изменение содержания уголовного закона. Таким образом, считаем невозможным предписание отраслевого законодательства, к которым отсылают бланкетные диспозиции, считать нормами уголовного права. В случае наличия бланкетных норм только предписание уголовного права кодекса является источником права.

Касательно уголовно-правовых последствий, которые могут заключаться в применении уголовной ответственности, или иных мер уголовно-правового характера или освобождения от них, отметим следующее. Законодательная конструкция имеет определенный статический инструментальный аппарат, который именуется *мерами уголовно-правового характера*. К таким мерам относят уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера. Составными элементами уголовной ответственности, согласно этой конструкции, являются наказание, меры, применяемые вместо наказания при условном освобождении



от него (ст. 76 УК Украины, закон Украины «О пробации»), и судимость.

В свою очередь, составными элементами иных мер уголовно-правового характера являются иные меры уголовно-правового характера для физических лиц (принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного характера, принудительное лечение, специальная конфискация) и иные меры уголовно-правового характера для юридических лиц (штраф, ликвидация, конфискация имущества).

Динамизм указанной системной конструкции уголовно-правовых последствий совершения преступления заключается в возложении (применении) уголовной ответственности или освобождении от уголовной ответственности. *Возложение (применение) уголовной ответственности на лицо, совершившее преступление*, может осуществляться с применением иных мер уголовно-правового характера или без их применения. Более сложную структуру имеет возложение (применение) уголовной ответственности без применения иных мер уголовно-правового характера. Так, к последней относятся *осуждение без назначения наказания (с освобождением от его назначения)*, которое может сочетаться с такими другими мерами уголовно-правового характера для физических и юридических лиц как специальная конфискация, принудительные меры воспитательного характера, принудительные меры медицинского характера, ликвидация, штраф, конфискация; *осуждение с назначением наказания, но освобождением от его отбывания с испытанием*, которое, в свою очередь, может сочетаться со специальной конфискацией, ликвидацией, штрафом и конфискацией; *осуждение с назначением наказания, но освобождением от его отбывания без испытания*, которое может сочетаться со специальной конфискацией, принудительными мерами медицинского характера, ликвидацией, штрафом и конфискацией и, наконец, *осуждение с назначением и отбыванием наказания*, которое может сочетаться со специальной конфискацией, принудительным лечением, ликвидацией, штрафом и конфискацией.

Рассмотрев статический и динамический аспекты уголовно-правовых

последствий совершения преступления, остановимся на уголовной ответственности. Действующий УК Украины не содержит единого базового понятия уголовной ответственности. Существует множество определений понятия уголовной ответственности.

Не вдаваясь пока в детальный анализ всех подходов к определению уголовной ответственности, поскольку это выходит за пределы предмета нашего исследования, считаем необходимым согласиться с позицией Ю.В. Баулина и Ю.А. Пономаренко, которые под уголовной ответственностью понимают предусмотренные уголовным законом ограничения в реализации прав и свобод личности за совершение им уголовного преступления [1].

Исходя из такого широкого понимания уголовной ответственности, считаем необходимым осветить составляющие элементы ее содержания. Так, под последними мы понимаем наказание, меры, применяемые вместо наказания при условном освобождении от него (ст. 76 УК Украины, закон Украины «О пробации»), и судимость.

В соответствии со статьей 50 Уголовного кодекса Украины наказанием является мера принуждения, применяемая от имени государства по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осужденного. Виды, порядок назначения и размер наказания определяются только в Уголовном кодексе Украины. Ни один нормативно-правовой акт, кроме Уголовного кодекса Украины, не регулирует такой уголовно-правовой институт как наказание.

Уголовный кодекс Украины предусматривает наряду с видами наказаний без изоляции от общества осужденных институты, основанные на испытательном сроке для сравнительно менее опасных преступников в условиях их освобождения от отбывания наказания. Так, в соответствии со ст. 75 УК, если суд при назначении наказания в виде исправительных работ, служебных ограничений для военнослужащих, ограничений свободы, а также лишение свободы на срок не более пяти лет учитывая тяжесть преступления, личность виновного и другие обстоятельства дела, приходит к выводу о

возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он может принять решение об освобождении от отбывания наказания с испытанием. В этом случае суд принимает решение освободить осужденного от отбывания наказания, если он в течение определенного судом испытательного срока не совершит нового преступления и выполнит возложенные на него обязанности. УК Украины предусмотрены такие разновидности системы испытания несовершеннолетних осужденных, как освобождение от отбывания наказания с испытанием или с применением принудительных мер воспитательного характера (статьи 75, 105 УК Украины).

Отдельное место среди мер, применяемых вместо наказания при условном освобождении от него, занимает закон Украины «О пробации». Учитывая опыт иностранных государств, пробация – институт используемый в двух значениях: 1) вид наказания; 2) специальная служба. Указанный институт активно используется в таких странах, как США, Великобритания, Латвия, Грузия, Дания, Финляндия и Норвегия. Цель закона заключается в обеспечении безопасности общества путем исправления осужденных, предупреждения совершения ими повторных преступлений и обеспечения суда информацией, характеризующей обвиняемых, с целью принятия судом решения о мере их ответственности. Так, закон определяет 4 вида пробации: это досудебная пробация, наблюдательная пробация, пенитенциарная пробация и отдельно пробация в отношении несовершеннолетних лиц. Параллельно с исполнением наказаний служба пробации в Украине занимается вопросами исправления и ресоциализации осужденных. Итак, по своей правовой природе этот закон в той части, в которой он предусматривает правоограничение за совершённое преступление, является уголовно-правовым.

Под судимостью следует понимать предусмотренное нормативно-правовыми актами ограничение прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления по обвинительному приговору суда. Такое ограничение прав и свобод имеет темпоральное ограничение, определенное законом. Так, лицо признается имеющим судимость со дня вступления в



законную силу обвинительного приговора суда и до погашения или снятия судимости. Законодательное определение такого понятия отсутствует. В соответствии со ст. 88 УК Украины судимость имеет правовое значение в случае совершения нового преступления, а также в других случаях, предусмотренных законами Украины.

Отметим, что УК Украины регулирует и общие правовые последствия судимости. Но более конкретные последствия расписаны в отраслевых законах. Так, п. 1 ч. 2 ст. 6 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» предусмотрено, что не может быть адвокатом лицо, имеющее непогашенную или не снятую в установленном законом порядке судимость за совершение тяжкого, особо тяжкого преступления, а также преступления средней тяжести, за которое назначено наказание в виде лишения свободы.

Таким образом, общеправовые последствия судимости заключаются в частичном ограничении прав и свобод лица, имеющего судимость, и могут содержаться, как правило, в предписаниях отраслевого законодательства. Всего насчитывается около 200 законов, которые содержат соответствующие уголовно-правовые предписания.

В рамках динамических уголовно-правовых последствий совершения преступления, а именно осуждения с назначением наказания, но освобождением от его без испытания, следует рассмотреть, такой уголовно-правовой институт, как «амнистия». Отметим, что законодательное определение амнистии отсутствует. Согласно ч. 1 ст. 86 УК Украины амнистия объявляется законом Украины относительно определенной категории лиц. Ч. 2 этой же статьи содержит банкетное предписание, отсылая нас к специальному закону Украины «О применении амнистии в Украине», которым определяются основания применения к определенной категории лиц амнистии.

В силу предписаний ч. 3 ст. 92 Конституции Украины амнистия объявляется специальным законом, который принимается Верховной Радой Украины. Амнистия представляет собой полное или частичное освобождение от уголовной ответственности и наказания определенной категории лиц, виновных в совершении преступления. Сам Закон носит нор-

мативный характер и является одним из условий освобождения конкретных категорий лиц от наказания, замены наказания или неотбытой его части более мягким наказанием. Поскольку отношения, которые регулирует данный Закон, являются уголовно-правовыми, то и Закон можно считать уголовно-правовым.

В рамках уголовно-правовых последствий совершения преступления, а именно осуждения с назначением наказания, но освобождением от его без испытания, также следует обратить внимание на ч. 3 ст. 37 Уголовно-исполнительного кодекса Украины, согласно которой в отношении лица, после принятия судебного решения признанного инвалидом первой или второй группы или достигшего пенсионного возраста, а также женщины, которая стала беременной, уполномоченный орган по вопросам пробации направляет в суд представление об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания. Согласно ч. 6 ст. 42 этого же кодекса в отношении женщины, которая стала беременной, уполномоченный орган по вопросам пробации вносит представление в суд о ее досрочном освобождении от отбывания наказания. Нормы указанного закона являются сугубо материально-правовыми, следовательно, в этой части Кодекс содержит уголовно-правовое предписание.

Выводы. Изложенное позволяет сделать вывод, что уголовно-правовые отношения регулируются не только Уголовным кодексом Украины, но и предписаниями иных законов, которые являются уголовно-правовыми лишь в той части, в которой они регулируют соответствующие уголовно-правовые отношения. Такое понимание уголовного закона может быть использовано в качестве инструмента для дальнейшего исследования ряда смежных вопросов, а именно: проблем соотношения уголовного закона и уголовного законодательства; иерархических взаимосвязей уголовного и иных законов; определения правил их действия во времени и пространстве и т.д.

Список использованной литературы:

1. Проблеми правової відповідальності / Ю.П. Битяк, Ю.Г. Барабаш, Л.М. Баранова та ін.; за

ред. В.Я. Тація, А.П. Гетьмана, В.І. Борисової. – Х. : Право, 2014. – 348 с.

2. Панов М.І. Кримінальна відповідальність та її підстава / М.І. Панов // Вісн. Нац. акад. прокуратури України. – 2010. – № 4. – С. 45–52.

3. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика: монография / Н.В. Генрих. – М: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 416 с.

4. Харт Х. Л. А. Концепция права / Пер. з англ. Н. Комарова. – К. : Сфера, 1998. – 231 с.

5. Марцев А.И. Преступление как социальное явление / А.И. Марцев // Современные проблемы правовой теории и практики: Сб. научн. тр. – Омск : Омский юридический институт МВД России, 1997. – С. 5–13.

6. Микитчик О.В. Злочин як соціальне явище: філософсько-правовий аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.12) / НАКСУ. – К., 2002. – 16 с.

7. Яремко Г.З. Банкетні диспозиції в статтях Особливої частини Кримінального кодексу України / Г.З. Яремко. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2011. – 432 с.

8. Навроцький В.О. Теоретичні проблеми кримінально-правової кваліфікації / В.О. Навроцький. – К. : Атіка, 1999. – 418 с.

9. Энциклопедия уголовного права: Т. 2: Уголовный закон / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. – 848 с.

10. Навроцький В.О. Основи кримінально-правової кваліфікації. – 2-ге вид. / В.О. Навроцький. – К. : Юрінком Інтер, 2009. – 512 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сохикян Анна Суреновна – соискатель кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sohikian Anna Surenovna – Degree Seeking Applicant at Department of Criminal Law № 1 of Yaroslav Mudryi National Law University

anna.sohikyan.91@mail.ru



УДК 343.6

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Елена СТАНКЕВИЧ,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о целесообразности признания медицинских работников специальными субъектами преступления, состав которого предусмотрен ст. 321-1 Уголовного кодекса Украины. Автором исследуются положения Конвенции MEDICRIME, касающиеся отягчающих обстоятельств, которые могут быть приняты во внимание при определении санкции за преступления, связанные с фальсификацией лекарственных средств, в соотношении с нормами специального законодательства Украины в сфере здравоохранения. В статье проводится анализ нормативно-правового понимания и толкования понятий «медицинский работник», «фармацевт», «провизор», «производитель лекарственных средств» и «поставщик лекарственных средств» с целью определения взаимосвязи между профессиональными навыками работника медицинской отрасли и совершением фальсификации лекарственных средств или обращения фальсифицированных лекарственных средств.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, медицинский работник, фармацевт, провизор, производитель лекарственных средств, поставщик лекарственных средств, обращение лекарственных средств, фармацевтическая деятельность, профессиональные навыки.

PROBLEM ISSUES OF RESEARCH OF THE SUBJECT OF COUNTERFEITING OF MEDICINES OR CIRCULATION OF COUNTERFEIT MEDICINES

E. Stankevich,

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Summary

The article addresses the expediency of recognizing medical workers as special subjects of crime, the corpus delicti of which is stipulated in Article 321-1 of the Criminal Code of Ukraine. The author has examined the provisions of the MEDICRIME Convention concerning the aggravating circumstances that may be taken into consideration in determining the sanctions for crimes related to counterfeit medicines in relation to norms of the special legislation of Ukraine on Health Care. The article analyzes the regulatory understanding and interpretation of the notions «medical worker», «pharmacist», «drug manufacturer» and «drug supplier» to determine the relationship between the professional characteristics of the medical worker and manufacturing or trafficking in counterfeits.

Key words: special subject of crime, medical worker, pharmacist, drug manufacturer, drug supplier, turnover of medicines, pharmaceutical activities, professional skills.

Постановка проблемы. Согласно обязательным требованиям к осуществлению деятельности по производству и реализации лекарственных средств субъекты такой деятельности, среди прочего, должны иметь квалифицированный персонал, что предусматривает, в частности, наличие у лиц, которые непосредственно занимаются изготовлением, розничной и/или оптовой торговлей лекарственными средствами соответствующего специального образования. Сбыт фальсифицированных лекарственных средств совершается, как правило, через рынок легальной фармацевтической продукции, поэтому совершение преступления, предусмотренного ст. 321-1 Уголовного кодекса Украины, непосредственно связано с професси-

ональной деятельностью отдельных специалистов в сфере здравоохранения.

Актуальность и состояние исследования. Актуальность темы исследования обусловлена результатами изучения отечественной судебной практики, которая свидетельствует, что к фальсификации лекарственных средств или обращению фальсифицированных лекарственных средств довольно часто причастны работники фармацевтической отрасли. Объем научных работ по данной проблематике достаточно незначительный, однако вопрос о целесообразности признания специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 321-1 Уголовного кодекса Украины, лиц, обладающих определенными профессиональными навы-

ками, уже поднимался такими учеными, как Г.В. Почкун, И.А. Коваленко, В.Н. Мельничук, О.Б. Панькевич и др.

Задачей нашей статьи является исследование взаимосвязи между профессиональной квалификацией работника медицинской отрасли и совершением фальсификации лекарственных средств или обращения фальсифицированных лекарственных средств с целью определения обоснованности предложений о необходимости внесения изменений в субъектный состав преступления, предусмотренного ст. 321-1 Уголовного кодекса Украины.

Изложение основного материала. Исследуя вопрос субъекта преступления, предусмотренного ст. 321-1 Уголовного кодекса Украины (УК Украины), прежде всего, стоит отметить,



что субъект фальсификации лекарственных средств (ЛС) или обращения фальсифицированных лекарственных средств (ФЛС) является общим, то есть любое физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

В то же время некоторые отечественные ученые ставят вопрос о необходимости определения фармацевта/провизора специальным субъектом этого преступления.

По мнению Г.В. Почкун, в определенных случаях привлечения лица к уголовной ответственности за совершение фальсификации ЛС или обращения ФЛС речь может идти только о специальном субъекте. Таким субъектом может быть работник аптеки или иного учреждения здравоохранения, который занимается реализацией ФЛС, или руководитель фирмы-поставщика ЛС, который умышленно закупает либо хранит ФЛС [1, с.139].

И.А. Коваленко, в свою очередь, считает необходимым внести изменения в ст. 321-1 УК Украины и признать субъектом этого преступления специального субъекта. Судебная практика по уголовным производствам, начатым за указанные уголовные правонарушения, свидетельствует, что организатором совершения данного преступления чаще всего является лицо с медицинским образованием (врачи, фармацевты и т.д.). Поэтому, по мнению И.А. Коваленко, УК Украины следует дополнить специальной нормой, предусматривающей повышенную уголовную ответственность таких лиц [2, с.181].

Аналогичной позиции придерживается и В.М. Мельничук. В обоснование своей точки зрения автор приводит статистические показатели, согласно которым в 51 зарегистрированном уголовном производстве по 75 совершенных преступлениях, предусмотренных ст. 321-1 УК Украины, 37 лиц (69%) имели медицинское образование, что значительно повышает степень осознание указанной категорией лиц опасности изготовления и распространения фальсифицированных лекарственных средств [3, с.111].

С целью всестороннего исследования обозначенного вопроса мы обратимся к положениям Конвенции Совета Европы «О борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожаю-

щими здоровью населения» (Конвенция MEDICRIME), которые непосредственно касаются возможностей отягчения наказания за преступления, связанные с фальсификацией лекарственных средств. Исходя из содержания ст. 13 Конвенции MEDICRIME, отягчающими обстоятельствами, указывающими на особенности субъекта преступления, могут рассматриваться случаи, когда:

1) правонарушение совершено лицами, злоупотребившими доверием, оказанным им в связи с их профессиональной деятельностью;

2) правонарушение совершено лицами, злоупотребившими доверием, оказанным им как производителям или поставщикам [4].

Проанализируем более детально каждый из указанных случаев в пределах ст. 321-1 УК Украины:

1) лицо, совершающее преступные действия, злоупотребляя доверием, оказанным ему в связи с его профессиональными навыками.

В соответствии с положениями ст.74 Закона Украины «Основы законодательства Украины о здравоохранении» медицинской и фармацевтической деятельностью могут заниматься лица, которые имеют специальное образование и соответствуют единым квалификационным требованиям [5].

Согласно Этическому кодексу врача Украины врач (медицинский работник) – это специалист-профессионал, который на основании полученных знаний и освоенных умений наделен необходимыми полномочиями (т.е. сертифицирован в соответствии с действующим законодательством Украины) для осуществления деятельности в сфере здравоохранения [6].

Более детальное определение понятия «медицинский работник» предлагает И.М. Щукин: «Под медицинским работником необходимо понимать физическое лицо (гражданина Украины или иностранца), которое получило высшее, среднее медицинское или фармацевтическое образование и прошло дальнейшую специальную подготовку или переподготовку, отвечает единым квалификационным требованиям, что подтверждается действующими документами (сертификатом специалиста), приняло на себя этические обязательства знать и исполнять требования

медицинской деонтологии и заключило трудовой договор с лицензированным медицинским учреждением на осуществление медицинской деятельности». К медицинским работникам И.М. Щукин относит врачей, фармацевтов, провизоров и средний медицинский персонал, уточняя, что лицо наделяется статусом медицинского работника, если оно фактически выполняет профессиональные обязанности, соответствующие его медицинской специальности [7].

Системный анализ нормативно-правовой базы Украины в сфере здравоохранения дает возможность установить тех профессионалов медицинской отрасли, функциональные обязанности которых напрямую связаны с обращением лекарственных средств.

Субъекты этой деятельности определяются по трем критериям:

1) по должности (среди руководителей):

– заведующий аптекой (аптечным складом), который организует эффективную деятельность аптечного учреждения (аптеки, аптечного магазина и т.д.); организует и контролирует обеспечение населения, лечебно-профилактических учреждений и других оптовых покупателей лекарственными средствами, товарами медицинского назначения;

– заведующий аптечной базой, который обеспечивает лекарственными средствами и другими товарами медицинского назначения аптечные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, других оптовых покупателей; проводит экспортно-импортные операции по международным правилам торговли медицинскими товарами;

– заведующий отделом (аптеки, базы), который организует работу отдела по обеспечению населения и оптовых покупателей лекарственными средствами и медицинскими товарами, подлежащими отпуску со структурного подразделения; контролирует наличие в отделе необходимого ассортимента фармацевтических товаров и медицинских изделий в соответствии с утвержденными нормативами;

2) по специализации (среди профессионалов в области фармации):

– провизор, который обеспечивает население и лечебно-профилактические учреждения лекарственными



средствами и другими товарами медицинского назначения; обеспечивает надлежащую фармацевтическую опеку больных при отпуске безрецептурных лекарственных препаратов; производит и контролирует качество лекарственных средств и полуфабрикатов;

– провизор-аналитик, который осуществляет качественный и количественный анализ лекарственных средств промышленного и аптечного производства с учетом требований нормативно-технической документации; комплектует заказы отделов и учреждений, отпускает лекарства и контролирует правильность оформления прописей для индивидуального производства лекарств; контролирует качество лекарств, изготовленных по экстермпоральной рецептуре; ведет текущую и отчетную документацию;

– провизор клинический, который вместе с врачом осуществляет подбор лекарств и определяет их индивидуальную дозировку для больных в зависимости от возраста, пола, основного заболевания и сопутствующей патологии; определяет режим введения лекарственных препаратов конкретным больным; прогнозирует возможные осложнения при одновременном использовании нескольких препаратов; подбирает наиболее эффективные и наименее токсичные комбинации лекарств определенной фармакологической группы; определяет аналоги импортным препаратам такого же действия и их сравнительную стоимость, повышая эффективность и экономичность фармакотерапии; обеспечивает необходимый ассортимент и формирование формуляра лекарственных препаратов, а также контакты с аптечными учреждениями для своевременного приобретения их лечебно-профилактическим учреждением;

3) по специальности:

– фармацевт, который организует работу отдела безрецептурного отпуска лекарств. Принимает и реализует лекарственные средства, подлежащие отпуску без рецептов в соответствии с действующим законодательством, а также товары медицинского назначения, минеральную воду и тому подобное. Изготавливает лекарственные формы по индивидуальным рецептам [8].

В Лицензионных условиях осуществления хозяйственной деятель-

ности по производству лекарственных средств, оптовой и розничной торговли лекарственными средствами (Лицензионные условия) закреплены квалификационные требования к персоналу, который непосредственно осуществляет оптовую торговлю лекарственными средствами, производство (изготовление) ЛС в условиях аптеки, розничную торговлю ЛС. Такие лица должны иметь:

1) документ о высшем образовании не ниже первого (бакалаврского) уровня по специальности «Фармация»;

2) для специалистов с высшим образованием не ниже второго (магистерского) уровня – сертификат провизора-специалиста, выданный учреждением последиplomного образования, или удостоверение о присвоении (подтверждении) соответствующей квалификационной категории.

Указанное требование не распространяется на работников аптечных складов (баз), осуществляющих отбор, комплектацию и упаковку заказов. Эти работники должны проходить обучение на постоянной основе в соответствии с их обязанностями и периодический медицинский осмотр.

Отпуск лекарственных средств могут осуществлять провизоры-специалисты, клинические провизоры и фармацевты с соблюдением требований законодательства [9].

Таким образом, для подтверждения своих профессиональных знаний и навыков лица, чья деятельность напрямую связана с торговлей лекарственными средствами, должны обязательно иметь фармацевтическое образование.

Купля-продажа лекарственных средств, согласно Лицензионным условиям, разрешена, за редким исключением, только через аптечные учреждения. Принимая во внимание, что фальсифицированные лекарственные средства находятся в обращении под видом оригинальных медицинских препаратов, местом сбыта ФЛС также являются аптеки и аптечные склады. Следовательно, лица, которые занимаются реализацией ФЛС, формально должны соответствовать требованиям, которые предусмотрены для субъектов, непосредственно осуществляющих оптовую и розничную торговлю ЛС. Конечный сбыт ФЛС базируется на доверии потребителя или покупа-

теля к профессиональным навыкам и знаниям субъекта, который отпускает ЛС, но без наличия документов, подтверждающих его квалификацию, вероятность оказания подобного доверия существенно сокращается.

2. Лицо, которое является производителем или поставщиком и совершает преступные действия, злоупотребляя доверием контрагента.

Лицензионные условия содержат следующее определение понятия «производитель лекарственных средств»: субъект хозяйствования, который осуществляет хотя бы один из этапов производства лекарственных средств и имеет лицензию на производство лекарственных средств. Субъект хозяйствования, согласно действующему законодательству Украины, – это юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности или физическое лицо, осуществляющее деятельность по производству, реализации, приобретению товаров, иную хозяйственную деятельность [10]. Согласно Закону Украины «О лицензировании видов хозяйственной деятельности» производство лекарственных средств относится к видам хозяйственной деятельности, которые подлежат лицензированию, поскольку их осуществление представляет угрозу нарушения прав, законных интересов граждан, жизни или здоровью человека, окружающей среде и /или безопасности государства [11]. Таким образом, производитель лекарственных средств – это юридическое лицо или физическое лицо – предприниматель, которое на основании лицензии, полученной в установленном законом порядке, осуществляет деятельность, связанную с серийным выпуском лекарственных средств.

Поставка ЛС – любая деятельность по обеспечению лекарственными средствами, их продаже или предоставлению дистрибьюторам, фармацевтам или лицам, имеющим разрешение поставлять лекарственные средства населению [12, с. 3]. Для обеспечения процесса, который гарантирует, что качество лекарственных средств сохраняется на всех участках цепи поставки от производителя до аптеки или лечебно-профилактического учреждения, Министерством здравоохранения Украины был принят и введен в действие



Стандарт «Руководство «Лекарственные средства. Надлежащая практика дистрибуции», нормы которого, среди прочего, предусматривают следующие требования к квалификации поставщиков: «Предприятия оптовой торговли должны получать лекарственные средства только от лиц, которые сами являются владельцами лицензии на оптовую торговлю или которые имеют лицензию на производство продукции, относящейся к делу ... Если предприятие по оптовой торговле получает лекарственные средства от другого предприятия оптовой торговли, следует убедиться, что поставщик придерживается принципов и правил надлежащей практики дистрибуции и имеет лицензию на оптовую торговлю...» [12, с. 15]. Таким образом, поставщиками ЛС являются субъекты хозяйствования, которые осуществляют производство ЛС или оптовую торговлю ЛС на основании соответствующей лицензии, полученной в порядке, предусмотренном действующим законодательством Украины.

Как отмечалось, для осуществления деятельности по производству ЛС или оптовой торговле ЛС субъект хозяйствования должен иметь квалифицированный персонал (п.п. 35, 146 Лицензионных условий). Наличие специального образования является обязательным для лиц, которые относятся к руководящему персоналу производителя, для заведующего аптечным учреждением и для уполномоченного лица субъекта хозяйствования. Таким образом, соответствующая квалификация необходима лицам, которые отвечают за соблюдение качественных показателей при производстве ЛС или непосредственно осуществляют оптовую (или розничную) торговлю ЛС.

Однако если речь идет о производстве или изготовлении ФЛС, то наличие профессиональных навыков у лиц, совершающих фальсификацию ЛС, следует рассматривать, по нашему мнению, как необходимое свойство субъекта этого преступления. Специальное образование является обязательным требованием для осуществления основных видов фармацевтической деятельности, поэтому, не обладая профессиональными знаниями и умениями, умышленно подделывать ЛС и реализовать его крайне сложно.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу об отсутствии объективной необходимости внесения изменений в субъектный состав фальсификации ЛС или обращения ФЛС путем отягчения уголовной ответственности фармацевтов, провизоров или других медицинских работников за совершение этого преступления. По нашему мнению, отсутствие необходимой квалификации и фармацевтического образования является обстоятельством, которое существенно ограничивает, а в отдельных случаях полностью исключает вероятность умышленного совершения лицом преступления, связанного с производством или обращением ФЛС.

Список использованной литературы:

1. Почкун Г.В. Кримінально-правова характеристика фальсифікації лікарських засобів або обігу фальсифікованих лікарських засобів / Г.В. Почкун // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2012. – № 2. – С. 132 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://nbuv.gov.ua/j-pdf/bmjju_2012_2_19.pdf.
2. Коваленко І.А. Фальсифікація лікарських засобів та обіг фальсифікованих лікарських засобів: склад злочину / І.А. Коваленко // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. Сер. : Юриспруденція. – 2014. – № 7. – С. 180–183.
3. Мельничук В.М. Суб'єктивні ознаки фальсифікації лікарських засобів / В.М. Мельничук // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. – Сер. : Юриспруденція. – 2014. – № 11. – Том 2. – С. 111–113.
4. Конвенція Ради Європи від 28.10.2011 року Про підроблення медичної продукції та подібні злочини, що загрожують охороні здоров'я [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_a91.
5. Закон України від 19.11.1992 року Основи законодавства України про охорону здоров'я [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2801-12/page>.
6. Етичний кодекс лікаря України від 27.09.2009 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/MOZ10661.html.

7. Щукін О.С. Правовий статус медичних працівників за трудовим законодавством України : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.05 «Трудове право; право соціального забезпечення». – Одеса, 2005. – 20 с.

8. Довідник кваліфікаційних характеристик професій працівників. Випуск 78 «Охорона здоров'я», затверджений Наказом МОЗ від 29.03.2002 року № 117 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.moz.gov.ua/ua/portal/dn_20020329_117.html.

9. Постанова КМУ від 30.11.2016 року № 929 Про затвердження Ліцензійних умов провадження господарської діяльності з виробництва лікарських засобів, оптової та роздрібної торгівлі лікарськими засобами, імпорту лікарських засобів (крім активних фармацевтичних інгредієнтів) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/929-2016-p>.

10. Закон України від 11.01.2001 року Про захист економічної конкуренції [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2210-14>.

11. Закон України від 02.03.2015 року Про ліцензування видів господарської діяльності [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/222-19>.

12. Настанова СТ-Н МОЗ України 42-5.0:2014 Лікарські засоби. Надлежащая практика дистрибуції – Київ: МОЗ України, 2014. – 41 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.moz.gov.ua/docfiles/dn_20140822_0593_dod1.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станкевич Елена Александровна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stankevich Elena Aleksandrovna – Postgraduate Student at Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv

sattyra@mail.ru



УДК 341.6

ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ В УКРАИНЕ

Станислав ТЕПЛЮК,

аспирант

Института государства и права имени В.М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

Аннотация

Статья определяет источники правового регулирования признания и предоставления разрешения на принудительные исполнение иностранных арбитражных решений в Украине, описывает его порядок, а также анализирует отдельные проблемы, возникающие при признании иностранных арбитражных решений в Украине. Сделан вывод о том, что внутреннее законодательство Украины содержит противоречивые нормы о языке, на который должны быть переведены документы, прилагаемые к ходатайству о признании и предоставлении разрешения на исполнение иностранного арбитражного решения. Во избежание проблем, которые могут возникнуть в связи с этим, рекомендуется переводить документы на украинский язык.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, Нью-Йоркская конвенция, Киевское соглашение, Гражданский процессуальный кодекс Украины.

THE ORDER OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRAL AWARDS IN UKRAINE

S. Tepluk,

V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine

Summary

The Paper determines the sources of legal regulation of the recognition and granting the permission for enforcement of foreign arbitral awards in Ukraine, describes the order of recognition and analyses some problems arising in the course of the recognition of the foreign arbitral award in Ukraine. It has been concluded that the internal legislation of Ukraine contains controversial rules as to the language into which the documents attached to the application for recognition and granting of the permission for the enforcement of the foreign arbitral award have to be translated. To avoid the problems that may arise in connection with this situation the documents are recommended to be translated into Ukrainian.

Key words: recognition and enforcement of foreign arbitral awards, New York Convention, Kyiv Agreement, Civil Procedure Code of Ukraine.

Постановка проблемы. Международный коммерческий арбитраж является популярным способом разрешения споров, возникающих из международных коммерческих контрактов. При этом многие решения международных коммерческих арбитражей выполняются проигравшей стороной добровольно. Однако нередкими являются случаи, когда последняя не выполняет решение, поэтому возникает необходимость в его принудительном исполнении. Принудительное исполнение, как правило, требует признания иностранного арбитражного решения (хотя существуют страны, в которых эта процедура не требуется) [1, с. 625].

Актуальность темы исследования. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений было предметом исследования А.Д. Крупчана, В.И. Кысиля, М.М. Мальского, Ю.В. Черняк и других украинских

ученых. Вместе с тем многие проблемы, которые возникают в связи с признанием и приведением иностранных арбитражных решений на территории Украины, остались нерешенными и требуют изучения.

Целью статьи является определение источников правового регулирования признания и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в Украине, его порядка, а также анализ отдельных проблем, возникающих при признании иностранных арбитражных решений в Украине.

Изложение основного материала исследования. В общих чертах признание арбитражного решения заключается в том, что сторона, выигравшая дело, обращается к компетентному органу страны, в которой она намерена исполнить решение (обычно таким органом является суд определенного государства) с тем, чтобы он признал решение обяза-

вающим проигравшую сторону [2, с. 5]. Таким образом, признание арбитражного решения придает ему законную силу [3, с. 107].

В принципе, некоторые арбитражные решения нуждаются только в признании, поскольку не требуют от проигравшей стороны выполнения определенных действий (например, решение о признании определенных прав). Признание как таковое используют как барьер против попыток инициировать другие процессы по вопросам, которые уже решены международным коммерческим арбитражем [3, с. 107].

Решения, требующие совершения определенных действий (например, возмещения убытков), конечно, нуждаются не только в признании, но и в исполнении, то есть «реализации с помощью доступных правовых рычагов» [3, с. 107]. Таким образом, если признание иностранного арбитражного реше-



ния является «шитом», то его исполнение считается «мечом» [3, с. 107].

В Украине признание и исполнение иностранных арбитражных решений регулируется международными договорами, а также нормами внутреннего законодательства Украины.

К международным договорам, применяемым в Украине, в качестве регуляторов признания и исполнения иностранных арбитражных решений, относятся Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенная в Нью-Йорке 10 июня 1958 (далее – Нью-Йоркская конвенция) [4], Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, заключенное 20 марта 1992 в Киеве (далее – Киевское соглашение) [5]. Кроме того, к ним можно отнести некоторые двусторонние договоры о правовой помощи. Например, п. «с» ст. 52 Договора между Украиной и Чешской Республикой о правовой помощи по гражданским делам предусматривает, что Украина и Чехия обязуются признавать и исполнять на своей территории решения арбитражных (третейских) судов Украины, решения арбитражных судов Чешской Республики [6].

На уровне внутреннего законодательства эти вопросы регулируются разделом VIII Закона Украины «О международном коммерческом арбитраже» от 24 февраля 1994 года № 4002 (далее – Закон «О МКА») [7] и разделом VIII Гражданского процессуального кодекса Украины от 18 марта 2004 г. № 1618 (далее – ГПК Украины) [8]. Кроме того, Закон Украины «О международном частном праве» от 23 июня 2005 года № 2709 [9] также содержит нормы, направленные на регулирование признания и исполнения иностранных арбитражных решений (которым, в частности, являются нормы ст. ст. 81, 82), однако по своей правовой природе они являются бланкетным и отсылают к «законам Украины».

Кроме того, следует обратить внимание на то, что украинские суды, признавая иностранные арбитражные решения, руководствуются документами Верховного Суда Украины (далее – ВСУ) и Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел (далее – ВССУ). В частности, речь идет о Постановлении ВСУ от 24 декабря 1999 года № 12 «О прак-

тике рассмотрения судами ходатайств о признании и исполнении решений иностранных судов и арбитражей и об отмене решений, вынесенных в порядке международного коммерческого арбитража на территории Украины» [10] и об информационном письме ВССУ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений Международного коммерческого арбитражного суда Украины при Торгово-промышленной палате Украины и о признании и исполнении решений международных и иностранных арбитражей» [11].

Хотя в современном праве Украины постановления Пленума ВСУ и тем более информационные письма ВССУ не имеют нормативного характера, тем не менее, суды, как правило, пользуются ими во рассмотрении споров и вынесения решений. Кроме того, суды Украины, признавая иностранные арбитражные решения, руководствуются правовыми заключениями ВСУ. Их правовая природа определяется ст. 360-7 ГПК Украины, которая в частности устанавливает обязательность правовых заключений ВСУ по применению нормы права для всех субъектов властных полномочий, применяющих в своей деятельности нормативно-правовой акт, содержащий соответствующую норму права. Кроме того, в силу этой статьи заключение о применении норм права, изложенное в постановлении ВСУ, должно учитываться другими судами общей юрисдикции при применении таких норм права. Суд вправе отступить от правовой позиции, изложенной в заключении ВСУ, с одновременным приведением соответствующих мотивов.

Стоит отметить, что упомянутые выше заключения ВСУ содержатся в постановлениях, принятых по результатам рассмотрения дел по основаниям: 1) неодинакового применения судом (судами) кассационной инстанции одних и тех же норм материального права, повлекшего принятие разных по содержанию судебных решений к похожим правоотношениям; 2) неодинакового применения судом кассационной инстанции одних и тех же норм процессуального права.

В контексте признания и исполнения иностранных арбитражных решений важным является Правовое заключение ВСУ по делу о предоставлении разрешения на принудительное исполнение решения Международного арбитражного

центра Федеральной палаты экономики Австрии о взыскании долга от 25 апреля 2014 [12].

В общем виде порядок признания иностранных арбитражных решений в Украине выглядит следующим образом. Сторона, намеренная признать иностранное арбитражное решение, подает в суд по месту жительства (пребывания) или местонахождения должника (если такого места нет или оно неизвестно – в суд по месту нахождения имущества должника) ходатайство о предоставлении разрешения на принудительное исполнение иностранного арбитражного решения. В силу ч. 2 ст. 35 ЗУ «О МКА» к ходатайству прилагается оригинал должным образом удостоверенного арбитражного решения или должным образом заверенную копию такового, а также оригинал арбитражного соглашения или его должным образом заверенную копию.

Статья 394 ГПК Украины предусматривает необходимость подачи дополнительных документов в определенных случаях. Так, если сторона, против которой вынесено решение, не принимала участия в арбитражном разбирательстве, то необходимо также предоставить документ о том, что она была должным образом уведомлена о времени и месте рассмотрения дела. При этом ГПК Украины не конкретизирует, какой именно документ может об этом свидетельствовать. В этом контексте интересна позиция украинских судов. Так, например, Коллегия судей судебной палаты по гражданским делам ВССУ в постановлении от 13 мая 2015 отмечает, что «вызов в судебное заседание может подтверждаться оригиналом или заверенной копией документа, с помощью которого должен был осуществляться вызов в соответствии с международным договором или законодательством государства, где рассматривалось дело» [13].

Кроме того, если арбитражное решение уже выполнялось ранее частично, необходимо приложить документ, который бы подтверждал это. Если ходатайство подается представителем, прилагается также документ, удостоверяющий полномочия представителя.

Необходимо также обратить внимание на определенную коллизию в нормах законодательства Украины относительно языка, на который должны быть переведены соответствующие документы. Так, ч. 2 ст. 35 ЗУ «О МКА» отмечает,



что «если арбитражное решение или соглашение изложены на иностранном языке, сторона должна представить должным образом заверенный перевод этих документов на украинский или русский язык». Вместе с тем п. 6 ч. 2 ст. 394 ГПК Украины устанавливает, что к ходатайству прилагается заверенный в соответствии с законодательством перевод документов на украинский язык или язык, предусмотренный международными договорами Украины.

Как отмечалось выше, международными договорами, регулируемыми признание и исполнение иностранных арбитражных решений в Украине, являются Нью-Йоркская конвенция и Киевское соглашение. Часть 2 ст. IV Нью-Йоркской конвенции устанавливает, что, если язык арбитражного решения или арбитражного соглашения отличается от официального языка страны, где испрашивается признание и приведение в исполнение такого решения, сторона, ходатайствующая о признании и приведении в исполнение решения, предоставляет перевод таких решений на этот язык.

То есть, согласно Нью-Йоркской конвенции, если сторона намерена признать и выполнить решение в Украине, документы должны быть переведены на украинский язык.

Вместе с тем необходимо помнить, что ст. VII Нью-Йоркской конвенции, определяющая порядок разрешения коллизий между ней и другими международными договорами о признании и исполнении арбитражных решений, заключенных договаривающимися государствами, а также между ней и законами страны, где испрашивается признание и исполнение, устанавливает приоритет других международных договоров по сравнению с ее собственными положениями. Кроме того, ст. VII Нью-Йоркской конвенции устанавливает, что ее положения не лишают заинтересованную сторону воспользоваться арбитражным решением в том порядке и в тех пределах, которые допускаются законом той страны, где испрашивается признание.

В связи с этим отметим, что Киевское соглашение не указывает, на каком языке должны подаваться документы для признания и исполнения арбитражного решения. Что касается законов Украины, то как было показано выше, они содержат противоречивые положения. При этом правила разрешения коллизий между

законами Украины в законодательстве не определены. Если использовать доктринальные подходы к решению таких противоречий, можно сделать разные выводы в зависимости от используемого принципа. Так, например, если руководствоваться принципом приоритета общей нормы над специальной, можно сделать вывод, что применению подлежат нормы ЗУ «О МКА», поскольку они являются специальными, а нормы ГПК Украины – общими. Следовательно, прилагаемые к ходатайству о признании иностранного арбитражного решения могут быть переведены как на украинский, так и на русский язык.

Однако если руководствоваться тем принципом, что приоритетной является норма, принятая позже, преимущество будут иметь нормы ГПК Украины. При таком подходе все прилагаемые к ходатайству должны быть переведены на украинский язык.

В связи с тем, что законодательство Украины содержит противоречивые нормы о возможности перевода документов, прилагаемых к ходатайству о признании и исполнении иностранного арбитражного решения, на русский язык, и неизвестно каким образом данная коллизия будет решена судом, рассматривающим вопрос о признании решения, на наш взгляд, целесообразнее переводить документы на украинский язык.

По общему правилу, установленному ст. 391 ГПК Украины, иностранное арбитражное решение может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение трех лет со дня вступления в законную силу. Если решение предусматривает взыскание периодических платежей, оно может быть представлено к принудительному исполнению в течение всего срока проведения взыскания, при этом, однако, сторона вправе требовать погашения задолженности только за последние три года. По результатам рассмотрения ходатайства суд может вынести решение о предоставлении разрешения на принудительное исполнение иностранного арбитражного решения или об отказе в удовлетворении такого ходатайства.

Выводы. Подытоживая, отметим, что вопрос признания и предоставления разрешений на исполнение иностранных арбитражных решений в Украине регулируется Нью-Йоркской конвенцией, Киевским соглашением, отдельными

двусторонними договорами о правовой помощи, ЗУ «О МКА», ГПК Украины. Важными также являются разъяснительные документы ВСУ и ВССУ, которые хотя и не являются обязательными, но широко применяются в судебной практике признания иностранных арбитражных решений и предоставления разрешения на их принудительное исполнение.

Внутреннее законодательство Украины содержит противоречивые нормы о языке, на который должны быть переведены документы, прилагаемые к ходатайству о признании и предоставлении разрешения на исполнение иностранного арбитражного решения.

Список использованной литературы:

1. Довгерт А.С., Кисиль В.І., Притика Ю.Д. Міжнародне приватне право: підручник / А.С. Довгерт, В.І. Кисиль, Ю.Д. Притика. – К.: Алерта, 2014. – 656 с.
2. Ihab Amro. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Theory and in Practice: A Comparative Study in Common Law and Civil Law Countries. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 197 p.
3. Teclé Hagos Bahta. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Civil and Commercial Matters in Ethiopia/MizanLawReview.–2011.–Vol.5.–Nr. 1. – P. 105.
4. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.uncitral.org/pdf/english/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-E.pdf>.
5. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/997_076.
6. Договір між Україною та Чеською Республікою про правову допомогу у цивільних справах, підписаний 28 травня 2001 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/203_018.
7. Закон України «Про міжнародний комерційний арбітраж» від 24 лютого 1994 року № 4002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/4002-12>.
8. Цивільний процесуальний кодекс України від 18 березня 2004 № 1618 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1618-15>.



9. Закон України «Про міжнародне приватне право» від 23 червня 2005 року № 2709. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2709-15>.

10. Постанова Пленуму Верховного Суду України від 24 грудня 1999 року № 12 «Про практику розгляду судами клопотань про визнання і виконання рішень іноземних судів і арбітражів і про скасування рішень, постановлених у порядку міжнародного комерційного арбітражу на території України» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v0012700-99>.

11. Інформаційний лист Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ від 11 грудня 2015 року «Про практику розгляду судами справ про оспорування рішень Міжнародного комерційного арбітражного суду України при Торгово-промисловій палаті України та про визнання та виконання рішень міжнародних та іноземних арбітражів» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : sc.gov.ua/.../Іформ.%20лист%20-%20в%20в%20суду%20по%20МКАС.doc.

12. Правовий висновок Верховного Суду України у справі про надання дозволу на примусове виконання рішення Міжнародного арбітражного центру Федеральної палати економіки Австрії про стягнення боргу від 25 квітня 2014 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : [http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/\(documents\)/B294D9C0DBD9147DC2257CC50048CFA6?OpenDocument&year=2014&month=04&](http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/(documents)/B294D9C0DBD9147DC2257CC50048CFA6?OpenDocument&year=2014&month=04&).

13. Ухвала колегії суддів Судової палати у цивільних справах Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ від 13 травня 2015 року. Справа № 6-46997св14 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/44216913>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теплюк Станислав Михайлович – аспирант Института государства и права имени В.М. Корецкого НАН Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tepluk Stanislav Mihailovich – Postgraduate Student of V. M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine

s.m.tepluk@gmail.com

УДК 342.9

ПРЕДЕЛЫ КОНТРОЛЯ ЗА АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УКРАИНЕ

Ирэна ФАЙНГОЛЬД,
аспирант

Межрегиональной Академии управления персоналом

Аннотация

Автор проводит научное исследование ограничивающих факторов, которые имеют место во время реализации управленческой компетенции субъектами контрольно-надзорной деятельности в сфере адвокатуры. Особое внимание уделяется недопустимости внешнего давления на адвокатскую деятельность, вмешательству в работу адвоката; соблюдению принципа конфиденциальности отношений защитника (представителя) и клиента; ситуациям правомерного разглашения адвокатской тайны. По результатам исследования пределов контроля за адвокатской деятельностью выделен ряд её особых характеристик, обусловленных спецификой адвокатской деятельности как объекта контроля.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, контроль, пределы контроля, конфиденциальность, адвокатская тайна.

LIMITS OF CONTROL OVER ADVOCACY IN UKRAINE

I. Faingold,

Interregional Academy of Personnel Management

Summary

The author conducts a scientific study of the limiting factors that occur during the implementation of managerial competence by the subjects of control and supervisory activities in the field of advocacy. Particular attention is paid to the inadmissibility of external pressure on advocacy, intervention in the work of a lawyer; Observance of the principle of confidentiality of the relations of the defender (representative) and the client; Situations of lawful disclosure of lawyer secrets. Based on the results of the study of the limits of control over advocacy, a number of its special characteristics have been identified, which are determined by the specifics of the advocacy activity as an object of control.

Key words: advocacy, control, limits of control, confidentiality, advocacy secrecy.

Постановка проблемы. Осуществление контрольно-надзорной деятельности, как и любого другого вида управления, предполагает определенные направления и пределов (границ) реализации властных полномочий. То есть контроль не осуществляется стихийно, а имеет четкую направленность, рамки и условия проведения. Важность всех этих элементов только дополнительно подчеркивается в контексте профессиональной деятельности защитника (представителя) юридического или физического лица. Присутствует неотъемлемая необходимость учета институциональной независимости адвокатуры при реализации управленческих полномочий субъектами контроля, соблюдения профессиональных гарантий адвокатов. В совокупности с необходимостью

обеспечения конфиденциальности отношений адвоката и клиента эти элементы формируют четкие рамки контрольной деятельности, выход за которые недопустим.

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные вопросы, связанные с исследованием порядка, механизма контроля за адвокатской деятельностью в Украине, рассматривались в работах таких ученых, как М.Ю. Барщевский, А.Ф. Молдаван, А.Д. Святоцкий, И.Я. Семенюк, Л.В. Таций, Д.П. Филевський, С.Я. Фурса, В.К. Шкарупа, О.Г. Яновская и др. В то же время основное внимание сосредоточено на вопросе правового режима адвокатской тайны. Практически отсутствуют системные исследования границ, объемов реализации управленческих



полномочий субъектов контрольно-надзорной деятельности, что имеет принципиальное значение в административно-правовом обеспечении этого процесса.

Цель статьи – изучение правовых норм, которые являются ограничивающими факторами в определении границ контроля за адвокатской деятельностью в Украине.

Изложение основного материала. Согласно правилам адвокатской этики принцип независимости и свободы адвоката в осуществлении профессиональной деятельности предусматривает его свободу от любого внешнего воздействия, давления или вмешательства, в частности со стороны государственных органов, политических партий, других адвокатов и тому подобное [1]. Фактически большинство элементов контроля и надзора сводятся к оценке действий адвоката в прошлом, то есть степень выполнения требований закона в сложившейся уже ситуации, которая может быть проанализирована в ретроспективном аспекте.

Что касается контроля за текущей профессиональной деятельностью, то он может иметь место лишь в части соблюдения требований законодательства о финансовом мониторинге. Субъект управления сопоставляет фактические действия (бездействие) адвоката с его обязанностями как субъекта первичного финансового мониторинга при юридическом сопровождении финансовых операций, договоров – в случаях, если есть основания полагать, что они являются подозрительными или такими, которые могут быть причастными к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. По результатам такого сопоставления приходит к выводу о наличии или отсутствии фактов нарушения требований законодательства.

Предоставление надлежащего уровня юридической помощи невозможно без существования доверительных отношений между адвокатом и клиентом, в целях обеспечения чего функционирует институт профессиональной тайны. Следовательно,

принцип конфиденциальности является одним из важнейших принципов, который имеет определяющее влияние на осуществление адвокатской профессии, на отношения между клиентом и адвокатом и адвоката с другими как физическими, так и юридическими лицами [2, с. 94].

Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» вопросу адвокатской тайны посвящает отдельную статью 22 с аналогичным названием. Пункт первый этой статьи закрепляет содержание тайны, то есть объем сведений, к ней относятся [3]. Конструкция правовой нормы предусматривает неисчерпаемый перечень конфиденциальных сведений – то есть указаны некоторые их разновидности, с последующим обобщенным уточнением о возможности отнесения другой информации, материалов, имеющих отношение к предоставлению юридической помощи. Вместе с тем практика правоприменения, в том числе периодическое попытки представителей государственной власти давать собственную трактовку содержания адвокатской тайны, формирует необходимость как можно более точного, расширенного и детального закрепления нормативных предписаний относительно предмета адвокатской тайны.

В данном аспекте можно вспомнить положения внесенного в Верховную Раду Украины проекта Закона о внесении изменений в Закон Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» и некоторые другие законодательные акты Украины (относительно статуса и гарантий адвокатской деятельности и формирования и работы органов адвокатского самоуправления) № 1794-1 от 04.02.2015 г. В частности, предлагается распространить конфиденциальный статус на информацию, хранящуюся на электронных носителях, электронную переписку адвоката, содержание телефонных разговоров с клиентом; уточняется содержание адвокатской тайны [4]. Стоит отметить, что данный проект закона рассматривался и был одобрен во время сессии адвокатов Украины 26-27 апреля 2014; следовательно, отражает интересы адвокатского сообщества.

Понятие информации, полученной адвокатом при осуществлении

профессиональной деятельности, включает довольно обширный массив сведений, из которого должны быть исключены общеизвестные факты или другие данные, находящиеся в свободном доступе. С системно-структурной точки зрения адвокатская тайна является тайной информации, что относится к информации с ограниченным доступом. В целях построения открытого общества, предотвращения ситуаций замалчивания важных вопросов жизни государства установлены определенные нормативные ограничения по отнесению определенных данных к информации с ограниченным доступом (пункт 4 статьи 21 Закона Украины «Об информации» [5]). Таким образом, даже если указанные выше сведения стали известны адвокату в процессе оказания юридической помощи, они не могут быть признаны конфиденциальными и не могут быть отнесены к адвокатской тайне.

Обязательным условием отнесения определенных сведений к адвокатской тайне является тот факт, что они должны быть доверены лицу (стали ему известны) в связи с предоставлением профессиональной юридической помощи. Суть этого правила заключается в необходимости дифференциации правового статуса адвоката и физического лица; ведь жизнь адвоката не ограничивается только работой – поэтому получение информации не при осуществлении адвокатской деятельности не создает правового режима адвокатской тайны.

Чрезвычайно сложным, как с точки зрения морально-этических, так и юридических основ, является вопрос возможности раскрытия третьим лицам сведений, которые относятся к адвокатской тайне. Соответственно, в науке юриспруденции представлено значительное количество мнений, гипотез, теоретических и практических обоснований как абсолютного, так и относительного характера адвокатской тайны. Во время отстаивания абсолютного характера адвокатской тайны О.Г Яновская акцентирует внимание на интересах правосудия, потребности соблюдения принципа состязательности судебного процесса, правовых и моральных аспектах



проблемы. В связи с чем приходит к выводу, что адвокат не может и не должен раскрывать никаких сведений, доверчиво сообщенных ему клиентом, то есть никаких границ в этом вопросе не может быть установлено [6, с. 104]. Однозначна и категорична позиция И.Л. Трунова и Л.К. Труновой в поставленной проблематике: невозможность разглашения адвокатской тайны ни при каких обстоятельствах является абсолютным правилом; следовательно, полемику стоит переносить исключительно в плоскость меры, степени ответственности адвоката за неисполнение этой обязанности [7, с. 18].

Соглашаясь с необходимостью минимизировать риски разглашения адвокатской тайны, не можем поддерживать абсолютный характер защиты сведений, входящих в ее состав. Ведь закрепление административными нормами отсутствия каких-либо исключений из правового режима секретности отношений адвоката и клиента фактически делает невозможным любой надзор в этой сфере (в том числе самой системой адвокатского самоуправления). К тому же, отсутствие юридической возможности у субъектов управления осуществлять контрольно-надзорную деятельность в ретроспективном аспекте также существенно усложняет обеспечение надлежащего качества предоставления юридической помощи как одной из конституционных гарантий прав человека. Поэтому вполне логично большинство ученых поддерживают концепцию относительного характера адвокатской тайны, то есть возможности ее разглашения при определенных обстоятельствах.

Исследуя данный вопрос, М.А. Подольный делает упор на логике общественной безопасности, которое заставляет под другим углом зрения взглянуть на соблюдение принципа конфиденциальности в отношении адвоката и клиента. Ученый доказывает, что адвокатская тайна не может быть абсолютной – должны обязательно оговариваться случаи и ситуации, когда адвокат должен сообщить полученные им сведения представителям государственной власти. В частности, сюда относятся случаи совершения или подготовки

к совершению таких преступлений, как террористическая деятельность, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем [8, с. 8]. Интересным является трактовка природы разглашения тайны, предложенная М.Ю. Барщевским. Ученый доказывает целесообразность вести в таком случае речь о ситуации «крайней необходимости» – когда неразглашении информации о преступлении, переданной адвокату клиентом, может повлечь тяжкие последствия для общества и государства, а адвокатура, как один из институтов гражданского общества, создана именно в его интересах и, соответственно, не может этими интересами поступиться [9, с. 63]. В любом случае, ключевое значение имеет внутренняя оценка полученной информации самым адвокатом на предмет установления признаков совершенного преступления (преступления, которое готовится) и возникновения юридической необходимости или морального обязательства как гражданина уведомить власти об известных ему фактах.

Активизация, концентрация научных дискуссий именно в этой плоскости в значительной степени обусловлена тем, что в Украине, в отличие от других стран, отсутствует законодательное регулирование данного вопроса. В качестве примера административного регулирования можно привести нормы законодательства США, где Модельные правила профессионального поведения предусматривают два основных случая разрешенного раскрытия конфиденциальной информации: 1) когда клиент предоставил на это информационное согласие; 2) по собственному усмотрению адвоката для достижения социально-полезного эффекта. Причем цели такого эффекта могут быть разными – сюда относится предотвращение вероятной смерти граждан, нанесение им существенных телесных повреждений; совершение мошенничества или других финансовых преступлений, которые могут причинить существенный вред финансовым интересам, собственности другого клиента, и т. д. [10]. Присутствие соответствующих обязательств разглашать адвокатскую тайну корреспондируется с административной компетенцией

определенных органов контролировать соблюдение выполнения этого обязательства. Соответственно, отсутствие в украинском законодательстве соответствующих обязывающих положений не допускает возможность как данного исключения из режима адвокатской тайны, так и проверки их соблюдения контролирующими субъектами.

Детальный анализ административного законодательства Украины, касающегося контроля за адвокатской деятельностью и правового режима адвокатской тайны, показал наличие связи между этими понятиями в контексте границ осуществления контроля. Это связь заключается в том, что в целях реализации управленческой компетенции субъектов контроля, законодательство предусматривает исключения из общего принципа конфиденциальности отношений адвоката и клиента. Практическая ценность этих исключений заключается в том, что создаются юридические предпосылки законного получения контролирующими органами информации, связанной с осуществлением адвокатской деятельностью.

Предполагается, что в случае предъявления клиентом требований к адвокату в связи с адвокатской деятельностью адвокат освобождается от обязанности сохранения адвокатской тайны в пределах, необходимых для защиты его прав и интересов. В таком случае суд, орган, осуществляющий дисциплинарное производство в отношении адвоката, другие органы или должностные лица, рассматривающие требования клиента к адвокату или которым стало известно о предъявлении таких требований, обязаны принять меры для предотвращения доступа посторонних лиц к адвокатской тайне и ее разглашения [3]. Это исключение имеет значение при осуществлении контроля за работой адвокатов региональными квалификационно-дисциплинарной комиссией адвокатуры, а также рассмотрении вопроса законности принятых указанными выше комиссиями решений Высшей квалификационно-дисциплинарной комиссией адвокатуры и судами административной юрисдикции.

Относительно выполнения требований финансового мониторинга и раскрытия адвокатской тайны в части



информации о подозрительных финансовых операциях клиента, то отечественный законодатель в данном случае выбрал несколько иную нормативную конструкцию правовой нормы, предусматривающей соответствующее исключение. Установлено, что представление адвокатом информации Госфинмониторинга не является нарушением адвокатской тайны и не может быть основанием дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности за такие действия. Так же стоит обратить внимание на то, что раскрытие конфиденциальной информации в целях финансового мониторинга является правом, а не обязанностью адвоката. То есть в том случае, когда выполнение обязанностей как субъекта финансового мониторинга пересекается с адвокатской тайной, адвокаты могут не уведомлять государство о своих подозрениях относительно действий клиента. Таким образом, границы контроля уполномоченных органов в этой сфере, хотя и предполагают возможность требовать предоставления объяснений, документов, проведения проверок и т.д. – но, по сути, практически полностью ограничены собственным волеизъявлением адвокатов, их внутренним, личным пониманием объема и необходимости сообщать государство о подозрительных финансовых операциях клиента.

Выводы. Проведенное нами исследование границ контроля за адвокатской деятельностью показало ряд особых характеристик, обусловленных спецификой адвокатской деятельности как объекта контроля. Во-первых, четкая определенность аспектов работы адвоката, которые могут проверяться уполномоченными субъектами. Во-вторых, ограниченность внешнего воздействия на адвокатскую деятельность, недопустимость вмешательства, указаний относительно текущего оказания юридической помощи, что обусловлено институциональной независимостью адвокатуры. В-третьих, необходимость учета того факта, что большинство информации, материалов, с которыми работает адвокат, относятся к адвокатской тайне и получают привилегию неразглашения; поэтому доступ к их содержанию или полностью запрещен, или зависит от

самого адвоката в качестве владельца соответствующей конфиденциальной информации.

Список использованной литературы:

1. Правила адвокатской этики: Утвержденные Учредительным съездом адвокатов Украины 17.11.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vkdk.org/pravil-advokatskoj-etiki/>.

2. Тацій Л.В. Юридична природа адвокатури в системі захисту прав і свобод людини і громадянина : дис. ... канд. юрид. наук : спец. – 12.00.01 / Л.В. Тацій. – Харків, 2008. – 176 с.

3. Об адвокатуре и адвокатской деятельности : Закон Украины от 05.07.2012 г. № 5076-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5076-17>.

4. Проект Закона о внесении изменений в Закон Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» и некоторые другие законодательные акты Украины (относительно статуса и гарантий адвокатской деятельности и формирования и работы органов адвокатского самоуправления) № 1794-1 от 04.02.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=53817.

5. Об информации : Закон от 02.10.1992 г. № 2657-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>.

6. Яновська О.Г. Адвокатура України: навчальний посібник / О.Г. Яновська. – К. : Юрінком Інтер, 2007. – 280 с.

7. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Адвокатская тайна в свете реформ правового регулирования / И.Л. Трунов, Л.К. Трунова // Закон и право. – М., 2002. – № 4. – С. 16–18.

8. Подольный Н.А. Адвокатская тайна и проблемы обеспечения безопасности общества от терроризма и организованной преступности / Н.А. Подольный // Адвокатская практика. – 2005. – № 1. – С. 8.

9. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика / М.Ю. Барщевский. – М. : Профобразование, 2000. – 312 с.

10. Model Rules of Professional Conduct (adopted by the ABA House of Delegates in 1983) [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа : http://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/publications/model_rules_of_professional_conduct/model_rules_of_professional_conduct_table_of_contents.html.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Файнгольд Ирэна Давыдовна – аспирант Межрегиональной Академии управления персоналом;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Faingold Irena Davydovna – Postgraduate Student of the Interregional Academy of Personnel Management



УДК 343.2(477)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Олег ЧУВАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Аннотация

В статье исследуются проблемы, связанные с разработкой понятийного аппарата преступлений против основ национальной безопасности Украины. Автором проводится подробный анализ научной литературы, а также нормативно-правовых предписаний по проблемам государственной безопасности. Представлены различные научные подходы в части определения рассматриваемых преступлений. С целью правильного и однообразного понимания анализируемой законодательной дефиниции используется целый комплекс исследовательских методик, который позволяет избежать упрощенного понимания содержания понятия основ национальной безопасности и тем самым исключает возможность его ложной трактовки. Устанавливаются признаки, составляющие определение рассматриваемых преступлений. Разработанное определение и признаки, характеризующие такие преступления, позволяют систематизировать их на отдельные виды.

Ключевые слова: основы национальной безопасности, преступления, признаки, государство, внешняя безопасность, внутренняя безопасность, критерии, объект.

CRIMES AGAINST THE FUNDAMENTALS OF THE NATIONAL SECURITY OF UKRAINE: CONCEPT AND FEATURES

O. Chuvakov,

Odessa I.I. Mechnikov National University

Summary

The article explores the problems associated with the development of a conceptual apparatus of crimes against the fundamentals of the national security of Ukraine. The author undertakes a detailed analysis of scientific literature, as well as regulatory and legal regulations on the problems of state security. Various scientific approaches in the definition of the crimes under consideration are presented. For the purpose of correct and monotonous understanding of the analyzed legislative definition, a whole set of research methods is used that avoids a simplified understanding of the content of the concept of national security fundamentals and thus excludes the possibility of its false interpretation. The signs that make up the definition of the crimes in question are established. The developed definition and the features characterizing such crimes, allow to systematize them on separate kinds.

Key words: bases of national security, crimes, signs, state, external security, internal security, criteria, object.

Постановка проблемы. Проблема выявления сущности преступлений против основ национальной безопасности Украины представляется как никогда актуальной. Разрешение такой проблемы позволит установить круг признаков, составляющих понятийный аппарат рассматриваемых преступлений, их дальнейшую дифференциацию на отдельные виды, а также разработать эффективный механизм по обеспечению безопасности нашего государства.

Актуальность темы исследования. В настоящий период времени ни законодатель, ни уголовно-правовая наука не дает четкого определения понятия преступлений против основ национальной безопасности государства. Разногласия в формулировках признаков такого вида преступле-

ний, представленных современными исследователями, находят свое объяснение теми видами деяний, которые составляют I Раздел уголовного законодательства Украины.

Вопросы в части исследования преступлений против основ национальной безопасности Украины рассматривались в трудах таких украинских ученых, как В.Ф. Антипенко, А.Ф. Бантишева, В.А. Глушкова, В.П. Емельянова, В.А. Липкана, М.И. Мельника, В.А. Навроцкого, А.В. Савченко, В.Я. Тация, М.И. Хавронюка, А.В. Шамара и др.

Цель статьи. В силу представленного положения возникает необходимость в установлении понятия и признаков преступлений против основ национальной безопасности Украины, выявлении их сущности как необходимого условия для опре-

деления основных тенденции совершения уголовного законодательства, направленного на защиту основ национальной безопасности Украины.

Изложение основного материала. Сформулировать понятие какого-либо преступления означает указать на совокупность признаков, выражающих его сущность и содержание. Сущность выражает то главное, что характеризует предметы, их внутреннюю, наиболее важную сторону, глубинные процессы, протекающие в них. Под содержанием следует понимать наиболее важную сторону предмета, характеризующую самую сущность предмета, основу, проявляющуюся в свойствах и признаках предмета [1, с. 520]. Поэтому сущность преступления определяется характером значимости, уровнем цен-



ности тех благ, на которые осуществляет свое посягательство такое преступление. Подобные блага находятся под жесткой охраной уголовного закона, в силу чего посягательства на них оцениваются законодателем в качестве общественно-опасных, то есть преступных.

В этой связи установление более-менее определенного понятия преступлений против основ национальной безопасности находится в зависимости от тех социально значимых интересов, благ и интересов, которые взяты под охрану государством и на которые посягают такие преступления. При этом для полноценного и всеохватывающего представления о развитии определения таких преступлений необходимым представляется изучение опыта исследования таких преступлений, проводимого отечественными исследователями в различные периоды развития нашей государственности.

Среди современных украинских исследователей особое внимание данной проблематике уделяется В.А. Липканом. Так, по его мнению, преступления против основ национальной безопасности Украины – это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, совершенные с прямым умыслом, посягающие на основы национальной безопасности Украины в политической, конституционной, военной, экономической, экологической, информационной, научно-технической сферах, совершенные субъектом преступления [2, с.127]. Из чего следует, что, по мнению исследователя, в разделе преступлений против основ национальной безопасности речь идет о посягательствах на установленную уголовным законом сферу жизненно важных национальных интересов.

Интересными и полезными, как нам представляется, является процедура выделения групп признаков рассматриваемых преступлений, осуществляемая ученым. Так, основные признаки преступлений против основ национальной безопасности делятся В.А. Липканом на следующие группы:

1) предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния (или бездействия);

2) такие действия (бездействия) совершены только с прямым умыслом;

3) такие деяния посягают на основы национальной безопасности Украины (на определенную уголовным законом часть жизненно важных интересов);

4) эти деяния совершаются субъектом преступления [2, с. 127].

В целом указанное определение достаточно подробно отражает сущность преступлений против основ национальной безопасности, но не лишено некоторых дискуссионных положений. Так, в указанной дефиниции, по нашему мнению, спорным представляется рассмотрение автором в качестве объекта таких посягательств различных жизненно важных интересов (в экологической, информационной, научно-технической сферах), где они нередко являются основными составляющими некоторых дополнительных объектов исследуемых преступлений. Данное обстоятельство требует внесения определенных разъяснений в части уточнения содержательной части понятия «национальная безопасность», что, в свою очередь, позволит разработать определенную совокупность признаков (обстоятельств), необходимых для установления более четкой формулировки понятия преступлений против основ национальной безопасности.

Одно из самых объемных понятий таких преступлений по своему содержанию представлено О.Ф. Бантисевым, согласно которому «преступлением против основ национальной безопасности Украины, в соответствии с действующим законодательством, является предусмотренное уголовно-правовым законом Украины общественно-опасное деяние (действие или бездействие), совершенное с прямым умыслом вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, посягающего на конституционный, общественный и государственный строй Украины, ее политическую систему, суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность, обороноспособность, государственную, экономическую или информационную безопасность, при наличии у

субъекта реальной возможности свободного выбора законопослушного поведения» [3, с. 35].

В подобной формулировке дана попытка рассмотрения наряду с видовым объектом преступления и непосредственного, то есть в определении фактически перечисляется группа непосредственных объектов, характерных для большинства преступлений, предусмотренных разделом I УК Украины. Соответственно, громоздкость такого определения значительно затрудняет установление объема исследуемого понятия, а также сужает возможность разграничения таких преступлений от других смежных общественно-опасных деяний.

Известный российский исследователь в этой области С.В. Дьяков предлагает свое определение таких преступлений, которые в российском уголовном законодательстве (глава 29 УК РФ) носят название «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Данная группа посягательств во многом совпадает с преступлениями против основ национальной безопасности Украины. Согласно представленной С.В. Дьяковым формулировке «преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства признаются предусмотренные главой 29 Уголовного кодекса общественно опасные деяния, посягающие на внешнюю, внутреннюю и экономическую безопасность государства» [4, с. 33].

Представленное С.В. Дьяковым определение фактически закрепляет наличие в системе таких преступлений трех отдельных групп (видов): преступления против внешней безопасности, преступления против внутренней безопасности и преступления, посягающие на экономическую безопасность. Иными словами, данное определение охватывает, по сути, все видовые объекты, которые в своей совокупности образуют один родовый – основы безопасности государства. С другой стороны, в названии раздела I УК Украины законодатель использует термин «основы национальной безопасности государства». При анализе такой формулировки (согласно ч. 3 ст. 3 Закона



Украины «Об основах национальной безопасности») несложно установить, что безопасность государства как объект национальной безопасности составляют такие элементы как конституционный строй, суверенитет, территориальная целостность и неприкосновенность. Указанные элементы безопасности государства сопоставимы с такими видовыми объектами, как внутренняя и внешняя безопасность, но никак не охватывают такой видовой объект, представленный в определении С.В. Дьякова, как экономическая безопасность. Хотя известно, что одним из объектов преступления, предусмотренного ст. 113 УК Украины («Диверсия»), является экономическая безопасность государства. Следовательно, все составы преступлений, расположенные в Разделе I УК Украины, в той или иной мере соотносятся с элементами безопасности государства, кроме ст. 113 УК «Диверсия», объектом которой является экономическая безопасность. Таким образом, использование законодателем в указанном выше Законе разнообъемных понятий при моделировании объектов национальной безопасности сложно объяснить, и, следовательно, такие положения нуждаются в дополнительном уточнении.

Для правильного и однообразного понимания указанной законодательной дефиниции необходим целый комплекс исследовательских методов, который позволил бы избежать упрощенного понимания содержания понятия основ национальной безопасности и тем самым исключил возможность его ложной трактовки.

Попыткой разрешения возникшего противоречия представляется позиция Я.А. Лантинова, согласно которой предлагается рассматривать национальную безопасность в двух плоскостях: в широком и узком понимании. Национальная безопасность в широком смысле – это совокупность всех опасностей для Украины (сочетание безопасности государства, безопасности негосударственных объединений / общин / и безопасности физических лиц), как и сочетание всех аспектов безопасности (безопасности политической, энергетической, экологической, информационной и т.д.). Национальная безопасность в

узком смысле – это высший, самый общий уровень безопасности, который не может быть сведен к одному из отдельных аспектов. Содержанием национальной безопасности в узком смысле является обеспечение «жизни» нации Украины, ее самобытной жизнедеятельности» [5, с. 570].

Несложно предположить, что под национальной безопасностью в узком смысле понимаются основы национальной безопасности Украины, то есть основополагающие, приоритетные начала, в сфере охраны основ безопасности государства. Противоправные посяательства на указанный объект наносят существенный ущерб государственным институтам, обществу и личности.

Соответственно, дефиниция «преступления против основ национальной безопасности Украины» содержит признаки не всех общественно-опасных деяний, посягающих на те или иные сферы национальной безопасности, а лишь тех, которые представляются наиболее опасными для безопасности государства. В этом русле заслуживает внимание еще более конкретизированная позиция Н.И. Хавронюка, согласно которой «преступления против конституционных основ национальной безопасности Украины можно определить как предусмотренные УК общественно опасные деяния, которые влекут существенный вред безопасности государства и общества в различных сферах и связанным с ней жизненно важным интересам личности, или угрожают причинением такого вреда» [6, с. 28]. В данном случае ученый подчеркивает наличие реальной возможности в такой узкой сфере национальной безопасности, как в основах такой безопасности выделить еще более узкую группу преступлений – преступления против конституционных основ национальной безопасности Украины.

Вместе с тем, если сопоставить вышеуказанные определения преступлений против основ национальной безопасности (например, дефиниция А.Ф. Бантышева [7, с. 26] и определение таких преступлений, представленное М.И. Хавронюком, то можно прийти к выводу о том, что термином «основы националь-

ной безопасности» охватываются не только основополагающие элементы, составляющие сущность государственной безопасности, но и основополагающие составные политической безопасности, а также безопасности общества и личности. Такие положения позволяют предположить, что преступлениями против основ национальной безопасности Украины являются общественно опасные деяния, которые наносят существенный ущерб основополагающим элементам безопасности государства, общества и личности. При этом в таком случае речь может идти не столько о сформированном определении таких деяний, сколько о своеобразном промежуточном их определении.

Соответственно, название исследуемых общественно-опасных деяний преступлениями против основ национальной безопасности, указанных в названии Раздела I Особенной части УК Украины, наиболее четко отражает их уголовно-правовую направленность на соответствующий объект таких посятельств. В свою очередь, такое положение позволяет констатировать, что преступные деяния, закрепленные Разделом I Особенной части УК, характеризуются комплексом общих признаков, позволяющих разграничивать эти деяния от других смежных преступлений, не посягающих на такой объект. Этому в большей степени должна способствовать научно обоснованная дефиниция понятия преступлений против основ национальной безопасности. Такое определение, кроме объекта посяательства, должно нести информацию о субъективной стороне и степени нанесенного ущерба обществу, характеризующегося «особой, повышенной общественной опасностью» [8, с. 82]. Так, согласно существующему мнению основным отличием государственных преступлений должно быть их умышленное совершение [9, с. 59; 10, с. 55]. Кроме этого, в науке уголовного права до сих пор присутствует дискуссия в части назначения вида и размера наказания, которое должен понести субъект такого преступления. Во многом оно должно находиться в зависимости от общественной опасности такого деяния, которая определяется уровнем интел-



лектуальных возможностей, мировоззрением и волевыми усилиями субъекта преступления. В силу указанных причин санкция таких преступлений должна быть столь суровой, чтобы пресечь желание их совершения на стадии приготовления. В этой связи, необходимость установления столь суровой ответственности за подобные преступления признавали многие ученые [11, с. 126; 12, с. 33; 13, с. 24; 14, с. 188].

Основная часть преступлений против основ национальной безопасности Украины, согласно положениям ст. 12 УК Украины, относится к категории особо тяжких преступлений. Государственная измена (ст. 111 УК), Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112 УК), диверсия (ст. 113 УК), шпионаж (ст. 114 УК), посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины (ч. 3 ст. 110 УК), воспрепятствование законной деятельности Вооруженных Сил Украины и иных воинских формирований (ч. 2 ст. 114-1 УК) являются самыми опасными преступлениями Раздела I УК. Представленные деяния совершаются только с прямым умыслом и наносят ущерб, как правило, не столько основам политической организации государственной власти или конституционному порядку сколько нормальному функционированию основных ветвей государственной власти, в силу чего можно констатировать, что такие деяния, как правило, совершаются с антигосударственным умыслом.

Включение этих преступлений в категорию особо тяжких преступлений является симметричным актом по отношению к той опасности, которую несут в себе такие преступления. Ведь особо тяжкие преступления характеризуются умышленной формой вины. Согласно ч. 5 ст. 12 УК за совершение таких преступлений предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок более десяти лет или пожизненным лишением свободы.

Научное исследование нормативно-правовых предписаний, закрепленных Разделом I УК Украины, свидетельствует об их направленности, главным образом, на защиту та-

ких фундаментальных интересов государства, как принципы безопасного и стабильного функционирования основ политической организации государственной власти в Украине. Подобная защита находит свое выражение в охране основ конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности Украины.

На основании представленных выше аргументов и с учетом выявленных соответствующих критериев появляется возможность сформулировать общее определение понятия преступлений против основ национальной безопасности Украины.

Преступления против основ национальной безопасности Украины – это предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные деяния (действия или бездействия), совершенные с антигосударственным умыслом и посягающие на внешнюю, внутреннюю и экономическую безопасность Украины.

Так, согласно первому признаку, такие преступления могут быть совершены как действиями, так и бездействием. Объясняется это тем, что хотя объективная сторона большинства преступлений против основ национальной безопасности характеризуется активными действиями, все же нельзя исключить возможность совершения посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112 УК) и путем бездействия, когда на виновном лице лежит обязанность совершения обязательных действий, в связи с исполнением им своих профессиональных или служебных полномочий (например, врач, авиадиспетчер и т.п.). Также путем бездействия возможно совершение преступления, предусмотренного ст. 114 –1 УК (воспрепятствование законной деятельности Вооруженных Сил Украины и иных воинских формирований).

Субъективная сторона рассматриваемых деяний составляет следующий признак таких преступлений. Все они совершаются в умышленной форме вины, когда виновное лицо осознает общественно опасный характер совершаемых деяний, а направленность умысла на ослабление безопасности нашего государства

свидетельствует о наличии прямого умысла, а в данном случае, как уже отмечалось, – антигосударственного умысла.

Содержание последнего признака заключается в том, что такие деяния посягают на внешнюю и внутреннюю безопасность Украины. Наличие такого признака представляется вполне логичным в силу того, что в большинстве анализированных и сформулированных нами ранее понятиях «безопасность» и «национальная безопасность» такие термины определяются, как правило, однотипными словосочетаниями: «...состояние защищенности... от внутренних и внешних угроз...». Следовательно, наличие подобных угроз предполагает существование соответствующего механизма по их локализации, то есть по обеспечению внутренней (защита от внутренних посягательств) и внешней безопасности (защита от внешних посягательств). Одним из основных механизмов в защите основ национальной безопасности Украины от подобных угроз являются уголовно-правовые предписания, закрепленные в I разделе Особой части УК Украины, которые содержат признаки общественно опасных деяний, посягающих на основополагающие сферы национальной безопасности нашего государства. Иными словами, подобные сферы рассматриваются нами в качестве отдельных объектов уголовно-правовой охраны, на которые посягают отдельные группы однородных преступлений, составляющие рассматриваемый раздел УК. Соответственно, предложенное нами определение фактически охватывает все видовые объекты, которые в своей совокупности составляют единый родовый объект – основы национальной безопасности Украины. То есть в данном случае речь идет о наличии таких основных видовых объектов, как «внешняя» и «внутренняя и экономическая» безопасность Украины.

«Внешняя» безопасность определяется осуществлением государством эффективных мер, направленных на охрану суверенитета, обороноспособности, информационной безопасности, территориальной целостности и неприкосновенности государства. Следовательно, на внешнюю безопас-



ность государства посягают такие преступления, как государственная измена (ст.111 УК) и шпионаж (ст. 114 УК).

«Внутренняя и экономическая» безопасность определяется совокупностью осуществляемых государством мер, направленных на охрану основ конституционного строя и функционирования государственной власти, а также безопасное развитие экономического сектора государства. Соответственно, на «внутреннюю и экономическую» безопасность государства посягают такие преступления данного раздела как действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя либо на захват государственной власти (ст. 109 УК), посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины (ст. 110 УК), финансирование действий, совершенных с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, изменения пределов территории либо государственной границы Украины (ст. 110² УК), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112 УК), диверсия (ст. 113 УК), воспрепятствование законной деятельности Вооруженных Сил Украины и иных воинских формирований (ст. 114¹ УК).

Выводы. Таким образом, разработанное определение и критерии, определяющие сущность, содержание и признаки понятийного аппарата преступлений против основ национальной безопасности Украины, способствуют выделению их отдельных видов, а значит, и разрешению проблемы их научной классификации.

Список использованной литературы:

1. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – М. : Госполитиздат, 1955. – 833 с.
2. Ліпкан В.А., Діордіца І.В. Національна безпека України: кримінально-правова охорона: навчальний посібник / В.А. Ліпкан., І.В. Діордіца. – К. : КНТ, 2007. – 292 с.
3. Бантишев О.Ф., Шамара О.В. Кримінальна відповідальність

за злочини проти основ національної безпеки України (проблеми кваліфікації)/О.Ф.Бантишев,О.В.Шамара.– [3-е вид., перероб. та доп.]. – Луганськ. : ТОВ «Віртуальна реальність», 2014. – 240 с.

4. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовые и криминологическое исследование/ С.В.Дьяков. – СПб. : «Юридический центр Пресс», 2009. – 267 с.

5. Лантінов Я.О. Щодо визначення національної безпеки України як об'єкта кримінально-правової охорони [Електронний ресурс] / Я.О.Лантінов//Форумправа.–2011.–№1.– С. 570–574.

6. Кримінальне право України : Особлива частина / Ю.А. Александров, О.О. Дудоров, В.А. Клименко та ін. ; за заг. ред. М.І. Мельник, В.А. Клименко. – 2-е вид., перероб. і доп. – К. : Атіка, 2008. – 712 с.

7. Бантишев О.Ф. Кримінальна відповідальність за злочини проти основ національної безпеки України (проблеми кваліфікації) / О.Ф. Бантишев, О.В. Шамара. – [2-е вид., перераб. та доп.]. – К. : Наук.-вид. відділ НА СБ України, 2010. – 168 с.

8. Курляндский В.И. Вопросы ответственности за особо опасные государственные преступления / В.И. Курляндский // Правоведение. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – № 3. – С. 78.

9. Анашкин Г.З., Богатиков Д.И., Иванов Н.М. О субъективной стороне некоторых видов государственных преступлений / Г.З. Анашкин, Д.И. Богатиков, Н.М. Иванов // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1987. – № 45. – С. 59.

10. Анашкин Г.З., Иванов Н.М., Терехов Г.А. Некоторые вопросы субъективной стороны преступлений, посягающих на внешнюю безопасность Союза ССР / Г.З. Анашкин, Н.М. Иванов, Г.А.Терехов // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1982. – № 36. – С. 55.

11. Анашкин Г.З. Об ответственности за преступное посягательство на представителя иностранного государства / Г.З. Анашкин // Советское государство и право. – М. : Наука, 1962. – № 4. – С. 121.

12. Турецкий М.В. Особо опасные государственные преступления /

М.В. Турецкий. – М. : Издательство Московского университета, 1965. – 90 с.

13. Уголовное право. Особенная часть / Дьяков С.В., Жевлаков Э.Н., Здравомыслов Б.В., Красиков Ю.А., и др.; под ред.: Здравомыслов Б.В. – М. : Юрид. лит., 1995. – 543с.

14. Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970. – 271 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуваков Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chuvakov Oleg Anatolevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer at Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminalistics of Odessa I.I. Mechnikov National University

anyuta@te.net.ua



UDK 342.9

APPLICATION OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES IN ELECTORAL RELATIONS

Oleksandra SHYNKARUK,

Doctor of Law Sciences, Senior Lecturer at Department of Civil and Commercial Law
of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

Ilia SPIVAKOV,

Postgraduate Student at Department of Administrative and Financial Law
of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

Summary

The article analyzes the application of administrative coercion in electoral relations in Ukraine; describes theoretical and practical aspects; distinguishes the most common types of administrative coercion in this type of relations, namely: administrative warning, administrative suspension and administrative responsibility.

Key words: electoral relations, administrative and legal regulation; measures of administrative coercion, administrative warning, administrative suspension, administrative responsibility.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. Шинкарук, И. Спиваков,

Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины

Аннотация

В статье проанализировано применение мер административного принуждения в избирательных отношениях в Украине; раскрыты теоретические и практические аспекты; обосновано, что наиболее распространенными видами административного принуждения в сфере отношений указанного вида является административное предупреждение, административное пресечение и административная ответственность.

Ключевые слова: избирательные отношения, административно-правовое регулирование, меры административного принуждения, административное предупреждение, административное прекращение, административная ответственность.

Target setting. On gaining the independence, Ukraine began a long and thorny path of building a democratic and legal state, which is the main indicator of the availability of free, fair and transparent elections of state and local authorities. On capturing the democratic political system in the Constitutional Law, the state recognized people as the only source of power and assumed the obligations before the citizens as to the creation of an electoral system that will meet international standards.

Respect for human rights and freedoms and their guarantees qualitatively characterize the degree of democratic development of the country. The state as guarantor of the rights, including electoral rights of man, is accountable to citizens and the international community for the results of their activities. Realizing its rightful functions and powers, the state determines the limits of permissible behavior or prohibits, requires all actors refrain from actions (inaction) which

violate the statutory rules, established by them, which are implemented by means of organizational-and-legal measures and oversight activities. The administrative coercion measures play a crucial role in providing electoral rights and freedoms because the process of right enforcement is both voluntary and forced.

Topicality of the research. Analysis of administrative-and-legal regulation of electoral relations is important, because declarative electoral rights of the citizens become real when they are provided with proper behavior on the part of the state, which, being a public authority, legislatively establishes both its own duty to protect the rights and freedoms of its citizens and obligations of other participants in order to prevent violations.

The situation currently prevailing in the electoral relations allows us to talk about full or partial violation of electoral laws by means of: falsification of election results, direct or indirect bribery to members of election commissions, voters,

illegal campaigning, use of administrative resources and the like. This course updates the efficacy of administrative coercion, on the one hand, statistics indicates the poor state of efficiency of administrative coercion, indirectly alluding to the need for its strengthening and ensuring the dominant role of the state in matters of coercion, on the other hand, Ukraine having proclaimed pro-European direction of development and intentions of obtaining the status of the EU member, should go through liberalization, thus, minimize government interference in oversight and coercion activities, including electoral relations.

Theoretical and legal research of the legal category of state coercion was covered in research works of domestic and foreign administrative studies scientists, among which are: V. Averyanov, A. Bandurka, D. Bachrach, Yu. Bytyak, A. Bondarenko, A. Vasiliev, I. Holosnychenko, M. Yeropkin, V. Zuy, S. Kivalov, A. Komziuk,



A. Lunev, L. Rozin, M. Zwick, O. Yakub et al. However, despite rather substantial theoretical development, the application of coercion in the realm of electoral relations still remains controversial and requires further investigation.

The purpose of the research is to analyze the application of administrative coercion in electoral relations.

Presentation of basic material of the research. Analysis of the effectiveness of administrative coercion in electoral relations should start with establishing clear boundaries of conceptual and categorical apparatus of this legal category. Administrative coercion is a type of public influence [1, p. 169], so, this method of state coercion is characterized by all the features of the latter one, namely, it finds its expression in the application of appropriate measures (penalties and a number of sanctions); such measures produce organizational, physical, disciplinary and other effects on the behavior of individuals; it is the reason a person has committed the offense or threat to commit unlawful acts; it is based on applicable law; carried out against the will of individuals or entities to whom it applies; accompanied by the use of physical, organizational and legal restrictions which imply deprivation of rights, imposition of additional duties or obstruction of the right; it has a clearly defined performers composition. A performer is an entity that practices coercion in the person of government bodies and their officials and performers according to whom the appropriate sanctions are applied.

In addition, we should agree with A. Treschova, who points out, that such a feature as administrative coercion is applicable not only to individuals but also legal entities (events of civil, administrative or administrative-procedural coercion) [2, p. 97].

Obviously, all above-mentioned features are inherent in administrative coercion; however, in the theory of administrative law specific features of administrative coercion are distinguished. These include: administrative coercion applied in the state administration to protect public relations arising in this sphere of state activity; the mechanism of legal regulation of administrative coercion establishes the grounds and the application of appropriate coercion measures; the

order of coercive measures is regulated, as a rule, by administrative law, which includes the rules of administrative law or administrative regulations of executive or regulatory authorities acts; the application of administrative coercion is the result of implementing public authority of the government, and only in exceptional cases, prescribed by law, such measures may be applied by the court (judges); administrative coercion is used for: a) crime prevention; b) termination of administrative offenses; c) institution of administrative actions; it is based on administrative and procedural rules [3, p. 169].

Analyzing the notion of administrative coercion through a set of inherent characteristics, one should understand it as a variety of state coercion, a method of law enforcement, which is used to protect the private, public and state interests (preventing and stopping offenses, prosecution), the content of which manifests itself in the legally defined governmental influence on the behavior of entities; implemented by the authorized government body avolitional of these entities by applying in compliance with the established administrative procedure order of appropriate measures, defined by real law, that establishes negative effects of personal, real, organizational and other measures.

Various administrative coercion entities have their own, stipulated by the administrative law lists of measures of administrative coercion. Therefore, the types of administrative coercion in the realm of electoral relations can be analyzed through the prism of entities intended to apply it. Given the fact that the main bodies, capable of applying the measures of administrative coercion in electoral relations are the Ministry of Internal Affairs of Ukraine (National Police); courts; officials of the National Council of Ukraine on Television and Radio Broadcasting; in some cases the chairman, deputy chairman, secretary and other members of the election commission, candidates, authorized persons and official observers, then legally prescribed to them measures of administrative coercion shall constitute the system of administrative coercion in the electoral relations. Thus, under Article 255 of the Code of Ukraine "On Administrative Offenses" [4], the above-mentioned individuals have the right to draw up protocols on administrative

violations. Powers of the National Police, in particular, on the use of administrative coercion, are stipulated by the Law of Ukraine "On the National Police" [5].

The main measure of administrative coercion on behalf of the courts of general jurisdiction is the court decision. Thus, under Part 2 of Article 13 of the Law "On judicial system and status of judges" № 1402-VIII [6] "Judicial decisions that have come into force, are mandatory for all state authorities, local governments, public individuals and officials, individuals and legal entities and their associations across Ukraine".

Scientists at different stages of social development could not come to a common view on the list of administrative coercion measures. Thus, representatives of the Soviet school of administrative law, defining the aim of the administrative coercion as a division criterion, differentiated measures: – to prevent various anti-social manifestations, exclude the formation of certain illegal situations; – to stop the commenced or committed offense; – to punish the perpetrators of misconduct [7], which, in our opinion, laid the foundation for further understanding and improvement of administrative coercion. Further works were carried out within the framework of this approach and underwent only partial changes or improvements.

I. Veremeienko expressed an interesting point on the measures of administrative coercion, he divided them into measures of administrative coercion which are applied due to an offense (administrative and legal, legal and procedural sanctions) and measures of administrative coercion and administrative and preventive measures that are not sanctions that are applied due to a committed offense [8, p. 63]. However, nowadays administrative studies scientists usually point out the following groups of administrative coercion; – administrative and preventive measures applied to prevent conditions that threaten public safety; – administrative suspension measures applied to stop illegal activities and prevent the consequences that can threaten public safety; – measures of administrative responsibility (administrative penalties) [9, p. 133].

Y. Bytiak, in his interesting thesis, refers demand to suspend individual actions etc. to the most common measures



of administrative prevention [10, p. 165], which we think to be not appropriate because it means that the action is being held and an official does not warn but suspend it. So we offer to include the suspension demand to the administrative suspension.

Administrative suspension and instituting administrative action are already the consequence of administrative misconduct in the sphere of electoral relations. Moreover, they occur only in the given order. First, offenses are detected directly or by an individual application, after that, it must be suspended in order not to cause any harm to public relations in the sphere of holding the elections. Thus, "OPORA" NGO initiated an appeal to the police with the claim to suspend illegal actions related to illegal campaigning that was held by candidates of election district No 206 in Chernihiv during June 2016 mid-term elections to the Verkhovna Rada of Ukraine [11].

The administrative suspension can be determined by the more general definition of "suspension". It means to suspend or interrupt the action, process, ongoing state by the means determined by the law. A. Komziuk believes that, in accordance with the law, the suspension is the availability of appropriate actions, the active behavior of suspension subjects [12, p. 121]. The administrative suspension in the sphere of electoral relations has such distinctive features as suspension activity, suspension of illegal practices that can occur in the electoral relations between relevant public authorities within the power assigned to them by the law of Ukraine and aimed at offenders; as a result, to restore the proper state of public relations where suspension actions can suspend the commitment of the delict.

Talking about administrative suspension measures in the sphere of electoral relations, one shall understand the activity of authorized government bodies which are competent in suspension and interruption of illegal activity that takes place during electoral relations as provided for in the law of Ukraine on the power towards those offenders to restore the proper state of public relations of this type.

The next measure of administrative coercion after the suspension is an institution of administrative actions that may be considered as an important instrument of the rule-of-law state

because thanks to it the state has a mobile and efficient possibility to realize its demands to private individuals and legal bodies [13].

The representatives of the Soviet administrative school prompted to understand the term "administrative responsibility" as an application, in the given order, by authorized bodies and officials of administrative penalties set out in sanctions of administrative and legal norms to perpetrators of administrative offenses which contain state and public denouncement, denouncement of an individual and illegal actions manifested in negative consequences offenders are required to do and those who need to have them punished, rehabilitated and to protect public order in the sphere of public administration [14, p. 41]. In addition, other works provide the following definition of the analyzed term: "one of the forms of the state denouncement expressed by the influence of relevant government bodies and officials on the offender in accordance with administrative norm sanctions" [15, p. 10]. I. Matianov demonstrates slightly different positions, considering administrative responsibility as offender's obligation to report to the state for the illegal behavior and experience negative consequences as provided for in the law [16, p. 10].

Some representatives of the Ukrainian administrative and legal school determine the administrative responsibility as a specific form of negative state respond through its authorized bodies to the relevant category of illegal manifestation (primarily administrative offenses) according to which a person who committed these offenses must answer for the illegal action before the authorized government bodies and pay administrative penalties in the form and order provided for in the law [17, p. 19]. Others see administrative responsibility as an action applied to individuals who have committed administrative offenses, administrative penalties involving onerous property, moral, personal or other consequences imposed by authorized bodies or officials on the basis and in the order as provided for in the norms of administrative law [18, p. 7].

I. Holisnichenko's opinion is quite interesting. He considers administrative responsibility in a quite narrow sense, he believes that it is an application, the realization of an administrative penalty,

the responsibility of an individual to respond before the state, represented by the bodies, for the committed illegal activity within provided by the law penalty. The scientist indicates that administrative responsibility is to express a negative reaction of the state to the illegal actions of certain private individuals through by establishing appropriate rules, restrictions and application of comparable sanctions to the perpetrators' offenses [19, p. 7]. V. Kolpakov sees the administrative responsibility as coercive application of measures according to a relevant procedure provided in for in the law for committing an administrative offense and must be applied to an offender by an official [20].

R. Pavlovskiy suggested understanding the application of set out, generally binding rules that are applied in governance and other spheres, administrative penalties that have material consequences as the reaction of the state to illegal activity [21, p. 189].

The problem of grounds for administrative responsibility is one of the leading ones in the administrative law theory because it is directly related to the establishment of the amount of the application of administrative penalties measures and ensuring the legality of prosecution, respect to the rights and freedoms of citizens [22, p. 115]. Traditionally recognized in this issue is D. Bakhraha's view who identifies three grounds for administrative responsibility: 1) regulatory – the system of rules that regulates it; 2) factual – specific actions of a certain subject which violate legal norms being protected (administrative offense); 3) procedural – the act of a competent entity to impose specific penalties for specific administrative offense [23, p. 281].

Conclusions. On analyzing administrative coercion measures and their importance for ensuring the legality and compliance with electoral rights, it should be noted that the most common types in the realm of the mentioned relations are administrative warning, administrative suspension and administrative responsibility.

As a part of the study, we managed to identify the following features that qualitatively characterize the measures of administrative coercion in the electoral relations. These include: it is used in



the form of warnings, penalties and sanctions; they produce organizational, physical, disciplinary or other effects on the behavior of individuals; they serve as a cause of committing an offense or threat to commit misconduct in electoral relations; it shall be applied under the administrative regulations; carried out against the will of individuals or entities in respect of which it applies; it is characterized by well-defined performers composition; the mechanism of legal regulation of administrative coercion establishes the grounds and the application of appropriate coercion measures; the order of coercive measures is regulated, as a rule, by administrative law, which includes the rules of administrative law or administrative regulations of executive or regulatory authorities acts; the application of administrative coercion is the result of implementing public authority of government, and only in exceptional cases, prescribed by law, such measures may be applied by the court (judges); administrative coercion is used for: a) crime prevention; b) termination of administrative offenses; c) institution of administrative actions; it is based on administrative and procedural rules, etc.

It should be noted that this list is not exhaustive, as it may envisage other features inherent to administrative coercion. However, the above-stated characteristics, in our opinion, more fully reflect the administrative and coercive activities of government authorities as regards the relations in the electoral field.

Defining grounds for administrative responsibility for committing the offense in the sphere of electoral relations, one should distinguish three following items: regulatory, stipulated by the norms of the Code of Ukraine "On Administrative Offenses", which forms a system and regulates administrative and delict relations in the electoral sphere; factual – illegal actions of an individual who offends public relations in the electoral sphere and violates legal requirements they are regulated with; procedural – an authorized subject act (especially law enforcement authorities and courts) of the imposition of a specific administrative penalty for a separate administrative offense in the electoral sphere.

Within the outlined research we are inclined to define the following measures of administrative coercion:

1) preventive or prophylactic means of administrative coercion consist in establishing restrictions or prohibitions

for potential offenders using physical or psychological means of influence by authorized government bodies in the form of the verification of documents, examination of property or personal inspections, a temporary ban for citizens from access to certain polling stations, restrictions of actions aimed at averting and preventing unlawful behavior on the part of administrative offenses in the sphere of electoral relations. Having applied preventive measures of administrative influence, government bodies affect the prevention of delict manifestations in the electoral relations, thus, protecting and providing electoral rights of citizens;

2) measures of administrative suspension in the sphere electoral relations are the activities of authorized government bodies aimed to terminate, suspend illegal manifestations that take place during electoral relations within powers, provided for in the law of Ukraine, applied to offenders to restore the proper state of public relations of this type;

3) administrative responsibility is the measure of administrative coercion which means a certain reaction of the state to committing certain administrative offenses in the sphere of electoral relations aimed to punish the offender, restore the violated law, educate the offender and prevent this type of offenses in the future.

References:

1. Административное право Украины. – 2-е изд., перераб. и доп. [Учебник для студентов высш. учебн. заведений юрид. спец. / Ю.П. Битяк, В.В. Богущкий, В.Н. Гарашук и др.]; Под ред. Проф. Ю.П. Битяка. – Харьков : Право, 2003. – 576 с.
2. Трещова О.Р. Теоретико-правові засади державного примусу / Державне будівництво та місцеве самоврядування Випуск 19, 2010 р. – С. 92–98.
3. Административное право Украины. – 2-е изд., перераб. и доп. [Учебник для студентов высш. учебн. заведений юрид. спец. / Ю.П. Битяк, В.В. Богущкий, В.Н. Гарашук и др.; под ред. Проф. Ю.П. Битяка. – Харьков : Право, 2003. – 576 с.
4. Кодекс України про адміністративні правопорушення / Закон України // Відомості Верховної Ради Української РСР (ВВР) 1984, додаток до № 51, ст. 1122.

5. Про Національну поліцію : Закон України // Відомості Верховної Ради. – (ВВР), 2015, № 40-41, ст. 379.

6. Про судоустрій і статус суддів : Закон України від 02.06.2016 № 1402-VIII // Відомості Верховної Ради України. – 2016, № 31. – Ст. 545.

7. Еропкин М.И. О классификации мер административного принуждения / М.И. Еропкин // Вопросы административного права на современном этапе. – М. : Высш. школа МООП СССР, 1963. – С. 60.

8. Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции / И.И. Веремеенко. – М. : Юридическая литература, 1975 – 192 с.

9. Ведерников Ю.А., Шкарупа В.К. Адміністративне право України. – К. : Центр навчальної літератури, 2005. – 336 с.

10. Адміністративне право України / Битяк Ю.П., Гарашук В.М., Дьяченко О.В. та ін. – К. : Юрінком Інтер 2007. – 544 с.

11. Святослав Бабіля Чернігівщина: ОПОРА звернулася до правоохоронців з приводу порушення правил ведення агітації 15 червня 2016 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://www.opora.ua.org/novyny/42652-chernihivshchyna-opora-zvernulasia-do-pravookhorontsiv-z-privodu-porushennia-pravyl-vedennia-ahitatsii>.

12. Комзюк А.Т. Заходи адміністративного примусу в правоохоронній діяльності міліції: поняття, види та організаційно-правові питання реалізації / А.Т. Комзюк. – Харків : Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2002. – 336 с.

13. Куян І. Адміністративна відповідальність як інструмент правової держави / І. Куян // Право України. – 1998. – № 5. – С. 66–68.

14. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР: Процессуальное регулирование / И.А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 252 с.

15. Административная ответственность по советскому праву: Учебное пособие. – Куйбишев, 1978. – 58 с.

16. Мартянов И.В. Административная ответственность по советскому законодательству. – К., 1985. – 55 с.

17. Гончарук С.Т. Адміністративна відповідальність за законодавством



України: Навчальний посібник / С.Т. Гончарук. – К. – 1995. – 78 с.

18. Адміністративна відповідальність в Україні: Навч. посібник / За заг. ред. доц. А.Т. Комзюка. – Харків : Ун-т внутр. справ, 1998. – 78 с.

19. Адміністративна відповідальність (загальні положення та правопорушення у сфері обігу наркотиків): Навчальний посібник / За заг. ред. доктора юридичних наук, професора І.П. Голосніченка. – К. : КІВС, 2002. – 141 с.

20. Колпаков В.К. Адміністративна відповідальність: сутність та поняття підстав / В.К. Колпаков // Вісник прокуратури. – 2003. – № 6. – С. 75.

21. Павловский Р.С. Советское административное право / Р.С. Павловский. – К., 1986. – 416 с.

22. Хортюк (Шинкарук) О.В. Цивільно-правова охорона ділової репутації юридичної особи: монографія / О.В. Хортюк (Шинкарук). – Чернівці : ЧНУ, 2012. – 200 с.

23. Бахрах Д.Н. Административное право. Учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. – М. : Издательство БЕК, 1997. – 368 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shynkaruk Oleksandra Vasyilivna – Doctor of Law Sciences, Senior Lecturer at Department of Civil and Commercial Law of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

Spivakov Iliia Igorovych – Postgraduate Student at Department of Administrative and Financial Law of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шинкарук Александра Васильевна – доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского и коммерческого права Национального университета биоресурсов и природопользования Украины.

Спиваков Илья Игоревич – аспирант кафедры административного и финансового права Национального университета биоресурсов и природопользования Украины.

vashyn2010@ukr.net

УДК 343.3

ВОЙСКОВОЕ ФОРМИРОВАНИЕ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 114-1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Павел ЯСИНОВСКИЙ,
аспирант

Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса
Национальной академии правовых наук Украины

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопросов о содержании понятия «войсковое формирование» и его признаков. Проанализированы понятия «Военная организация государства», «сектор безопасности и обороны», «войсковое формирование». Выделена совокупность обязательных признаков войсковых формирований (общие, родовые и видовые).

Ключевые слова: национальная безопасность, войсковое формирование, препятствование законной деятельности войсковых формирований.

MILITARY FORMATION AS A PART OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 114-1 OF THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE: QUALIFICATION PROBLEMS

P. Yasinovskii,

Academician Stashis Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems
at the National Ukrainian Academy of Law Sciences

Summary

The article is devoted to questions about the meaning of «military formation» and its characteristics. Analyzes the concept of «Military organization of the state», «security sector and defense», «military formation». Selected a set of mandatory attributes of military units (General, generic and species).

Key words: national security, military formation, impeding the legitimate activities of military formation.

Постановка проблемы. Законом Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины» от 8 апреля 2014 г. введена уголовная ответственность за препятствование законной деятельности Вооруженных Сил Украины и других войсковых формирований в особый период (ст. 114–1 УК). Для соблюдения законных прав и свобод лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении такого преступления, необходимо правильно квалифицировать совершенное лицом деяние, при этом точно и однозначно толковать обязательные признаки состава преступления, предусмотренного указанной статьей [1].

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости содержания такого признака как

«войсковое формирование» в указанном преступлении. В настоящее время практически отсутствуют научные разработки относительно родовых и видовых признаков таких формирований.

Состояние исследования. Понятие «войсковое формирование» является междисциплинарным и его изучением занимались такие исследователи как А.В. Кривенко, И.И. Качан, Е.В. Пилипенко, С.Ю. Поляков и др. Их научные работы служат теоретической базой для продолжения исследования рассматриваемых вопросов.

Целью и задачей статьи является изучение понятия «войсковое формирование» и выявление его типичных признаков.

Методы исследования. Методологическую основу исследования состав-



ляет объединение теоретического и практического подходов, в пределах которых нашли применение общенаучные и специально-правовые методы. Анализ понятия «войсковое формирование» осуществляется на нормативно-правовом и теоретико-правовом уровнях с применением известных философских категорий «общее», «отдельное» и «единичное».

Изложение основного материала.

В юридической литературе высказываются неоднозначные мнения относительно содержания понятия «войсковое формирование». Например, одни исследователи репрезентуют следующие признаки войскового формирования: они созданы согласно законам Украины; комплектуются военнослужащими; участвуют в оборонной защите суверенитета и целостности государства путем непосредственного ведения военных (боевых) действий; на личный состав распространяется социальная и правовая защита, условия пенсионного обеспечения, установленные законом для военнослужащих (решение Конституционного Суда Украины от 06 июля 1998 г. № 10-рп) [2].

Системно-структурный анализ изложенной позиции позволяет выявить, с одной стороны, значительную ограниченность предложенного перечня признаков, так как не наблюдается связь войсковых формирований с общей системой безопасности и обороны в государстве, отсутствует цель создания и деятельности таких формирований, игнорируется вопрос управления и т.д. С другой стороны, видим явно его необоснованное расширение, проявляющееся в признании самостоятельным признаком «распространение на военнослужащих социальной и правовой защиты, условия пенсионного обеспечения, установленные законом для военнослужащих». Такая качественная характеристика является признаком не войскового формирования, а военнослужащего, она присуща его статусу (положению) в обществе и государстве.

Кроме того, отдельные ученые высказывают иные мнения, например, считая, что обращение к соответствующим нормативно-правовым актам дает возможность в полном объеме растолковать такие термины, как «Вооруженные Силы Украины» и «другие войсковые формирования» [3, с. 271].

Действительно, о войсковых формированиях упоминается в ряде законодательных и иных нормативно-правовых актах. В ст. 17 Конституции Украины указывается, что «обеспечение государственной безопасности и защита государственной границы Украины возлагается на соответствующие войсковые формирования и правоохранительные органы государства, организация и порядок деятельности которых определяется законом» (ч. 3). Кроме того, конституционной нормой прямого действия (ч. 4 указанной статьи Конституции Украины) установлены ограничения относительно использования войсковых формирований и их деятельности: «Вооруженные Силы Украины и другие войсковые формирования никем не могут быть использованы для ограничения прав и свобод граждан или с целью свержения конституционного строя, устранения органов власти или препятствования их деятельности».

Содержание термина «войсковые формирования» раскрывается в ст. 1 Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня 2003 г. при определении Военной организации государства, под которой понимается совокупность органов государственной власти, войсковых формирований, образованных согласно законам Украины, деятельность которых находится под демократическим гражданским контролем со стороны общества и непосредственно направлена на защиту национальных интересов Украины от внешних и внутренних угроз [4].

Из приведенного определения можно сделать вывод об уточнении терминологии в фиксации конституционной цели деятельности войскового формирования как общего обязательного признака Военной организации государства и входящих в ее состав органов и формирований – это защита национальных интересов Украины от внешних и внутренних угроз. Кроме того, законодателем выделен еще один общий обязательный признак – деятельность органов государственной власти, войсковых формирований, входящих в состав такой организации, находится под демократическим контролем со стороны общества.

Учитывая юридическую силу упомянутых ранее конституционных норм

и, проведя анализ соотношения понятий «обеспечение», «защита», «государственная безопасность» и «национальные интересы», приходим к выводу, что целью создания и деятельности войскового формирования являются обеспечение и защита национальных интересов от внешних и внутренних угроз.

Содержание термина «национальные интересы» раскрывается в ст. 1 Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины», где предусмотрено, что «национальные интересы – жизненно важные материальные, интеллектуальные и духовные ценности Украинского народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Украине, определяющие потребности общества и государства, реализация которых гарантирует государственный суверенитет Украины и ее прогрессивное развитие».

В приведенной законодательной дефиниции закреплено конституционное положение о субъектных составляющих национальной безопасности и их приоритетность: «Украинский народ, общество, государство», что, на наш взгляд, является значительным шагом в развитии законодательства о национальной безопасности и войсковых формированиях. Практически это является закреплением на нормативном уровне смены первоочередности обеспечения безопасности в Украине – от государственности – к нации (Украинскому народу), где интересы нации (общества) ставятся на первое место в сравнении с интересами государства.

Сделанное заключение также является аргументом в пользу употребления термина «национальная безопасность», а не «государственная безопасность», что соответствует увеличению значения нации, общества во всех государственных процессах.

Вместе с тем в литературе продолжается дискуссия относительно дальнейшей целесообразности нормативно-правового использования термина «Военная организация государства», составной частью которой являются войсковые формирования. Исследователи указывается на постепенное уменьшение количества научных разработок по вопросам развития Военной организации Украинского государства, а также дальнейшее снижение актив-



ности в использовании этого термина как официальными государственными органами, так и научно-экспертной средой. После 2010 г. более употребляем термин «сектор безопасности и обороны», который постепенно вытесняет «военную (войсковую) организацию государства» [5, с. 77], хотя такое эволюционное решение критически воспринимается многими исследователями [6].

О войсковых формированиях неоднократно упоминается в Военной доктрине Украины, утвержденной Указом Президента Украины «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 2 сентября 2015 г. «О новой редакции Военной доктрины Украины»» от 24 сентября 2015 г. № 555/2015 (пункты 4, 12, 13, 17, 21, 24–26, 46 и др.), без раскрытия его содержания [7].

Системно-правовой и системно-функциональный анализ этого документа дает основания для утверждения, что понятие «войсковое формирование» в современный период развития нашего общества и государства находится в связи «отдельное–общее» с таким понятием, как «сектор безопасности и обороны», содержание которого раскрывается в п. 4 Военной доктрины Украины. Так, этим документом сектором безопасности и обороны признается «охваченная единым руководством совокупность органов государственной власти, Вооруженных Сил Украины, Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, Государственной специальной службы транспорта, других созданных в соответствии с законами Украины войсковых формирований, правоохранительных органов специального назначения, деятельность которых по функциональному назначению согласно Конституции и законов Украины направлена на защиту национальных интересов от внешних и внутренних угроз национальной безопасности Украины».

Анализ взаимосвязи понятий «сектор безопасности и обороны» и «войскового(-ых) формирование(-ий)», на наш взгляд, позволяет выявить такие их общие обязательные признаки: (1) наличие единого руководства в таком секторе, структурной частью которого являются войсковые формирования; (2) законодательная регламен-

тация их создания и функций и (3) цель (функциональное назначение) деятельности этих органов или образований – направленность на защиту национальных интересов от внешних и внутренних угроз национальной безопасности Украины.

Понятие «национальная безопасность» нашло закрепление и раскрытие содержания в ст. 1 уже упомянутого Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины». При этом приведенное положение Военной доктрины Украины уточняет цель создания и деятельности войскового формирования – защита национальных интересов от внешних и внутренних угроз национальной безопасности Украины. Однако редакция этого определения является, на наш взгляд, некорректной, так как грамматический анализ содержания терминов «национальные интересы» и «национальная безопасность» показывает казуистический смысл их объединения в одном предложении. Поэтому приведенное определение цели деятельности войсковых формирований как их признак использовать проблематично.

Обобщая выделенные общие обязательные конституционные и другие законодательные признаки войскового формирования, можем предложить следующий их перечень: (1) является компонентом (элементом) сектора безопасности и обороны с единым общим руководством; (2) цель создания и деятельности войскового формирования – обеспечение и защита национальных интересов от внешних и внутренних угроз; (3) законодательная определенность его создания, функций и порядка деятельности, в частности функциональные цели определяются Конституцией Украины и другими законами; (4) деятельность войскового формирования находится под демократическим контролем со стороны общества; (5) ограниченность использовании войскового формирования и его деятельности – оно не может быть использовано для ограничения прав и свобод граждан или с целью свержения конституционного строя, устранения органов власти или препятствования их деятельности.

Приведенные общие признаки характеризуют войсковое формирование как составную часть (элемент) сектора

безопасности и обороны с определением его функции, роли и значения в обществе и государстве.

Рассмотрим войсковое формирование на уровне взаимосвязи философских категорий «отдельное – единичное», то есть проанализируем войсковое формирование как родовое понятие и установим его разновидности, а также родовые и видовые обязательные признаки.

Понятие «войсковое формирование» раскрывается в ст. 1 Закона Украины «Об обороне Украины», где указывается, что таким признается созданное в соответствии с законодательством Украины совокупность войсковых соединений и частей, органов управления ими, которые комплектуются военнослужащими и предназначены для обороны Украины, защиты ее суверенитета, государственной независимости и национальных интересов, территориальной целостности и неприкосновенности в случае вооруженной агрессии, вооруженного конфликта или угрозы нападения путем непосредственного ведения военных (боевых) действий [8].

Из этого законодательного определения войскового формирования можно выделить такие обязательные его признаки, как: (1) законодательная регламентация создания войскового формирования – они создаются согласно законодательству Украины (это уточненный общий признак); (2) наличие органов управления войсковыми соединениями и частями (родовой признак); (3) субъектный состав (комплектация) таких формирований (войсковых соединений и частей, а также органов управления ими) составляют военнослужащие (родовой признак); (4) цель создания и деятельности – оборона Украины, защита ее суверенитета, государственной независимости и национальных интересов, территориальной целостности и неприкосновенности в случае вооруженной агрессии, вооруженного конфликта или угрозы нападения путем непосредственного ведения военных (боевых) действий (родовой признак, который корреспондируется с соответствующим общим признаком).

Видовые обязательные признаки характеризуют каждую разновидность войсковых формирований (войсковые



соединения, войсковые части и органы управления ими), и их конкретизация вытекает из положений Конституции Украины и Законов Украины «О Вооруженных Силах Украины», «О Службе безопасности Украины», «О Национальной гвардии Украины» и др.

Кроме обязательных общих, родовых и видовых признаков, войсковые формирования могут характеризоваться и дополнительными признаками, установление которых осуществляется путем системно-структурного и системно-функционального анализа, в первую очередь, положений законодательных и иных нормативно-правовых актов, регламентирующих создание и функционирование таких формирований.

Выводы. Приведенное позволяет выделить системную совокупность обязательных признаков понятия «войсковое формирование» (общие, родовые и видовые). Такие признаки целесообразно использовать при квалификации преступления, предусмотренного ст. 114-1 КК Украины, для определения наличия войскового формирования, законной деятельности которого препятствует лицо.

Список использованной литературы:

1. Про внесення змін до Кримінального кодексу України : Закон України від 08.04.2014 р. № 1183-VII

[Електронний ресурс].–Режимдоступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1183-18>. – Заголовок с экрана.

2. Кривенко О.В., Качан І.І. Військова адміністрація (право військової сфери у визначеннях та схемах): навчальний посібник О.В. Кривенко, І.І. Качан. – К., 2009 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://studopedia.org/12-87551.html>. – Заголовок с экрана.

3. Пилипенко Є.В. Щодо обґрунтованості криміналізації перешкоджання законній діяльності Збройних Сил України та інших військових формувань / Є.В. Пилипенко // Наук. вісн. Львівського держ. ун-ту внутр. справ. Серія юридична. – Вип. 1. – 2016. – С. 266–277.

4. Про основи національної безпеки України»: Закон України від 19.06.2003 р. № 964-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/964-15>. – Заголовок с экрана.

5. Слободян О.Ф. Военная политика пострадянских держав: порівняльний аналіз : дис. ... канд. політ. наук. / О.Ф. Слободян. – К. : 2014. – 219 с.

6. Військові злочини: кримінально-правова, криміналістична та кримінологічна характеристика: колективна монографія / За заг. ред. В.М. Стратонова, Є.Л. Стрельцова. – Херсон : Видавничий дім «Гельветика», 2015. – 340 с.

7. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 ве-

ресня 2015 року «Про нову редакцію Военної доктрини України»: Указ Президента України від 24.08.2015 р. № 555/2015 <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/555/2015/paran8#n8>. – Заголовок с экрана.

8. Про оборону України: Закон України від 06.12.1991 р. № 1932-XII [Електронний ресурс].–Режимдоступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1932-12>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ясиновский Павел Владимирович – аспирант Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yasinovskii Pavel Vladimirovich – Postgraduate Student of Academician Stashis Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems at the National Ukrainian Academy of Law Sciences

yasinovskii.pash@mail.ru